

Валерий Степнов

ПЕТУШИНОЕ СЛОВО

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

АО «Воронежская областная типография»
Воронеж
2025

УДК 502.1
ББК 20.17
С 79

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Воронежской области*

Руководитель издательского проекта *И.А. Щёлоков*
Редактор-составитель *А.В. Степнова*
Редактор *В.Е. Новохатский*

С 79 Степнов В.В.

Петушиное слово. Экологические этюды. – Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2025. – 300 с.

Книга известного журналиста-публициста Валерия Васильевича Степнова «Петушиное слово» – это новый издательский проект ГБУК ВО «Журнал «Подъём». Издание актуально прежде всего современной экологической тематикой, обращением к самым насущным вопросам жизни человека и всего живого на планете Земля. С одной стороны, автор знакомит нас с поразительными природными явлениями и тем самым пробуждает у читателей интерес к окружающему миру, а с другой – показывает, насколько хрупок этот мир и какие чудовищные последствия грядут из-за бездушного отношения к своей среде обитания.

В книге использованы фотографии автора

ISBN 978-5-4420-1241-5

© Степнов В.В., 2025
© Журнал «Подъём», издание

ВВЕДЕНИЕ

По всей стране тысячи энтузиастов очищают от мусора леса, парки, берега рек, озёр, поднимают со дна водоёмов автомобильные покрышки, бутылки, банки, ломаные велосипеды и прочий хлам. Тысячи убирают, а миллионы мусорят, рвут, ломают, жгут, тралят. Одни в масштабах лесной поляны, другие – целого региона. И никто не чувствует себя виноватым, не помышляет об ответственности за природу.

Массовая непричастность объясняется массовым бескультурьем, бездушным отношением к окружающей нас природе. Автор сборника в своих этюдах знакомит нас с редкими, удивительными явлениями в растительном или животном мире. Тем самым пробуждает у читателей интерес к природе, желание узнать и понять её. Познание, оказывается, рядом, протяни руку, и оно откроется.

Земное ль в ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвётся обожать...

Фёдор Тютчев

ВСЕЛЕНСКИЙ РАЗУМ

Не мной первым замечено: чем дольше живёшь, тем тоньше воспринимаешь окружающий мир. То, мимо чего в молодости проходил, не замечая или воспринимая как должное, теперь с одного взгляда поражает до глубины души. Совсем не важно, куда смотришь – в бездонные небеса или себе под ноги. Пытаюсь вспомнить, когда и с чего началось моё прозрение. Пожалуй, за порогом сорокалетия. Стоял в сибирской тайге под кроной кедра-великаны, и мне к ногам упала спелая кедровая шишка. Поднял её, радуясь нежданному подарку, отколупнул чешуйку, достал из уютного гнёздышка орешек, уже предвкушал нежный, маслянистый вкус ядра, когда мысль, как вспышка, заставила замереть.

– А ведь точно из такого орешка вырос этот кедр. В крохотном зародыше уже были определены его ствол, кора, крона, корни, начало и конец плодоношения. Все бесчисленные хвоинки обозначены по длине, цвету и соединены в пучочки точно из пяти в каждом. Ни одной меньше, ни одной больше. Каждая клетка огромного ствола определена по месту и назначению. А ещё – будущие шишки, сами орешки, зародыши, в которых всё

повторится с абсолютной точностью в следующих поколениях. Открывалась спираль информации, уходящая в бесконечность.

Понятно стремление учёных постигнуть существо зародыша. Благодаря современной технике многое известно на молекулярном уровне. Однажды захотелось самостоятельно узнать хотя бы самую малость – какую часть ореха занимает зародыш. Достал из своих запасов мешочек с кедровыми орешками, пролежавшими целый год. Скорлупа высохла, стала жёсткой, зубам не поддавалась, пришлось взять плоскогубцы. Осторожно расколол орех, извлёк ядро. На аналитических весах взвесил скорлупу. Получилось 0,32 грамма. Ядро оказалось тяжелее – 0,43 грамма. Под мощной лупой разделил ядро. В толще маслянистой массы нечто удлинённое, микроскопически малое, не поддающееся взвешиванию. Разновесы в 20 и даже в 10 миллиграмм на зародыш не реагировали.

Вот так. А я ещё собирался препарировать маковое зерно, выделить и взвесить зародыш. В нём тоже скрыта бездна информации, включая дурманящий сок и живое пламя цветка. На цветущий мак могу смотреть часами, поражаясь изощрённо замысловатому сочетанию ярких лепестков, меховой густоте тычинок, добротной ёмкости коробочки, где природа вершит таинство создания будущих семян. Всё взаимосвязано, разумно, прекрасно и тоже закодировано в бесконечно малых величинах зародыша.

Сколько в одной коробочке семян, ровно столько раз растение во всём великолепии повторит себя в следующей жизни. Ни на йоту не отступит от образца, но с каждым новым поколением непременно совершенствуясь в чём-то незримом и недоступном человеческому взору. Просторнее хоть на одно семечко может стать коробочка, несколько молекул пурпурна прибавится лепесткам. Совершенство будет отмечено в зародыше и передано следующим поколениям.

А какой восторг и одновременно свою малость ощущаешь, созерцая ночное мерцание звёзд, сияние луны и жар нашего солнца. Не взглядом, но мыслью пытаешься

проникнуть в глубины космоса, понять закономерность движения планет, незыблемую точность их орбит на миллионы лет. Вздыхаешь и опускаешься на землю, поскольку подняться в своём миропонимании удалось не выше печной трубы деревенского дома.

Нам ещё непостижим в своём совершенстве бесчисленный мир живущих на земле. Каждый представитель – загадка и чудо. Тяжёлый жук, по законам аэродинамики, летать не может. Площадь его крыльев по отношению к массе тела мала, подъёмная сила недостаточна, чтобы оторвать массивное насекомое от земли. А он всё равно летает. И неплохо. Крохотный муравей, по сравнению с массой своего тела, легко переносит немыслимые тяжести. Его мышечная сила просто фантастическая. Если бы мы были также развиты, то среднестатистический мужчина мог бы легко взбираться по вертикальной лестнице с пианино за плечами. Увы, не можем.

Восторг до поклонения вызывает весь мир растительных и животных творений природы. Кто создал их и Вселенную?

Вечный вопрос, занимающий пытливые умы во все времена. Верующие убеждены – Бог – и в качестве не-отразимого аргумента приводят Библию, Коран, Тору. Нет слов, – мудрые книги, но мало ли мудрых книг на свете, очень убедительно утверждающих другое? По мнению натуралистов, растительная и животная жизнь на земле в её нынешнем виде – итог естественного отбора, начавшегося в миг зарождения и продолжающегося по сей день. Утверждение оправдывается всем многообразием животной и растительной жизни, могло бы стать истиной, если бы подтверждалось везде и во всём. Но оно не подтверждается.

Главное противоречие теории эволюции – человек как индивидум и семимиллиардное население планеты в целом. Всё живое на земле стремится приспособиться к окружающей среде, достичь совершенства, чтобы выжить. Всё, кроме человека. Он рубит, убивает, давит, подчиняет, считает себя венцом природы и всем образом жизни стремится погубить планету вместе с собой.

Так кто же создатель всего сущего на Земле? Кто определил движение планет, ход времени, назначил час рождения и день смерти? Пусть для идеалистов будет Бог, для материалистов – эволюция. Лично для себя давно нашёл однозначный ответ – Вселенский разум. Он всему определяет рациональное существование, никого ни к чему не призывает и не принуждает. Ему можно следовать или не следовать. Кто противоречит Вселенскому разуму, тот сам карает себя. Ведь не откровение и не великая тайна, что человечество всем образом жизни готовится покарать себя. И не в отдалённых тысячелетиях, а в ближайших десятилетиях.

Угроза глобального потепления давно перешла из категории прогнозов в очевидную реальность, а люди не принимают её всерьёз. Тают льды Арктики, ледники на горных вершинах, отступает на север вечная мерзлота, становятся нормой аномально тёплые зимы, ранние вёсны. Атмосфера бурлит. За последние 30 лет разрушительная сила ураганов увеличилась в 2 раза. Наша планета превращается в парник, окутанный словом углекислого газа. Гигантский объём растаявших льдов поднимет уровень мирового океана, под водой окажутся прибрежные города и целые страны. В нашей стране оттаявшая мерзлота перестанет держать возведённые на ней железные и автомобильные дороги, промышленные, гражданские сооружения, и они рухнут.

Перспектива очевидная и совсем не удалённая. Однако человек всё больше и больше сжигает каменноугольного угля, нефтепродуктов, дымит, газует, всё плотнее и плотнее забивает атмосферу углекислым газом. При этом мы полагаем себя никак не причастными к надвигающейся экологической катастрофе. С изощрённостью эгоиста каждый выбрал себе философию маленького человека, никак ни на что не способного влиять. «Да, моя машина дымит, но несравненно меньше металлургического завода. Я выбрасываю пластиковые упаковки, но это лишь песчинка в горах мусора миллионного города».

Лукавит человек, отворачивается от логики здравого смысла, призывающего ограничить непомерно возросшие потребности. Ведь автомобили – не саранча, сами не размножаются, их делают люди. По законам рыночной экономики спрос определяет предложение. Больше спрос – больше предложение. Чем больше металла запрашивают автомобильные заводы, тем больше его производят металлургические и, соответственно, больше выбрасывают дыма в атмосферу. Подумать только, ежегодно на дорогах России прибавляется по одному миллиону автомобилей. Железные стада заполонили улицы, вылезли на тротуары, забили дворы.

Потребительство давно вступило в противоречие с логикой здравого смысла. Нам нечем дышать, от рыка и воя моторов, писка и свиста охранных сигнализаций нет покоя ни днём ни ночью. Всё плотнее и длиннее пробки на въезде в город по утрам и на выезде по вечерам. При этом нет ни малейшей надежды на расширение улиц, увеличение их пропускной способности. Совершенно очевидна необходимость сокращения личного транспорта и всемерного развития общественного. У нас всё с точностью до наоборот. С улиц исчезли трамваи, уменьшилось число троллейбусов, в сферу фантастики перешло метро. Зато в каждой области полагают за честь иметь автомобильный завод. Хотя от легковых автомобилей всех мастей и марок уже голова кругом идёт.

Если приглядеться к потоку автомобилей, то обнаруживается удручающая особенность – в салоне, как правило, сидит один, редко двое. Катит танкоподобный джип, на котором брёвна бы трелевать на лесоповале, а в нём в одиночестве катит миниатюрная барышня. Ладно, пробьёт час, когда каждый желающий заимеет автомобиль. Но к тому времени половина нынешних владельцев будет иметь два и захочет третий. Потребности не имеют границ. Уже сегодня в сферу «хочу» входят самолёты, вертолёты, подводные лодки, катера, яхты. Про компьютеры, телевизоры, сотовые телефоны и речи не идёт.

Как стихийное бедствие, вроде цунами или урагана, воспринимает человек лавину пластикового мусора, захлестнувшего планету. Ну вроде бы совершенно он тут ни при чём. Будто бутылки, банки, пакеты, обёртки материализуются из воздуха, ничего с ними не по делаешь, остаётся выполнять тяжёлую обязанность собирать, возить и вываливать теперь уже в огромные кучи, именуемые полигонами для твёрдых бытовых отходов. Мусор там часто самовозгорается. Пластик под действием высокой температуры разлагается с выделением диоксида. Это уже отравляющее вещество и канцерогенный провокатор. Все знают, чем дышат, но от пластика отказываться и не думают.

Человек представляет себя жертвой пластикового бума, хотя сам его спровоцировал. Опять же под давлением непомерных потребностей и лени. Попробуйте сейчас высказать предложение вернуться к стеклянным бутылкам для молока. Ведь засмеют. Чего ни коснись разумного, хорошего из прошлого, как ленивые и жадные заткнут рот расхожей фразой: «Возврата к прошлому нет». Да почему же нет, если опыт поколений, накопленные знания и есть наше прошлое, без которого немыслимо развитие цивилизации. А лозунг «Назад к природе!» зовёт к достижениям науки и техники, для нас ещё недомыслимых.

Заурядная муха в полёте совершеенное любого вертолёта. Её способность перемещаться по вертикальной поверхности или бегать по потолку вообще не доступна ни одному из созданных человеком аппаратов. Нам далеко до постижения созданного Вселенским разумом.

В природе всё совершенно,rationально, разумно, ничто не обременяет, не отягощает планету. Листва, плоды, деревья, кусты, травы, отживаая свой срок, падают и превращаются в питательную среду для новых поколений. Даже скорлупа – прочнейшая упаковка орехов, пролежав год-другой в земле, разрушается и превращается в удобрение. Жёсткие панцири раков, хитиновые оболочки насекомых распадаются, не причиняя ни малейшего вреда. Если бы Вселенский разум

чуть ошибся в молекулярном строении хитина и сделал его таким же стойким, как пластик, земля давно покрылась бы толстым слоем жуков, муравьёв, тараканов. Не ошибся.

Нельзя считать ошибочным поведение человека, поскольку он действует сознательно. Из всего многообразия животного мира планеты только человек стремится к уничтожению себе подобных. Он создал великое множество разнообразного холодного, огнестрельного, химического, бактериологического, атомного оружия. Запасы его столь велики, что уже несколько раз можно уничтожить всё население планеты, а саму землю превратить в безжизненную пустыню. Шанс выжить имеют только пауки, поскольку способны переносить дозы радиации, убийственные для всего живого.

На земле немало стран, где люди голодают, страдают от болезней, нехватки питьевой воды, а человек с упорством маньяка изобретает и производит новое, изощрённое по своей способности убивать оружие. Есть межконтинентальные ракеты, для которых на земном шаре нет недосягаемых точек. Создают самонаводящиеся по лазерному лучу, по тепловому излучению. Эти поражают цель с точностью до одного метра, могут попасть в дверь, в окно, в автомобиль. Жутко делается от понимания своей беззащитности, и в который раз спрашиваешь себя: неужели и правда Бог создал человека по своему образу и подобию?

Никто из нас не может в одиночку прекратить гонку вооружений, уничтожить накопленное оружие. Но умерить губительное для человечества потребительство в состоянии каждый. Любой может сделать первый шаг прямо сегодня. Оставить свой автомобиль и отправиться на работу общественным транспортом. Возросшие пассажиропотоки непременно заметят городские власти и вынуждены будут заняться расширением троллейбусных, трамвайных, автобусных парков, увеличением количества электричек. При нынешнем малоподвижном образе жизни человека великим благом для него мог бы стать велосипед. Убедился на собственном опыте.

Всю жизнь дружу с велосипедом и поставил себе цель – продержаться в седле до семидесяти пяти лет.

У многих трудовая деятельность сопряжена с использованием бумаги. Если черновики готовить на обратной стороне исписанного листа, то расход бумаги сократится вдвое. Грамотная работа с компьютером позволит практически отказаться от бумаги. Целлюлозно-бумажная промышленность чутко реагирует на потребительский спрос. На падение моментально ответит сокращением производства. Соответственно, меньше будут вырубать деревьев, больше кислорода поступит в атмосферу.

Теперь в магазин ходят с пустыми руками. Там под продукты можно купить большие полиэтиленовые пакеты, а то и бесплатно получить. Если не лениться и брать из дома хозяйственныесумки, то надобность в пакетах отпадёт. Ещё способ уменьшить количество вечного мусора, ослабить давление на землю. Пусть мелочь, но всё великое складывается из мелочей.

Сокращать потребности, экономить, беречь можно везде и во всём. Надо лишь слышать голос Вселенского разума. Совсем не важно, как мы будем его называть – богом, пророком или эволюцией. В исходных верованиях все народы были язычниками, поклонялись природе, её бесконечной мудрости.

ВСЁ ИЗ ЯЙЦА

Пожалуй, ничто так легко и с таким удовольствием мы не дарим друг другу, как крашеные пасхальные яйца. Для нас это не столь атрибут религиозного культа, сколь символ весны, радости, рождения новой жизни.

В самом деле, всё живое из яйца, из оплодотворённой яйцеклетки. Потому яйцо всегда вызывало присталь-

ный интерес человека. В первую очередь гастрономический, но и познавательный тоже. Лично мне всегда хотелось знать, что происходит под курицей, когда она насиживает яйца, как вылупляются цыплята. В детстве, бывало, часами сидел у гнезда с клушкой, надеясь приобщиться к великой тайне. Терпения не хватало, я тихонько лез под наседку, чтобы выяснить, как развиваются события. Курица пресекала мои поползновения пребольным ударом клюва по рукам.

Встреча с цыплятами происходила обычно утром и уже в доме, когда бабушка приносила их из курятника в лукошке и выпускала в отгороженный уголок. Пушистые жёлтые комочки шустро бегали, пищали, но от корма отказывались. Как выяснил много позже, не потому что не умели клевать предложенный им творог, пшённую кашу, мелко порубленное яйцо, а не хотели. Некоторое время у них в желудке оставалось немного желтка. Своего рода аварийный запас на время, пока будут осваиваться в новых условиях, искать пропитание. Червячков в клювик им никто класть не будет, придётся рассчитывать только на себя. Скоро цыплята энергично клевали всё подряд.

Совершенно самостоятельными оказывались гусята. Этих и в дом не заносили. Едва обсохнув под крыльями гусыни, они отправлялись за ней на луговину щипать травку, а потом смело плюхались в речку, кормились сочной ряской. Складывалось впечатление, что к самостоятельной жизни они подготовились ещё в яйце.

Иная картина наблюдалась в воробыиных гнёздах. Птенцы голые, слепые, только и способны клюв разевать, куда заботливые родители с утра до вечера суют бесчисленное множество букашек, таракашек, паучков и червячков. Такими же беспомощными вылупляются птенцы у дроздов, скворцов, трясогузок и прочей пернатой мелюзги.

Однажды без ложной скромности и с лёгкостью, характерной для начинающего орнитолога, сделал вывод: чем меньше яйцо, тем слабее развит птенец. Причина, очевидна – для полноценного развития ему не

хватило питательных веществ. Скоро узнал, что на свете есть журавли, аисты, орлы, яйца у которых не меньше куриных, а птенцы выводятся такими же беспомощными, как у воробьёв.

Явная поспешность вывода не обескуражила, интереса к природе вообще и к птичьим яйцам в частности не отбила. Более того, заразил им своих приятелей, и скоро мы всей ватагой начали собирать коллекцию яиц. Научились их выдувать. С обоих концов иголкой просверливали отверстия и дули, пока из скорлупы не выходил белок и желток.

Конечно, по нынешним временам занятие не похвальное. Но тогда вокруг наших домов курчавились сады, рядом шумел дремучий лес, любимая речка утопала в непроходимых зарослях ольховника, и водилось там неисчислимое количество всяких птиц. Из гнезда брали только по одному яичку, серьёзного вреда пернатому царству не причинили. Зато много узнали о жизни птиц, их повадках, хотя и не всё, что хотели.

Например, нас очень интересовала иждивенческая манера кукушек подкладывать яйца в чужие гнёзда. Кукушат мы находили часто, но яйца – никогда. В одном месте заметили гнездо трясогузки с маленькими яичками. Она уже насиживала их. Через какое-то время приходим, – там один здоровенный кукушонок на всё гнездо, а приёмные родители без устали кормят прожорливого подкидыша. Долго не могли понять, как не заметили чужое яйцо. Спасибо, просветил нас грамотный человек. Оказывается, кукушки делят территорию на «сферах влияния», и каждая откладывает яйцо только птицам выбранного вида. Одни – овсянкам, другие – трясогузкам, третья – лесным завирушкам. Соответственно окраска, форма и даже размер яйца совпадают с хозяйствами. Разве не чудо природы эта кукушка? Одна птица, а яйца выдаёт разные, как по заказу.

Окружающий нас мир бесконечен, разнообразен, и в то же время с поразительным однообразием всё живое является из яйца. Подтверждение тому можно встретить и на суще, и в воде. Как-то летом просто так, без

определённых целей мы ворошили палками кучу прелых листьев, и вдруг перед нами открылась кладка белых яичек, а из них вылуплялись маленькие, тоненькие ужики.

Поражённые, мы долго разглядывали их и не могли поверить своим глазам. До сих пор считали, что только птицы размножаются яйцами. Оказывается, и ужи. Нам ещё предстояло узнать, что яйца откладывают черепахи, ящерицы и даже огромные свирепые крокодилы. Все насекомые – муравьи, пчёлы, стрекозы, комары – тоже выводятся из яиц. Есть чудик из числа млекопитающих, который по сей день ставит в замешательство биологов всего мира. Это обитатель Австралии утконос. Значительную часть жизни проводит в воде, покрыт мехом, имеет широкий утиный клюв, перепончатые лапы, го-лый, как у бобра, хвост, и откладывает яйца. Детёныш выкармливает молоком.

На кого ни посмотри – все из яйца. В принципе икра рыб, лягушек, раков, крабов – тоже яйца. Поскольку их много, то называют собирательным словом «икра». Впрочем, терминология, принятая международным научным сообществом и подтверждённая академическими изданиями, может меняться в угоду конъюнктуре или коммерции. Например, всегда считалось, что улитки откладывают яйца – малюсенькие белые шарики, чуть больше бисера. Так вот, один предпримчивый французский фермер разводит виноградных улиток, собирает отложенные ими яйца и реализует как икру. Считается деликатесом, грамм стоит 2 евро. Продукт пользуется спросом.

Как говорится, о вкусах не спорят. Хотя гастрономические достоинства куриных яиц бесспорны. Можно сказать, они образуют классику отечественной кулинарии – яйца всмятку, вкрутую и, конечно, яичница с салом и с луком. Если кроме шуток, то рецептов тысячи. Китайцы очищают вкрутую сваренные яйца от скорлупы, вымачивают в чайной заварке, пока они не станут коричневыми, потом обмазывают известью, посыпают отрубями и держат в тёмном месте несколько месяцев. Вкус, должно быть, получается специфический.

Несколько лет назад на нашем продовольственном рынке появились перепелиные яйца. Их наделяли способностью повышать мужскую потенцию. Посыл беспроигрышный, но повышенным спросом они что-то не пользуются. Маленькие, а стоят дорого.

В ближайшем будущем нам могут предложить страусиные яйца. Фермеры начинают разводить этих экзотических птиц даже в северных районах. Говорят, прибыльное дело. Диетическое мясо идёт в рестораны, кожа – на сумки и кошельки, а про яйца и говорить нечего. Одно эквивалентно 30 куриным, поскольку весит около двух килограмм. Рекорд в мире пернатых. Правда, настоящим чемпионом могла бы стать жившая на Мадагаскаре ещё в нашу эпоху птица моа. Сама весила 450 килограмм, яйцо – 12. Размер и вес птицы учёные определили по её скелету, а яйца находят целёхоньками. Такая у них прочная скорлупа. Содержимое, конечно, высохло.

Много веков учёные спорили, что первично – яйцо или птица. Теперь коллективными усилиями и благодаря современным достижениям науки пришли к однозначному выводу – яйцо.

ЖИЗНЬ ЗА КРАСОТУ

Богомолы к редким насекомым не относятся. Они даже в Красную книгу не занесены, однако встречаются чрезвычайно редко. За 20 лет в окрестности своей усадьбы первый раз увидел нынешней осенью. Иду по тропинке и вдруг вижу нечто бежевое, под цвет пожухлой травы. Остановился, нагнулся – богомол. Аккуратненько схватил его поперёк туловища. Он тут же вцепился передними хватательными ножка-

ми с острыми шипами мне в палец. Не больно, но чувствительно. Так, заключив друг друга в объятья, пошли домой.

Для постояльцев у меня несколько прозрачных пластмассовых коробок с крышками. Для жуков одни, для гусениц и личинок – другие, а для богомола подобрал «квартиру с высоким потолком». Он сам приличных размеров и любит занимать вертикальное положение. Передние ножки сложит, головку набок склонит, затихнет, ну просто благостная картина – монашек молится. Но стоит вблизи пролететь легкомысленной бабочке, как ножки моментально хватают добычу за голову, брюшко, и богомол тут же начинает трапезу. Вырваться от него нет ни малейшего шанса. Действуют ножки вроде щучьих челюстей. У той и сверху, и снизу ряды острейших загнутых внутрь зубов, а у богомола такие же смыкающиеся шипы. Ещё крыльышки у бабочки трепещут, а половина туловища уже съедена.

В неволе богомола надо кормить. Принёс ему паука – не глянул, поймал навозную муху – не заинтересовался. Обстоятельство встревожило. Если он отказывается есть, долго не протянет. Придётся отпустить, пусть сам добывает пропитание. Так и сделал. Но прежде сфотографировал и хорошенко рассмотрел.

На первый взгляд богомол представляется несуразным. Кажется, что собрали его случайно, из чего под руку попало. К тоненькой груди приделана круглая, плоская как репа голова и массивные хватательные ноги. Две пары задних длинные, хрупкие с крючками на концах. Зато брюшко объёмистое. На пятерых росло, да одному досталось. Довершают «конструкцию» крылья, сложенные вдоль тела. Пользуется ими богомол редко, предпочитает ходить пешком или сидеть в засаде. Оставаясь неподвижным, он поворачивает только голову, что делает его малозаметным, но предоставляет ему возможность для широкого обзора окрестностей.

Чем дольше разглядывал богомола, тем больше поражался его функциональности. В нём всё целесообразно, абсолютно ничего лишнего. Хватательные ноги – само

совершенство. Работают на сжатие, благодаря чему требуется минимальное усилие мышц. Складываясь, намертво защемляют добычу. Да ещё впиваются многочисленные острые шипы. Есть ещё длинные, кривые, которыми он пронзает её как клыками. Большой живот вмещает объём пищи, достаточный до следующей удачной охоты. Крючки на кончиках ног тоже нужны. Цепляясь ими, он легко поднимается по вертикальным стеблям и крепко держится. В конце концов, пришёл к неожиданному, но вполне логичному выводу – богомол идеально приспособлен к жизни и просто красив, как все творения природы.

Взять из птичьего царства фламинго. Тощие ноги-палки, длинная до нелепости шея, массивный кривой клюв. Ничто по отдельности не вызывает восхищения, а всё вместе – воплощение элегантности. Однажды видел стаю фламинго. Картина запомнилась на всю жизнь. Догорал закат и красил малиновым гладь безбрежного озера. По малиновой воде с неподражаемой грацией медленно ходили малиновые фламинго. Птицы наклонялись, плавно поводили головами из стороны в сторону, будто читали древние, только им ведомые письмена природы, распрымлялись, осмысливали прочитанное, прежде чем снова склониться к малиновым страницам.

Конечно, ничего они не читали, просто ужинали – процеживали сквозь клювы водоросли, всякую живность, а головы поднимали, чтобы проглотить очередную порцию. Но как красиво, грациозно они это делали. Длинные ноги позволяли им заходить далеко от берега, корпус при этом оставался ещё достаточно высоко над водой, чтобы в случае внезапной опасности свободно взмахнуть крыльями и улететь. Широкий, массивный клюв давал возможность больше нацеживать пищи. Всё в этих птицах функционально, целесообразно и потому красиво. Ещё одно подтверждение безупречности эволюции. По-моему, совершенно очевидно – природа дарует жизнь любимцам за красоту, как высшее проявление функциональности и целесообразности.

Человек не исключение. Он тоже дитя природы и тоже прошёл через миллионы лет эволюции, отбирающей и укрепляющей в нём всё самое ценное. Нынешние попытки законодателей моды вдолбить нам некий стандарт на женскую фигуру 90x60x90 (в смысле окружность груди, талии, бёдер) ничего общего с красотой не имеют, а преследуют корыстные цели. Им надо раздусть ажиотаж вокруг одежды своего производства, чтобы продавать дороже и большими партиями. В жертву коммерции принесены девушки, демонстрирующие причудливые до нелепости наряды. На них больно смотреть. Они истощены, угрюмы, в глазах тоска зелёная от хронического голодания. Некоторые наожили себе опасное, почти неизлечимое заболевание – булимию. Чтобы хоть на короткое время испытать чувство сытости, они наедаются и тут же рвотными позывами освобождают желудок. В результате многократного повторения процедуры желудок привыкает и уже сам освобождается от принятой пищи, в каком бы количестве она не поступала. Если не летальный исход, то дистрофия обеспечена.

Объективности ради надо признать: человечество с древнейших времён страдало модой на человеческое тело. В Китае девочкам в раннем детстве плотно бинтовали ступни, обували тесную обувь, чтобы ножка оставалась маленькой. В итоге, став взрослой, женщина не могла ходить – непропорционально маленькая ступня не выдерживала вес тела. У некоторых африканских племён считается красивым иметь женщине длинную шею. Для этого им на шею надевают медные кольца и постепенно добавляют новые. Шея делается действительно невероятно длинной, но шейные мышцы атрофируются, и голова без колец не держится. Когда одной из женщин вынужденно сняли кольца, то шея сломалась.

Спрашивается: чем отличаются современные топ-модели на подиумах от женщин первобытнообщинных племён? Природа, создавая женщину, в первую очередь позаботилась о ней как о продолжательнице рода, для

чего дала ей высокую грудь, узкую талию, широкие бёдры. Всё для вынашивания, рождения и выкармливания младенца. Именно функциональность, целесообразность делает женщину красивой, привлекает к ней мужчин.

Но вернёмся к богомолу. Есть о нём красивая легенда. Говорят, если его хорошенько попросить, он укажет заблудившемуся путнику дорогу. Не знаю, так ли. Но совершенно уверен: если к нему внимательно приглядеться, то он обязательно укажет путь к разумному пониманию красоты.

ФЕНОМЕН УЖА И ЛЯГУШКИ

Житейская формула «Этого не бывает, потому что не может быть никогда» исключает сомнения и значительно упрощает жизнь. Однако уверенность наблюдателя, видевшего явление собственными глазами, открывает дверь перед сомнениями и позволяет войти истине.

Однажды довелось видеть уникальную сцену из жизни живой природы, когда уж гипнотизировал лягушку, и она явно против своей воли прыгала к нему, пока в последнем прыжке не угодила ему прямо в пасть. По всем канонам современной науки гипноз к животным неприменим, поскольку они не обладают разумом и потому не могут подвергаться внушению. Их центральная нервная система функционирует на уровне инстинктов, условных и безусловных рефлексов, и не более того. Спрашивается: тогда каким образом уж воздействовал на лягушку?

Сцену наблюдал в развитии, от начала и до финала. Причём в идеальных условиях. Животные находились в просторном стеклянном террариуме, и ничто не мешало видеть происходящее в мельчайших деталях. Первой поселили лягушку. Она быстро освоилась и жила на правах полновластной хозяйки. Появление ужа встре-

тила совершенно спокойно, без тени страха или хотя бы смущения. Жизнерадостно прыгала, квакала, с удовольствием поедала мух, дождевых червей. Уж робел, забивался в угол, сворачивался в тугую спираль, чтобы меньше занимать места.

С какого-то момента в отношениях обитателей террариума произошла очевидная перемена. У лягушки пропала жизнерадостная непосредственность, она поскучнела и предпочитала тихонько сидеть в уголке. Уж, наоборот, оживился, начал активно обследовать новое жильё. Несколько раз сталкивался с лягушкой, однако никаких гастрономических интересов к ней не проявлял, полз дальше. После очередной прогулки свернулся в уголке и первый раз пристально посмотрел на лягушку. Та немедленно отреагировала, демонстративно повернулась спиной, уткнулась носом в угол. Дальше началось самое интересное.

Уж не сводил с лягушки глаз, ритмично раскачивал головкой. Что поразительно, лягушка спиной чувствовала взгляд, издавала звуки, мало похожие на кваканье, перебирала лапками и постепенно поворачивалась к ужу. Потом прыгнула к нему раз, другой.

Очень хотелось понять, что происходит, как уж подчиняет себе лягушку, заставляет прыгать к себе на съедение. Она прекрасно чувствует трагизм своего положения, но ничего поделать не может. Если это не гипноз, то что? Каков механизм воздействия? Может быть, это колебания в неслышимом нам ультразвуковом диапазоне, электромагнитные волны точечного воздействия, направленные лягушке в мозг?

Ни во время наблюдения, ни потом, спустя годы, ответ на вопрос получить не удалось. Ничего не встречалось ни в специальной литературе, ни в записках натуралистов. Даже в семитомном академическом издании «Жизнь животных» феномен ужа и лягушки лишь подтверждается, но без комментариев.

Можно попенять биологам, до сих пор не объяснившим загадочный феномен, а можно и себя упрекнуть в равнодушии к родной природе. Достаточно ли мы вни-

матерны к окружающему нас животному и растительному миру.

Наблюдательные люди часто находят ответ на загадочные явления. Например, известно, что пристальный взгляд человека вызывает у хищников – волков, медведей и даже у крупных собак – беспричинную агрессию. Хотя та же лягушка, сколько на неё ни пьялься, никак на ваш взгляд не отреагирует, в крайнем случае, если надеется игра в гляделки, бултыхнётся в воду.

Оказывается, у хищников глаза устроены так, что пристально они смотрят только на добычу. Когда на себе ощущают такой взгляд, то полагают себя потенциальной жертвой и переходят к активной защите. Как известно, лучший способ защиты – нападение. Потому знающие люди советуют при встрече с хищником на узенькой дорожке скромно отвести взгляд в сторону и уж ни в коем случае не пытаться загипнотизировать его. Дерзость может дорого обойтись.

Вообще взгляд – самое удивительное дарование природы. Мы чувствуем пристальный взгляд, обмениваемся многозначительными взглядами, не переносим чей-то взгляд. При этом, не произнося ни слова и не делая никаких жестов, всё читаем во взгляде. Степень воздействия и восприятия взгляда у всех разная, от нулевой до гипнотической.

Та же картина в животном мире. Взгляд ужа парализует волю лягушки, а на маленьких рыбок не оказывает ни малейшего воздействия. Если летним днём затаиться на берегу покойного озера, можно увидеть, как уж ловит мальков. Он терпеливо ждёт, когда стая подплывёт к берегу, делает молниеносный бросок, выхватывает рыбку с мизинец, заглатывает и опять ждёт. Никакого гипноза, обычная рыбалка.

Воздействие голодного ужа на лягушку остаётся явлением феноменальным, загадочным и пока не объяснимым. С современным уровнем технической оснащённости человек давно бы мог найти ему объяснение. Не ищет. Наверное, неинтересно.

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

Вот уже много лет записываю в фенологический дневник, когда прилетают скворцы. На обобщения не претендую, а потому

подчёркиваю – не к нам в страну, не в Черноземье, не в Воронежскую область, а только в скворечник, сделанный собственными руками и поднятый над садом на высокой сосновой жерди. Трудно поверить в совпадение, но два года подряд скворцы прилетали как раз на Благовещение, утром 7 апреля. Воистину благая весть для всех переживших зимние холода, снега, долгие ночи.

Раз скворцы прилетели 28 марта. Поманила их ранняя весна и тепло до времени. Сидели в шестером на голых ветвях старой яблони, тихонько переговаривались. О чём, знать нам не дано, но можно думать, о далёкой дороге к дому, о пережитых трудностях и потерях. А они были немалыми. Из мелких птиц, вроде скворцов, после полёта на юг и обратно возвращается только треть. Гибнут от истощения, болезней, непогоды и даже свинцовой дроби. В некоторых странах Средиземноморья скворцы считаются промысловой птицей, на них охотятся. Чего удивляться, если у римских патрициев деликатесом были соловьиные языки! Это сколько же истребляли любимых у нас певунов хотя бы на одну ложку крохотных язычков!

Гляжу на скворцов и, кажется, вижу на их пёрышках пыль дальних стран, отблеск горячего южного солнца. Пытаюсь угадать, кто из них в прошлом году выводил в моём скворечнике птенцов и привёл за собой стайку молодых. Они совершенно одинаковы, никак себя не проявляют, на скворечник не претендуют. Разборки у них будут позже, но пройдут деликатно, сдержанно, без воробышьиных потасовок и пускания перьев по ветру.

Одна пара как-то убедительно предъявит права и останется, остальные улетят.

Кому достался домик – не определишь. У скворцов нет ведь особых примет. Орнитологи и то узнают птиц лишь по данным кольцевания, когда на лапки надевают лёгкие алюминиевые колечки. Своего рода паспорта мигрантов. На них номер, дата, «гражданство», то есть страна, в которой окольцована птица. Есть международные договорённости о возвращении колец в центры кольцевания.

Второе столетие по всему миру идёт кольцевание птиц. Первым был датчанин, надевший в 1899 г. серебряные колечки аистам, прилетевшим на крышу его дома. Теперь ежегодно метят порядка пяти миллионов птиц. Грандиозное по своим масштабам дело открыло людям пути и сроки миграции пернатых. Год за годом, колечко за колечком приносили данные о маршрутах, точками их наносили на карту мира. Прошли десятилетия, пока точки вытянулись в линии перелётов от родных гнездовий к южным зимовкам и обратно.

На карте пути миграции перелётных птиц образуют паутину из плавных кривых. По прямой, параллельно меридианам никто не летит, у всех свой, веками проторенный маршрут. Можно сказать, даже тысячелетиями, поскольку миграция, по мнению учёных, продолжается 15 тысяч лет, а началась она в конце ледникового периода. Несложное арифметическое действие свидетельствует, что каждый вид пролетел по маршруту миграции 30 тысяч раз. Вот истинные знатоки географии у нас на земле! Казалось бы, весь путь у них отложился в наследственной памяти, хранится на генетическом уровне. Хочется воскликнуть «Эврика!», раскрыть, наконец, секрет феноменальной способности птиц ориентироваться в любое время суток и при любой погоде. Однако факты заставляют сдержаться. Молодые птицы без сопровождения взрослых найти дорогу не в состоянии.

Однозначного и всеми принятого мнения относительно способности птиц ориентироваться пока нет. Наиболее распространена теория об ориентации по

магнитному полю земли. Птицы имеют как бы компас, стрелка которого точно показывает север-юг. Тогда бы они летели в строго меридиональном направлении, никуда не отклоняясь, чего на самом деле нет. Птицы вычерчивают над землёй плавные полуодуги, а то и за-мысловатые кривые.

Для территории России орнитологи выявили очень интересную картину. С необъятных просторов севера, с востока и запада, из Сибири и центральных районов водоплавающие – утки, гуси, лебеди, цапли, журавли – соединяют свои маршруты над дельтой Волги. Здесь они отдыхают, набираются сил для дальнейшего полёта. Всем хватает места и корма. От дельты их пути опять расходятся. Одни летят зимовать в Иран, другие – в Индию, третьи – в Африку. Обратный путь совершают тем же маршрутом.

Во время весеннего и осеннего перелётов бывал на разных участках Астраханского заповедника. Сколько же там птиц! Даже представить не мог такое обилие и разнообразие пернатых. Крики, хлопанье крыльев, шум от взлётов и посадок сливаются в несмолкающий круглосуточный гул. Лишь глубокой ночью слегка затихает, а с первыми, робкими признаками рассвета возвращается с прежней силой. Именно там понял, как великолепна, богата может быть природа, если защищена от пагубного воздействия человека.

Миграция вовсе не идиллия, но тяжкий, изнурительный путь. Охотники на севере, добывая весной прилетевших гусей, находят у них под крыльями мозоли по кулаку. Как же нелепа и горька эта смерть после совершения титанического труда ради возвращения на Родину.

На просторах Ставрополья, Краснодарского края одно время стали находить гусей, погибших без видимых причин. Лабораторные исследования показали – от общей интоксикации организма. Выяснить цепочку трагических обстоятельств оказалось не сложно. Перед дальней дорогой гуси активно накапливают жировую прослойку. Без энергетических запасов

далеко не улетишь. Они пасутся на убранных полях, подбирают просыпанное зерно, обильно насыщенное пестицидами, гербицидами, минеральными удобрениями. Фактически отравленное. Как и у всех теплокровных токсины в организме птиц аккумулируются в жировой клетчатке. Во время длительных перелётов, требующих большого физического напряжения, жир расщепляется, яды поступают в кровеносную систему и убивают.

Водоплавающие гибнут на озёрах разлитой нефти. Ночью принимают её за воду и садятся. Взлететь им уже не суждено. Мелкие птицы в тёмное время суток бьются на проводах, густо опутывающих цивилизованную Европу. По утрам местные жители с корзинами ходят подбирать птиц. А сколько охотников на пути миграции встречают пернатых ружейной пальбой! И всё-таки они летят. Понятно, когда бескорница, холода теснят с милого севера. Но какая сила влечёт их с благодатного юга, где всегда тепло, достаточно корма, в суровые края, к родным гнездовьям? Право же, и перед самой маленькой летуньей в безграничном восхищении хочется склонить голову.

С каждым перелётом настоящий подвиг совершают невеличка, всего-то чуть больше нашего воробья желтогрудая каменка. С юга Африки, поэтично отмеченного мысом Доброй Надежды, летит через весь континент, Средиземноморье, мимо Каспийского моря, пересекает Урал, Сибирь, Чукотку, через Берингов пролив на Аляску, где гнездится и выводит птенцов. Жители тундры радуются каменке, как мы радуемся скворцам. Её прилёт в приполярные районы извещает о начале пусть короткого, но такого долгожданного лета.

Взял карту мира, циркулем «прошагал» по маршруту каменки с юга Африки на Аляску, результат умножил на масштаб и получил 21 тысячу километров. Только в один конец! Диву даёшься, сколько городов и селений видит птаха на своём пути, какие пейзажи и ландшафты открываются перед ней. Человек за всю жизнь не видит столько, сколько она за один перелёт.

С помощью кольцевания, дающего точечную и почти случайную информацию, орнитологи открыли миграцию. Теперь они применяют новейшие достижения технического прогресса. Птицам укрепляют радиодатчики, передающие сигналы в режиме единого времени на космические спутники связи, а с них – наземным станциям слежения. Открылась прекрасная возможность знать, где в настоящий момент находится птица, а с ней и вся стая сородичей, с какой скоростью летит, где делает остановки, какой продолжительности. Если данные сопоставлять с метеостановкой – температурой воздуха, осадками, скоростью и направлением ветра, то маршрут обретает чрезвычайно ценные для познания подробности.

Более того, крупным птицам укрепляют миниатюрные видеокамеры, и они сами себя снимают во время полёта. Посчастливилось видеть эти замечательные съёмки. Производят они потрясающее впечатление. Вот гусь крупным планом. Видно, как трепещут маховые перья, слышно, как мощные крылья рассекают воздух. Далеко внизу расстилается любовно возделанная земля – аккуратные пашни, луга, редкие квадраты лесов, дома с островерхими черепичными крышами. Это Франция, Испания, Норвегия – страны, где могут позволить себе видеосъёмки птиц.

И уж совсем на грани фантастики воспринимается, когда молодых птиц к месту зимовки отправляется сопровождать человек. Так было с американским журавлём, находящимся на грани вымирания. Птиц вывели в неволе. Найти дорогу они не могли, и человек на моторном дельтаплане повёл их за собой. Пролететь предстояло 1900 километров – с севера Америки, через семь штатов, во Флориду. Хорошо организованное путешествие с заранее подобранными местами для отдыха прошло успешно. Журавли запомнили дорогу, весной вернулись самостоятельно.

Подобная акция планировалась в России. Собирались вести выведенных в инкубаторе белых журавлей – стерхов (тоже вымирающий вид) от болот полярной тундры

в Иран. Не получилось. Чиновникам не интересно, а энтузиастам-орнитологам финансировать дорогостоящий проект не по силам.

Будем радоваться скворцам. Они прилетели, недельку отдохнули и взялись подправлять гнездо. Скворец пучками носил сухую траву, пух, перья. Скворушка перебирала, оценивала, лишнее, на её взгляд, выбрасывала. Даже мягкое куриное перо, несомненно, ценное для гнезда, сначала выставила, хорошенко потрясла и только потом убрала.

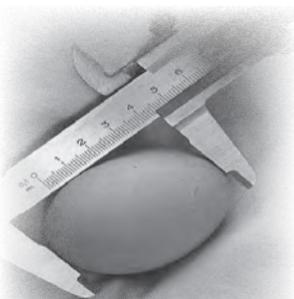
Спасибо вам, птахи, за верность нашей земле, за принесённую нам радость!

КУРИНАЯ ГЕОМЕТРИЯ

Как известно, природа не терпит симметрии, прямых углов, правильных окружностей, чем и объясняется чарующая прелесть наших лесов, лугов, озёр и болот. Даже прямые как свечи сосны в корабельных рощах плениют каждая своей неповторимой кроной, вознесённой к небесам. Тем более удивляемся, когда живая природа являет нам безукоризненные геометрические формы. Классикой можно считать куриное яйцо.

В принципе любое яйцо – утиное, гусиное, воробышкое или воронье – шедевр. Просто куриное доступнее, чем воробышкое, для экспериментов, исследований, потому о нём и пойдёт разговор.

Как правило, куриное яйцо в наших руках более чем на пару минут не задерживается и никаких интересов, кроме гастрономических, не вызывает. Разбили, посолили, съели, скорлупу выбросили. Но стоит хоть несколько мгновений пристально посмотреть на яйцо, как взгляду открывается безупречная форма. В аналити-

ческой геометрии она называется «вытянутый эллипсоид вращения». Фигура для расчёта сложная, и ещё не всякий специалист с техническим образованием решит уравнение эллипсоида. Несущка выдаёт эллипсоиды по одному в день, не подозревая, какие шедевры творит.

Яйца могут быть по размеру больше, меньше, но форма остаётся неизменной. Сам убедился. Достал из домашнего холодильника десяток яиц и штангенциркулем перемерил их по экватору и по меридиану. Замеры делал с точностью до десятой доли миллиметра. Ни один размер не совпал, разница доходила до трёх миллиметров. Нормально. На подшипниковых заводах не в состоянии делать идеально одинаковые шарики, а что требовать от курочки Рябы?

Потом вооружился калькулятором и вычислил отношение диаметра по экватору к диаметру по меридиану. Вот тут было чему удивиться. Показатель оказался единым для всех яиц – 1:1,3. Курица не может нести калиброванные яйца, но пропорции, а значит и форму сблюдает строго. Уму непостижимо, как птице удаётся с ювелирной точностью формировать скорлупу.

Яйцо, как начало новой жизни, само по себе чудо природы, а скорлупа удивительна. Даже при самом поверхностном знакомстве она поражает своей сложностью и функциональностью. Пренебрежительное выражение о чём-то пустяковом «проще выеденного яйца» применительно к скорлупе явно не оправдано.

Недавно в художественном, полуфантастическом произведении модного европейского автора вычитал любопытную подробность о яичной скорлупе. Будто бы она построена из кристаллов пирамидальной формы, обращённых вершинками внутрь. Сразу объяснялась феноменальная прочность скорлупы при значительных внешних нагрузках и поразительная хрупкость при ударах слабого клювика новорождённого цыплёнка изнутри.

В самом деле. Бывало, на Пасху у деревенской ребятни полны карманы крашеных яиц. Ели вволю, угождали друг друга и затевали состязание, кто раздавит яйцо в

ладонях. При этом требовалось соблюдать непременное условие – давить с острых концов. К нашему величайшему удивлению, яйцо не поддавалось. Понятия о разнице между распределёнными нагрузками снаружи на всю поверхность и ударными в одну точку изнутри мы не имели, потому восторгались удивительными качествами скорлупы.

Кристаллическая структура в виде пирамидок, уложенных вершинками внутрь, легко объясняет разнополюсные прочностные характеристики скорлупы. При нагрузках снаружи пирамидки передают давление друг на друга, скорлупа сжимается и делается ещё прочнее. В разумных пределах, конечно. При ударных нагрузках изнутри пирамидки ничто не удерживает, они разъединяются, и скорлупа трескается. Большое значение имеет эластичная пленка, плотно прилегающая к скорлупе изнутри. Она придаёт наружной оболочке эффект предварительного напряжения и усиливает прочность.

Теория понравилась своей простотой и убедительностью. По тому же принципу с незапамятных времён строят сводчатые, арочные сооружения. Камни, стёсаные пирамидами и уложенные вершинами внутрь, собственным весом распирают конструкцию, и чем больше на неё нагрузка, тем она прочнее. Мосты и аркады, построенные ещё при Римской империи, стоят до сих пор. У нас в России за неимением камня своды храмов или боярских хором выкладывали клиновидным кирпичом. В принципе та же пирамида и тот же эффект.

Однако сомнение, воспитанное за долгие годы работы в журналистике, требовало авторитетных подтверждений теории. Автор художественного произведения имеет право на вымыслы, домыслы, лишь бы в строку ложилось. От публициста ждут абсолютной достоверности, ссылок на серьёзные источники или собственный опыт.

Попытка обратиться к воронежским учёным-орнитологам успехом не увенчалась. Да, они изучают форму, цвет птичьих яиц, но кристаллической структурой

скорлупы не занимаются, потому теорию пирамидок ни подтвердить, ни опровергнуть не могут. С непосредственностью дилетанта решил изучить структуру самостоятельно.

Взял куриное яйцо, содержимое отправил на сковородку (не пропадать же добру), скорлупу тщательно вымыл, отделил внутреннюю плёнку. Дальнейшие исследования пошли уже не так шустро. Оказалось очень непростой задачей отломить крохотный кусочек скорлупы и положить его под микроскоп ребром, чтобы видеть именно разлом.

Поочерёдно переводил окуляры на 50, 450, 900-кратное увеличение, но никаких упорядоченных кристаллов в виде пирамидок не увидел. Неизменно открывалась комковатая масса наподобие подтаявшего снега. Полупрозрачная, шершавая и сверкающая алмазными блёстками. От окончательных выводов о структуре скорлупы воздержался. Исследования делал непрофессионально, кристаллов мог и не разглядеть. Подготовка образцов требует знаний и навыков. Оставалось искать авторитетные источники.

В своём обширном досье о редких и любопытных явлениях природы нашёл газетную вырезку тридцатилетней давности. В ней рассказывалось об исследованиях, выполненных в лаборатории архитектурной бионики. Оказывается, яичная скорлупа имеет семь слоёв. Это при толщине всего в 0,4 миллиметра. Каждый выполняет определённые функции, а соединённые в монолит обеспечивают скорлупе прочность, газовый обмен, бактерицидную защиту, гидроизоляцию. Авторы мечтали о создании подобной панели для строительства жилых домов. О кристаллической структуре скорлупы речь вообще не шла.

На этом месте пришлось бы поставить точку и тему считать закрытой, если бы не помочь заведующего кафедрой минералогии и петрологии Воронежского государственного университета профессора Н.М. Чернышёва. С юношеским энтузиазмом Николай Михайлович загорелся идеей и поручил молодому сотруднику кафе-

дры Павлу Бойко подготовить шлиф яичной скорлупы для исследований под микроскопом. Дело оказалось сложным, требующим специальных знаний, навыков ювелирной работы и оборудования. Сначала Павел собрал из яичных скорлупок пакет, залил его эпоксидной смолой, дал затвердеть, сточил до толщины 0,03 миллиметра, поместил на предметное стекло и закрыл прозрачной пленкой. Получился настоящий шлиф для профессиональных исследований.

При 50-кратном увеличении сразу обнаружились пирамидальные кристаллы, действительно обращённые вершинками внутрь. Вернее, проекции кристаллов. Предстать объёмными они не могли, поскольку были сточены при изготовлении шлифа. Теория подтвердилась! Радовался, будто сам открыл закон Архимеда или теорему Пифагора.

На кристаллах открытия не закончились. При 450-кратном увеличении на сверкающем мелкозернистом фоне обнаружились замысловатые узоры. Колечки, сферы, полуэллипсы сплетались в причудливый растительный орнамент. Вот так сюрприз. Неужели в скорлупе ещё что-то и растёт?

Первое впечатление часто бывает ошибочным. Помня об этом, ещё и ещё всматривался в орнамент. Наконец, догадался. Это же поперечный срез многочисленных и причудливых каналов, пронизывающих скорлупу. Измеряются они микронами, и увидеть их можно только при большом увеличении. Очевидно, по ним происходит газовый обмен между новой жизнью в яйце и внешней средой. Не исключено, что микроскопические каналы обеспечивают равномерное распределение тепла по всей поверхности скорлупы во время насиживания. Наверняка есть какие-то и другие функции. Но какие? Как узнать? Мудро сказал поэт:

*Нет! это труд несовершimый!
Природы книга не по нас:
Её листы необозримы,
И мелок шрифт для наших глаз ...*

ПО ОБРАЗЦАМ ПРИРОДЫ

Про того, кто никак не хочет оставить вас в покое со своими разговорами или докучливыми просьбами, говорят: вцепился как репей в собачий хвост. И в самом деле, если это неказистое семя лопуха прицепится, то избавиться

от него стоит трудов. Деревенские дети прекрасно знают о способности репьёв и делают из них фигурки животных, корзиночки. Практического применения, равно как и художественной ценности, изделия не имеют, зато помогают постигать растительный мир.

Если взять хорошую лупу и внимательно рассмотреть репей, то на концах густо растущих из него шипов можно заметить крохотные, остренькие крючочки. Они обеспечивают ему возможность приставать к любой, мало-мальски шероховатой поверхности. Однажды кто-то обратил серьёзное внимание на способность репьёв сцепляться и по аналогии предложил липучку. Ту самую, ставшую обыденной на наших куртках, сумках, чехлах, кофрах, туристических палатках.

Да, природа уже давно всё придумала, нам остаётся увидеть и применить. В самом деле. Колесо считается самым важным изобретением человека, и его приоритет никогда не оспаривался. Однако природа знала колесо, поскольку сама его создала, задолго до появления человека. Ящерица, обитающая на каменистых холмах американских пустынь, при малейшей опасности сворачивается колесом и катится по склону, мягко подпрыгивая на ухабах. Ни дать ни взять автомобильное колесо с упругой покрышкой. Можно увидеть рисунок настоящего колеса с ободом, спицами и ступицей, если разрезать лимон поперёк. Опять же не хилая подсказка для пытливого ума.

Глядя на замечательные творения природы, человек их копировал, перенимал, зачастую не вдумываясь в существование явления. Если птицы летают, взмахивая крыльями, то и он приделывал к рукам крылья, размахивал, но даже не отрывался от земли. Тогда поднимался на гору, на крышу, на колокольню и бросался вниз. Герои древнегреческой мифологии Дедал и его сын Икар сделали крылья из воска и птичьих перьев, совершили впечатляющий перелёт с острова Крит на побережье Малой Азии, а потом на Сицилию. Для восторженных греков отец и сын на века стали героями.

В нашем отечестве отношение к покорителям небес не столь восторженное. В русской летописи XVI века есть документальное свидетельство успешно прошедшего испытания в присутствии Ивана Грозного «крыльчатого снаряда», придуманного смердом, то есть человеком низшего сословия, Никишкой. Царю полёты смерда не понравились. По его высочайшему мнению, деревянные крылья на руках человека противоречат божьей воле. Потому распорядился Никишке отрубить голову, а летательный аппарат после церковной литurgии сжечь. Вот ещё когда инициатива у нас уже была наказуема.

На всех континентах и во все времена человек пытался летать по-птичьи. Однако слепое подражание оставалось безуспешным. С какими только хитроумными приспособлениями изобретатели пытались взлететь, взмахивая крыльями, – ничего не получалось. Постепенно определили единственно правильный путь – планирование. Уже в нашу эпоху появился дельтаплан. С его помощью человек парит в восходящих потоках воздуха и улетает на значительные расстояния.

Классическим примером подражания природе можно считать яйцо. Люди давно заметили интересные прочностные свойства скорлупы. Снаружи она выдерживает вес тяжёлой птицы, а при давлении слабого птенца изнутри легко разрушается. С развитием науки о сопротивлении материалов выяснилось, что даже точечные нагрузки на скорлупу снаружи распределяются

по всей поверхности. Ценное качество. Как нельзя лучше подходит при строительстве куполов, венчающих монументальные сооружения, вроде соборов. Строители продублировали даже плёнку, выстилающую яйцо изнутри. Оказывается, она создаёт предварительное напряжение сферической поверхности яйца, чем повышает её прочность.

Человек, который первым сплёл верёвку из волокнистых стеблей растений, наверное, ужасно гордился своей изобретательностью. А уж когда люди научились плести тросы из стальной проволоки, что позволило резко увеличить грузоподъёмность механизмов, то почувствовали себя титанами, способными перемещать неимоверные тяжести.

Пауки лишены честолюбия, но их паутина неизменно совершеннее любого троса. Секрет в её конструкции. Из каждой желёзки паук выдавливает сотни нитей. Из них он свивает прядь. Жёлёзок от четырёх до шести. Полученные пряди скручивает в канат. Если учесть, что паутина на разрыв в два раза прочнее легированной стали, а нитей в сотни раз больше, чем в нашем канате, то становится очевидным, что инженерам есть чему поучиться у паука.

Человек разумный всегда учился у природы, перенимал её бездонный опыт. Создана даже наука – бионика, занимающаяся переносом в технику животных и растительных моделей. Зачастую рекомендации её выглядят парадоксальными и опрокидывают технические аксиомы, столетия казавшиеся незыблёмыми. Так, грузовые, пассажирские и особенно военные корабли всегда строили с острым носом, чтобы легче преодолевать сопротивление воды. Специалисты бионики предложили прямо противоположный вариант – ниже ватерлинии завершать переднюю часть корабля шарообразной, выдвинутой вперёд конструкцией, повторяющей голову кита. В результате сопротивление воды уменьшилось, а скорость судов возросла.

Перечень заимствований можно продолжать долго. Прежде всего надо научиться создавать материалы,

аналогичные природным. Если бы строители имели материал, из которого формируется ржаной стебель, то могли из него воздвигнуть телевизионную башню высотой 300 метров с диаметром всего в полтора метра. Невероятно. Однако бионика уверенно заявляет – союз с природой обещает нам открытие нового, доселе невиданного мира.

ЖИВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

У любого мало-мальски хозяйственного владельца городской квартиры обязательно есть хотя бы полдюжины самых необходимых инструментов – молоток, плоскогубцы, пара отвёрток, стамеска, ножовка. Про сельского жителя и говорить нечего, ему к обычному набору слесарного, плотницкого инструмента надо прибавить малярно-штукатурный и садово-огородный инвентарь. Не помешает хороший лом. Мастеровому человеку инструмента никогда не хватает, и приобретение каждого нового радует, поскольку расширяет возможности рук.

Из всех многочисленных представителей животного мира земли человек – самый разумный, но и самый беспомощный. Без инструментов он не в состоянии обеспечить себя ни пропитанием, ни жильём. Надо полагать, потому мы с таким восхищением принимаем мастерство братьев наших меньших, имеющих одинственный инструмент, дарованный им природой. Самый распространённый среди них, наверное, птичий клюв. Каких только форм и размеров он не бывает – прямой, кривой, длинный, короткий, массивный, миниатюрный. Во всех случаях функции одинаковы – ухаживать за оперением, строить гнёзда, добывать

пропитание, обороняться или нападать. Иногда для хулиганских выходок. Однажды в зоопарке при Липецком металлургическом комбинате наблюдал, как журавль гонял служителя, норовя долбнуть его клювом в мягкое место. Был свидетелем вообще невероятной сцены. Синички с энтузиазмом дразнили кошку, отделённую от них прочной оконной сеткой. Самая смелая подлетела и тюкнула её в нос. Бедную кошку чуть удар не хватил.

К синичкам ещё вернётся, а сейчас про дятла. Сильное впечатление оставляет клюв этой птицы. Настоящее долото. Дерево долбит так, что щепки летят. Всегда удивлялся, как они ему в глаза не попадают. Оказывается, в момент удара глаза рефлекторно закрывает плотная прозрачная пленка, вроде защитных очков у человека. Уже который год наблюдаю, как легко дятел разделяет грецкие орехи. В два, три удара проламывает скорлупу и дочиста выбирает ядро. Если спелый орех вываливается из оболочки, он принимается за другой. Хозяину ущерб, но, как говорят сейчас в определённых кругах, делиться надо. Да и за удовольствие наблюдать за интересной птицей не грех заплатить толикой урожая.

Серьёзные функции исполняет язык дятла. Начинается над клювом, двумя упругими жгутами проходит между глаз, охватывает мозг, спускается ниже затылка, соединяется и выходит в клюв. Считается, что язык служит ему амортизатором, гасит динамические нагрузки на мозг от ударов. Может, поэтому у него и голова не болит. Но это ещё не всё. Кончик языка твёрдый, острый, имеет направленные назад заусенцы. Дятел пользуется им как гарпуном, накалывает и извлекает из глубоких ходов личинки жуков-древоточцев. Разве не молодец этот красавец наших лесов? А уж как лихо барабанит весенние трели на сухой лесине! Гул на всю округу.

Скромнее клюв у большой синицы. Непоседливая, вездесущая птаха, ни секунды в покое. Две, три синички создают впечатление целой стаи. Летом их почти не слышно. Быстро и бесшумно собирают по саду гусениц, жучков, червячков, даже бабочек на лету ловят. Ближе

к холодам чаще и громче стучат. Выстукивают оконные рамы, двери, заструхи, ветки и стволы деревьев. Дотошно обследуют каждый сантиметр в поисках спрятавшихся на зиму насекомых. Если бы сам не видел, то не поверил, что синички способны своим слабеньким клювиком продолбить гречкий орех. Делают эдакую аккуратную дырочку, через неё на длину клюва выбирают ядро. Кое-что остаётся хозяину.

Способность синиц приспосабливаться к условиям поразительна. Они питаются насекомыми, семенами, зимой в кормушках лущат подсолнечные, тыквенные, арбузные семечки, не откажутся от сала. У них даже длина и форма клюва меняются в зависимости от сезона. Весной и летом – длинный и острый как пинцет, чтобы удобнее хватать насекомых, осенью и зимой – короткий и толстый, чтобы раздалбливать жёсткие оболочки семян. Конечно, изменения в глаза не бросаются, но если присмотреться, особенно на фотографиях, то заметны.

Клюв у синички – инструмент универсальный. В Англии принято оставлять около домов бутылки с молоком, закрытые крышечками из фольги. Синички их вскрывают и лакомятся поднявшимися наверх сливками. Ведь как-то догадались о доступности питательного продукта.

Мать-природа никого не обошла, каждого наделила удобным и совершенным инструментом. Даже не инструмент, а настоящий механизм получил скромный жучок – желудёвый слоник. У него на конце тонкого, длинного хоботка располагаются маленькие крепкие челюсти. Невооружённым глазом их и разглядеть невозможно, однако действуют исправно. Выбрав подходящий жёлудь, слоник поднимается на задние ножки; хоботок, подгибая под себя, устанавливает вертикально и начинает вгрызаться. Процесс ни бурением, ни сверлением назвать нельзя, ничего подобного в практике человека нет.

Дойдя до середины жёлудя, жучок выдёргивает хоботок, откладывает яичко и удаляется. Хотя дело простое, но сопряжено с риском и даже опасностью для жизни.

Случается, ножки соскальзывают с гладкой поверхности жёлудя, и упругий хоботок пружиной вскидывает слоника вверх. Всё, в таком положении его не сцепает только ленивый. Спасти может чудо в виде резкого порыва ветра, или жёлудь упадёт сам.

Тем не менее, устройство признано удачным, и природа снабдила им множество долгоносиков. В их числе орешниковый плодожил. Жёсткую скорлупу фундука он дырявит как сыр. Отверстие получается идеально правильной геометрической формы и диаметром точно 3 миллиметра. Штангенциркулем перемерил дюжину отверстий, и все один в один, никаких отклонений. Внутрь ореха самка откладывает единственное яичко. В целях безопасности работает исключительно по ночам, можно сказать, на ощупь, но точность от того не страдает.

Среди млекопитающих характерный режущий инструмент в виде пары передних зубов имеют бобры. С лёгкостью необыкновенной они подгрызают и валят толстые осины. Не раз видел конические пеньки, остающиеся после деревьев. Сам занимаюсь резьбой по дереву и потому с профессиональным интересом разглядывал желобки, оставшиеся от зубов. Их чистота говорила о необыкновенно острой заточке живого инструмента. А приличная длина – о большой силе челюстных мышц бобра. Человек такой след своими зубами может оставит только на яблоке, а если на дереве, то стамеской с полукруглым лезвием. Называется клюкарза. Очень хороший инструмент. При минимальных усилиях позволяет снимать максимальный слой древесины. Не у бобра ли позаимствовал геометрию стамески кто-то наблюдательный и пытливый?..

Человек всегда перенимал опыт природы, учился, да и по сей день учится у неё. Не исключена возможность, что идею гарпуна или остроги с зазубринами подал язык дятла, а первое долото из острой кости животного было сделано в подражание его клюву. Есть примеры, когда человек использует непосредственно живые инструменты. В джунглях Южной Америки водятся очень

крупные муравьи. Пропорционально размерам тела у них острые кривые жвала. Гроздное оружие защиты и нападения. Местные жители с их помощью зашивают длинные и глубокие раны. Края сжимают и подносят муравья. Он немедленно всаживает в кожу свои жвала. В этот момент туловище отсекают и подносят следующего. Скоро рана плотно стянута. После заживления удалить жвала труда не составляет.

Хотел уж было позавидовать аборигенам и пожалеть, что у нас нет гигантских муравьёв, но передумал. Нет, пусть они остаются там. Мы в состоянии придумать механические скобки и делать их из нержавеющей стали, пластика или органического вещества, способного усваиваться организмом. Главное, есть идея от природы. Нам осталось её позаимствовать.

ПАМЯТЬ ВОДЫ

Термин «компьютерная память» быстро и прочно вошёл в наше понимание, не вызывает сомнений и воспринимается как само собой разумеющийся. Есть единица компьютерной памяти – байт, за которую принят графический символ – буква. Тысяча букв – килобайт, миллион – мегабайт, миллиард – гигабайт. Компьютер средних возможностей имеет память жёсткого диска в один гигабайт, что равнозначно 416 миллиардам страниц машинописного текста. Известный роман Л.Н. Толстого «Война и мир» включает 1528 страниц. Его можно разместить на двух стандартных дискетах. Возможности аппарата, сработанного руками человека из металла и пластика, производят оглушительное впечатление. Мы готовы поверить в его одушевлённость и начинаем опасаться, как бы он со своим безграничным интеллектом не скинул человека с Олимпа прогресса на задворки примитивного, ручного труда.

Компьютер – дитя технического прогресса, можно сказать, появился вчера, но сразу заставил принять его

память как непреложный факт. Вода существует миллионы лет, тоже хранит информацию, объёмы которой не поддаются ни измерению, ни вычислению, однако аналогичный термин «память воды» вызывает у нас сомнения, иронию, что угодно, кроме понимания. Хотя термин легко поддаётся освоению на базе школьного курса химии.

В самом деле. Вода может нести бесчисленные растворы солей, кислот, щелочей, радиоактивные нуклиды, ионы металлов, минеральные взвеси, микроорганизмы, насыщаться различными газами, что само по себе является сложной и многообразной информацией. Химический состав – память воды, благодаря которой она помнит, где побывала, в каких технологических процессах участвовала, по каким местам земной коры протекала. Ни одно другое вещество, ни жидкое, ни твёрдое, ни газообразное столь объёмной информации не несёт.

Как выяснили учёные, образование из молекул воды – кластер – имеет 420 ячеек для запоминания. Невозможно представить, какую бездну кластеров, соответственно, информации может вместить заурядное ведро воды. А океан? Это уже хранилище планетарного масштаба. Куда до него компьютеру с его гигабайтами! Океан помнит весь процесс формирования земли, зарождения, развития жизни во всём её разнообразии и великолепии. Когда-нибудь человечество сумеет открыть этот кладезь информации, если не успеет до того момента угробить океан отходами, отбросами и прочими продуктами деятельности, продиктованной исключительно непомерным потребительством.

Память воды не ограничивается химическим составом. Она обладает множеством других свойств, многие из которых мы знаем, пользуемся ими и даже не задумываемся, почему вода их приобретает и помнит вопреки законам физики, химии. Есть вода омагниченная, активированная, дегазированная, озонированная, солнечная, талая. Самая известная, притягивающая нас с неимоверной силой, – талая вода. В детстве огромным

удовольствием было отломить с тесовой крыши сверкающую на мартовском солнце, всю в ребристых наплывах сосульку, ощутить её ледяную свежесть, пресный, ни с чем не сравнимый вкус, разгрызть на мелкие ледышки и поразиться, с каким звоном они грохочут на зубах.

Надо думать, предки наши, выросшие в зимних широтах, знали притягательную силу сосулек. Ведь не случайно само существительное «сосулька» образовано от глагола «сосать», то есть маленькими глоточками пить талую воду. О её живительной силе знали всегда и все. Тем не менее учёные взялись доказать способность талой воды повышать биологическую активность растений, организмов животных. И доказали. Семена овощей, замоченные в талой воде, дают прибавку урожая на 15-20 процентов. Если ягнят, телят поить талой водой, то они растут здоровыми и быстрее прибавляют в весе. У человека талая вода снижает уровень холестерина в крови.

Остайтесь развести руками и вспомнить, что новое – это хорошо забытое старое. Всё возрождающееся весной к жизни и в животном, и в растительном мире напоено талой водой. Но чем она отличается от обычной водопроводной, даже прошедшей глубокую дистилляцию, никто ещё не сказал. Талая вода хранит свою тайну и помнит живительные свойства.

Едва ли не каждый день мы видим солнечную воду и не задумываемся о её чудесных свойствах. Дети тоже не задумываются, но обожают барабататься на мелководье, пронизанном солнечными лучами. Они ближе нас, взрослых, к природе, к естеству и кожей чувствуют благотворное влияние солнечной воды. Вспомним, какой восторг вызывает у нас «слепой дождь», когда каждая капля пронизана солнцем, сверкает, радует и несёт в себе неземную благодать.

Можно принять за аксиому – солнце обеззараживает воду. Она чиста, безвредна, чем и притягивает детей. Явление подметили масай в знойной Кении. Они наливают воду сомнительного качества в прозрачные

пластиковые бутылки и кладут на солнце примерно на 6 часов. За это время вода освобождается от болезнестворных бактерий. Её можно пить без последствий для здоровья. Местные врачи с удовлетворением отмечают снижение желудочно-кишечных заболеваний за последние десять лет на 70 процентов. Это как раз тот период, за который волна цивилизации выплеснула скотоводам-кочевникам пластиковые бутылки.

Опытом масаев заинтересовались европейские учёные. В Ирландии, Испании провели эксперименты и выяснили, что ультрафиолет разрушает клеточные мембранны, и бактерии погибают. Предложены реакторы, в которых вместо пластиковых бутылок стоят хрустальные трубы. Процесс обеззараживания в них сокращается до полутора часов. Способ значительно дешевле хлорирования и фильтрации. Солнечные реакторы могут быть просто незаменимы в экстремальных ситуациях – землетрясениях, наводнениях, цунами, да в любых случаях, когда возникает недостаток чистой питьевой воды.

Вспомним, как часто в русских сказках упоминается живая и мёртвая вода. Пусть покажется невероятным, но она ведь и на самом деле существует. Если в обычновенную воду опустить электроды и включить постоянный ток, то у катода будет собираться щелочная, или живая вода, у анода – кислотная, или мёртвая. Кислотная вода обладает бактерицидными свойствами, угнетает и даже убивает насекомых. Щелочная усиливает регенерацию тканей. Хотя та и другая по молекулярному составу абсолютно идентичны и полностью соответствуют классической формуле воды – в ней два атома водорода и один – кислорода. Как вода принимает новые свойства, в каких кластерах хранит память о них, пока неизвестно.

Хотелось бы знать, откуда в сказках появилась живая и мёртвая вода. Если отринуть чванство и принять умственное развитие наших предков соответствующим современному, то можно предположить, что какие-то умельцы смастерили батарею, любопытства ради опу-

стили электроды в воду и получили живую и мёртвую воду. Нашли ведь египтологи батарею, изготовленную во времена Нефертити. Почему бы древним славянам не опередить египтян или, по крайней мере, не сделать эпохальное открытие одновременно?

Сейчас все знают про омагниченную воду. Как ни парадоксально, но диамагнитная по своей природе вода, проходя через магнитное поле, меняет свойства. Она повышает биологическую активность, предотвращает образование накипи хоть в чайнике, хоть в котлах теплоцентралей, удаляет зубной камень, если регулярно полоскать ей рот, улучшает крашение тканей, повышает качество бетона.

Одно время наша промышленность наладила выпуск магнитных наконечников для садовых шлангов. Купил такой и много лет им пользовался. Втыкаешь, открывая кран и поливаешь огурцы, морковку омагниченной водой. Правда, обещанную прибавку урожая на 15-20 процентов заметил лишь через несколько лет, когда потерял наконечник и сетовал, как старые огородники: вот, дескать, раньше были урожаи.

Вода, всегда неизменная, на самом деле меняет термодинамические свойства в зависимости от времени суток и года. Учёные исследовали влияние на воду солнечной радиации вообще и гамма-облучения в частности. В камере, надёжно изолированной от внешнего воздействия, смоделировали процесс гамма-облучения воды, соответствующий по интенсивности и периодичности естественному. Результаты определяли по количеству, выделяемому водой кислорода и водорода. Оказалось, в течение года максимум приходится на январь. Вода в это время начинает интенсивно очищаться от микрофлоры и флоры. В наших широтах трещат морозы. Из-за низких температур биологические процессы в воде затормаживаются. Выходит, совсем не случайно именно на 19 января приходится Крещение, когда вेरующие из освящённой проруби берут воду, считают её святой. И она действительно очень долго сохраняется чистой. Особенно в серебряной посуде. Можно и

в глиняном горшке, если опустить в него серебряную ложку. Как известно, ионы серебра обладают бактерицидными свойствами. Совсем не исключено влияние на воду находящихся у проруби верующих людей. Но на эту тему чуть позже.

Минимум активности зафиксирован с марта по июнь. Результат сопоставили с медицинской статистикой и обнаружили, что в этот период меньше всего случается сердечных приступов. Любопытные данные получили из сферы промышленного производства. Без видимых причин наиболее высоким качество магнитной ленты, бумаги и других изделий, требующих в производстве большого количества воды, было в мае. Есть факты, но комментариев к ним нет.

Мы редко вспоминаем, что сами на две трети состоим из воды. Надо полагать, вода в наших клетках тоже помнит прошлую жизнь и переносит информацию в цепочки ДНК. Не случайно почти обыденным стало выражение «генная память». У многих в жизни были ситуации: впервые оказавшись в каком-то месте, вдруг испытывали потрясающее впечатление, что когда-то здесь уже были. Заглянув в родословную, с удивлением узнавали – там жили отец или дед. Информация, зафиксированная водой, передана нам на уровне генной памяти.

А какое состояние восторга испытывает человек, когда пьёт воду из родного источника! Будь то колодец, родник, озеро или река. Именно из родного. Мой родник в сотне шагов от дома, в котором родился. Из него пила воду моя мама, когда была беременна мной, и мой первый в жизни глоток воды был из него. Когда приезжаю, пью эту воду, не могу напиться, и с каждым глотком меня наполняет счастье. Вода в клетках моего организма встретила родную воду и отзывалась радостью детства.

Простая, обыденная, доступная и так необходимая всему живому, вода полна загадок и тайн. Люди всегда проявляли к ней повышенный интерес. Она служила поэтам, художникам, композиторам, кинематографистам источником вдохновения, объектом профессио-

нального внимания. Сколько написано стихов, песен, музыкальных произведений, картин о родниках, реках, озёрах, морях и тихих, заросших кувшинками прудах. О воде сняты замечательные документальные фильмы. Один из них особенно запомнился текстом, одухотворяющим воду, представляющим её понимающей и запоминающей нашё к ней отношение.

Аргументами служат снежинки, падающие на землю с небес, – прекрасны в своей неповторимой симметрии. Снежинок мириады, но ни одна не похожа на другую. Полученные из водопроводной воды уродливы, как дети алкогольного зачатия. Вода всё помнит и благом человеку отзыается на любовь и благодарность. Перед тем, как сделать первый глоток, достаточно настроиться и искренне сказать: «Люблю! Благодарю!»

Закроем глаза на мистику и внимательно посмотрим на физику и биологию. Ни у кого не вызывает сомнений наличие у человека биологического поля. Оно зафиксировано, измерено, успешно используется в медицине для диагностирования заболеваний. Биополе меняется в зависимости от психологического состояния человека. Любовь, внимание, уважение, агрессия, злоба, равнодушие – всё отражает биополе. Мы сами без приборов и без слов чувствуем, как к нам относятся – любят или ненавидят, внимательны или равнодушны. Почему вода с её сложнейшей и многообразной организацией не может воспринимать электромагнитные колебания, исходящие от человека, и перестраиваться на соответствующую волну?

А вот теперь вернёмся к обряду освящения воды. Люди у крещенской проруби, настроенные молитвой на благостное восприятие мира, излучают коллективное, многократно умноженное биополе благодарности и любви. Вода воспринимает его и настраивается на благодатное состояние.

Наливаю в хрустальный стакан воды, произношу заветные слова и опускаю в неё розу. Чувствую, как меня тихонько качает волна радости, будто пью воду из родного родника.

ЦВЕТ РАДОСТИ

Мы не очень вдумываемся в религиозную суть Пасхи, но непременно и с большим удовольствием красим яйца, христосуемся. В первую очередь, конечно, с женщинами. Во всех отношениях приятный обычай.

По всей России яйца красят луковой шелухой. Цветовую гамму получают от

бледно-жёлтого до ярко-оранжевого, почти красного. Всё зависит от сорта лука, количества шелухи и времени выдержки в красителе. В любом случае получается цвет радости, хранящийся в памяти со времён беззаботного детства. Сейчас яйца красят кому как вздумается и насколько хватит фантазии. Получается тоже красиво, но покупные краски в пакетиках уже синтетические.

Луковая шелуха – безвредный, как сейчас говорят, экологически чистый краситель. Воистину бесценное достоинство. Современная промышленность даже для пищевых продуктов использует синтетические красители, безвредность которых определяется не химическим составом, а процентным содержанием. В том смысле, что немного отравы не повредит. Наши стандарты с подобной позицией соглашаются. Допустимое количество токсинов в продукте разрешают в зависимости от периодичности его потребления. Если едят часто, то токсины должно быть меньше, если редко, то больше. При этом не учитывается одна физиологическая особенность: токсины из организма теплокровных не выводятся, они накапливаются в жировой клетчатке. Когда человек заболел, потерял аппетит, организм начинает расходовать жировой запас и сам себя травит. Так что красители растительного происхождения, по сравнению с синтетическими, неоспоримо предпочтительнее.

С естественными красителями случайно или специально мы встречаемся всю жизнь. Они могут дать практически весь цветовой спектр. Самый распространённый в природе – зелёный – выделяют из крапивы, жёлтый – из шафрана, коричневый – из орешника, оранжевый – из ольхи. Познания о красителях доступны всем. Их постигают на собственном опыте, из рассказов старших, из книг. Иногда из прочитанного в память западает вопрос, который сидит как гвоздь до момента, когда совпадают возможности, желание, и ты, наконец, находишь долгожданный ответ.

Читая «Слово о полку Игореве», обратил внимание на цвет щитов. Там сказано: «Русичи великие поля червлёными щитами перегородили ища себе чести, князю – славы». Откуда взялось прилагательное «червлёный», какой цвет означает, почему неблагозвучный корень «червь» дал жизнь многим словам в русском языке – червлёный, червоный, червонец, червонное золото и даже карточная масть червовая.

Проще всего было открыть словарь и посмотреть. Оказалось, червлёный означает тёмно-красный, багряный, образован от существительного «червец». Поныне живёт и существует такой сельскохозяйственный вредитель, но отношения к червлёной краске не имеет. Далее начались долгие энтомологические изыскания. Научные источники отсылали от одного к другому, зачастую выставляя ошибочные ориентиры и предлагая тупиковые варианты. В конечном итоге картина прояснилась, тропа поисков опять привела к червецам.

Насекомые относятся к кокцидам. На земле их более 1600 видов. Некоторые имеют мировую известность. Например, лаковые кокциды выделяют восковидное вещество, всегда привлекавшее внимание человека. Из него производят знаменитый шеллак. Китайские, японские мастера им покрывали свои бесценные вазы. В век технического прогресса шеллак признан прекрасным диэлектриком. В ответственной радио- и электронной аппаратуре тонюсенькие проволочки покрыты шеллаком.

Другая знаменитость из кокцидовых – кошениль, обитающая на колючих кактусах под жарким солнцем Мексики. Именно она даёт всемирно известную и очень дорогую краску кармин. Как натуральный краситель используется в пищевой и парфюмерной промышленности. Помните, в описаниях ярких женщин упоминаются карминные губы. Это значит, что в их помаде присутствовал кармин. На печатание первых бумажных денег в России тоже шёл заморский кармин.

Во времена князя Игоря кармина не знали, для получения краски пользовались местным сырьём. Кокциды, дающие красную краску, есть и в нашей стране. У нас их называли червецами. Отсюда и цвет червлёный. Жизнерадостный, яркий, он поднимает дух, вселяет бодрость. Качества, крайне необходимые воинам, потому и щиты у русичей червлёные. Цвет очень нравился нашим предкам. Они переносили его название на предметы, ничего общего не имеющие с цветом. Так, полновесные золотые монеты, равные по стоимости венецианским дукатам, голландским гульденам, в России называли червонцами, а золото, идущее на их чеканку, червонным. Обладание золотой монетой, наверное, тоже бодрит, как и созерцание червлёного цвета.

Червлёную краску русичи вырабатывали из кокцидов, живущих на корнях только одного растения – лапчатки серебристой. Формой листьев очень похожа на землянику. Собирали её в июле. К этому месяцу на корнях успевали поселиться самки червецов. Стебли, листья обрезали, корни складывали в сито, обивали, просеивали. Насекомыхсыпали в сковороды, ставили в печи сушить. Ни разбежаться, ни разлететься червецы не могут, поскольку у них нет ни ног, ни крыльев – всё атрофировалось. Остался яйцеклад и хоботок, который они вонзают в растение. Им держатся и через него сосут сок. На червей не похожи, скорее, на всем известную тлю. Высушенных насекомых вываривали и получали чудесную краску червлёного цвета.

В России знали множество способов получения красок. Свои были не только в каждой губернии, но в во-

лости и даже отдельно взятой деревне. Ведь все пользовались растущими в данной местности деревьями, кустарниками, травами, выходами глин. Если пасхальные яйца везде красят луковой шелухой, то лишь потому, что лук растёт по всей нашей великой и необъятной.

МАГИЯ ОГНЯ

Всёк по-своему познаёт таинство появления огня. Кто-то буднично, без восторгов, а кто-то как чудо, и таковым остаётся на всю оставшуюся жизнь.

Мне чудо зарождения огня показал мой дядя. Он вернулся с войны и принёс с собой «катюшу» – железку, камешек и жгут из мягких хлопчатобумажных нитей. Прижимал жгут к камешку и начинал бить железкой. К моему восторгу с каждым ударом пучком сыпались искры, и вдруг появлялся дымок. Дядя дул, пока не вспыхивал крохотный огонёк.

Действие так нравилось, что я ходил за дядей хвостиком и раз десять на дню просил показать «катюшу». Стارался понять, откуда берётся огонь, совался поближе, и однажды искра залетела в глаз. Вот было рёву. Зато «катюшу» запомнил на всю жизнь.

Взрослым узнал, что подобный способ получения огня с незапамятных времён известен многим народам мира. Железка – это кресало или огниво, камешек – кремень. Для воспламенения использовали трут. Есть такой гриб на гнилых берёзовых пнях, осинах, дубах, вроде лошадиного копыта. Предпочтительнее берёзовый. Его вываривают в солевом растворе, сушат, получается трут. Он легко загорается, рдеет ярким угольком, не га-

снет на ветру. От него легко разжечь бересту, растопить печь или разжечь костёр.

На принципе воспламенения от искры действовали кремнёвые пистолеты, ружья. Только трут заменялся порохом. Можно вспомнить сцену дуэли у А.С. Пушкина в его романе «Евгений Онегин»: «Вот порох струйкой сероватой на полку сыплется. Зубчатый, надёжно ввинченный кремень взведён ещё». Кремень вкладывали между двух пластин, зажимали винтом, потому и «ввинченный». От искры порох на полке воспламенялся, через отверстие в стволе поджигал заряд. При сильном ветре, дожде кремнёвое оружие не действовало.

Наши предки славяне обожествляли огонь, кресало считали оберегом и носили на шее. Верили, что он обладает магической силой, защищает от всяческих невзгод. Отголоском тех верований осталась романтическая традиция в ночь на Ивана Купалу (7 июля) прыгать через костёр. Чтобы сгорели болезни и беды, в пламя бросали ветки шиповника и пучки крапивы.

А сколько вокруг огня сложено прекрасных легенд, мифов! Кто не знает древнегреческого героя Прометея, похитившего огонь у богов и подарившего его людям! В наказание был прикован к скале, а орёл каждый день клевал ему печень. Прометей не раскаялся. Ночами со скалы он видел, как всё дальше разбегаются по земле огни, даря людям тепло и защиту.

Бывает, огонь появляется без участия человека. В местах выхода на поверхность природный газ загорается от удара молнии. Горит годами, десятилетиями. Люди поражались способностью огня гореть на голых камнях, без дров. Он представлялся им чудом, и ему начинали поклоняться. Над огнём или рядом строили культовые сооружения, приносили жертвы, молились. Так зародилось известное в мировой религии огнепоклонничество.

Часто иронизируя над своими наивными предками, мы сами по сей день остаёмся огнепоклонниками, не взирая на национальность, политические или религиозные убеждения. Яркое подтверждение тому – олимпий-

ский огонь,зывающий всеобщий восторг и жгучее желание собственными глазами увидеть факел, зажжённый от солнца на земле древней Эллады. Православные фактически тоже огнепоклонники. Зажжёные свечи в церкви, мерцающие перед иконами лампады своего рода жертвоприношения. А с каким священным трепетом встречают верующие благодатный огонь от Гроба Господня из Иерусалима! Накануне светлого дня Воскресения Христова он чудесным образом загорается, и церковные иерархи выносят его на люди. Верующие почитают счастьем принести в дом лампаду, зажжённую от Благодатного огня.

Самому пала на сердце мерцающая лампадка перед иконой в обомшелой часовенке. Видел её над родником в глухом пензенском лесу. Жилья поблизости нет, никто не встретился на дороге, а огонёк горел. Мягкие блики скользили по взыскующему лицу Спасителя, отчего он казался живым и спрашивающим меня, кому я верю, каким богам поклоняюсь. Слабый огонёк гипнотизировал, не отпускал взгляд, хотелось смотреть на него долго и видеть всегда. Не дано.

Волшебство созерцания понимают мудрые люди и советуют для обретения душевного спокойствия смотреть на весеннюю зелень, на старинную бронзу, покрытую благородной патиной, и на открытый огонь. Их благотворное действие в своё время каждый открывает самостоятельно. Весенняя зелень радует обновлением жизни, патина на бронзе шепчет о вечности, огонь сам по себе каждое мгновение новый и вечный. Он повсюду, во всём, стоит захотеть, и в любой момент его можно вызвать к жизни. Как на добро, так и во зло.

За жизнь не раз приходилось тушить лесные пожары, всегда горевшие по вине человека. Когда пламя бежит низом, по сухой траве, прошлогодней листве, его ещё можно остановить. Достаточно связать метлу из зелёных кустов, ветвей и хлестать по красным змеям, пока они не сникнут и не пропадут. Жар иглами колет лицо, жжёт руки, густой дым забивает лёгкие, кашель дерёт

горло, но ещё терпимо, есть возможность потушить низовой пожар.

Другая картина, когда огонь бушует в хвойном лесу, в мгновение ока охватывает сосны от корней до последней хвоинки на вершине, с гулом мчится сплошной стеною. Ничего более страшного, вызывающего животный ужас, не испытывал. Тут уж зелёная метла не поможет. Спасёт широкая перепаханная просека, чтобы огонь по земле не перебежал и с вершины куски пламени не долетели до живого леса.

Тот же огонь бывает ласковым, когда горит в русской печи, или манящим, когда светит в окошке родного дома. Хороших людей у нас принято приглашать на огонёк. Вдуматься только – не на еду и на питьё, а на огонёк.

Как-то поздней осенью довелось пожить на лесном кордоне. Хозяева после бесконечных хлопот в завершение дня ставили у окна зажжённую керосиновую лампу и только тогда ложились спать. Подумал, наверное, оба боятся темноты, о чём с изрядной долей иронии и спросил.

– Нет, не боимся, – объяснили они. – Вдруг кто с дороги собьётся, заблудится, а на огонёк выйдет. Ишь, погода разгулялась. Каково сейчас человеку в лесу!

И правда. Злющий ветер хлестал по окнам дождём с ледяной крупкой, ревел, как траву трепал лес. Сам я не люблю спать при свете, а тут засыпал убаюканный непогодой, словно в родительском доме.

Счастливый случай привёл на тот кордон через несколько лет. Теперь зимой. К тому времени им провели электричество, перед домом стоял столб под жестяным колпаком. Сразу решил, что хозяева по доброте душевной на ночь её включают, и опять для путника горит огонёк. И точно. Вечером лесник взял монтёрские «когти» и полез на обледенелый столб вворачивать лампочку. Утром, гремя «когтями», опять взбирался, чтобы вывернуть. Почему ему, думаю, выключатель не поставить? Минутное дело, а сколько бы времени сэкономил, да и не рисковал. Спрашивать не стал, отнёс на загадки русской души.

Бездну загадок имеет сам огонь. До сих пор нет определённого ответа, что он собой представляет. Ни газ, ни жидкость, ни твёрдое тело. Скорее всего, особое состояние материи, не менее загадочное, чем шаровая молния. Может, физики и знают, да не сказывают. В наше время учёные, сделав открытие, не торопятся предавать его огласке. Например, создан термогенератор, способный без промежуточного котла и турбины вырабатывать электрический ток непосредственно из пламени. Принцип действия не известен, но благо для всех, живущих в глухомани, где об электричестве ещё не помышляют. Достаточно разжечь костёр, растопить печь, и к термогенератору можно подключить компьютер, телевизор или стиральную машину. Были бы дрова.

Огонь, такой опасный и желанный, всегда рядом. Чтобы очаровать себя магией пламени, достаточно зажечь свечу в самодельном подсвечнике из необожжённой глины и созерцать мерцающий огонёк. Чувствуешь, как в душу вливается очищающее умиротворение, на память приходят забытые стихотворные строки, и губы шепчут: «Свеча горела на столе. Свеча горела...»

АРОМАТ

Среди раскалённых и до золы выжжённых песков полуострова Мангышлак есть форменное чудо природы. Словно не выдержав напора нещадного солнца, земля треснула и зазмеилась от берега Каспия вглубь материка узким каньоном. Завершается каньон круглым провалом. Впечатление от провала делает ошеломляющим феерия воды. По вертикальной стене провала, строго на одном уровне льются тысячи родниковых струек и падают на пышный ковёр зелени. Наверху всё давно сгорело, а на дне провала тихонько шелестит листвой раскидистая шелковица, камни оплетает ежевика и буйствуют заросли мяты.

Срываю знакомый листочек, мну в пальцах и вдруг чувствую, как меня захлестывает волна родниковой свежести, уносит в детство, в наш сад, где каждый свободный клочок засеян мятой, а бревенчатые стены в доме увешаны пахучими пучками.

Дед мой, светлая память имени его, любил мяту. Заваривал с ней чай, клал в соленья, маринады, салаты, считал её лечебной, полезной, гостям дарил семена, пучки сухой и свежей. Никогда не думал, что аромат мяты так крепко отложился в моей памяти, что будет достаточно размять один листочек, чтобы перенестись так далеко в прошлое. До слёз захотелось домой, в Россию, в зелёный сумрак наших лесов, к ледяной свежести наших родников и колодцев.

Ни до того случая, ни после столь впечатляющего эффекта от аромата не испытывал. В каких только парках, садах, оранжереях не бывал, какими экзотическими растениями не любовался, нигде и ничто так не поразило, как та мята на дне провала. Был повод серьёзно задуматься о необыкновенных свойствах обоняния, чувстве, нами редко ценимого и отодвигаемого по значимости куда-то после зрения, слуха, осязания, вкуса. Частичное или полное отсутствие обоняния трагедией не считается и даже воспринимается с изрядной долей иронии. Стоило внимательно понаблюдать за собой, за окружающими, поинтересоваться научными публикациями, как значение обоняния поднялось и заняло достойное место.

Учёные умеют классифицировать участки головного мозга по времени их эволюционного формирования. Так вот, обонятельные центры находятся в извилине морского коня и аммониевом роге, относящихся к древнейшим. Они образовались, когда человек только становился теплокровным животным. В те времена обоняние слабому, беззащитному существу было крайне необходимо. В ночной темноте зрение практически бесполезно, от слуха тоже мало толку, если опасность бесшумно крадётся на мягких лапах. Зато обоняние может выручить. Хищники имеют резкий, специфический

запах, его можно почувствовать на большом расстоянии, успеть спрятаться, убежать, принять меры.

В мире живой природы запахи служат сообщениями, предупреждениями и даже приглашениями. Самцы по специальному запаху самок узнают об их готовности к спариванию. У некоторых животных, таких как бобр, кабарга, есть железы, выделяющие стойкий пахучий секрет. Его даже используют в парфюмерии для стабилизации ароматов. Бывает, охотники рассказывают неискушённым слушателям байки о железах у лис, якобы источающих аромат фиалки. Известный натуралист, писатель М.М. Пришвин решил сам проверить этот слух и добросовестно нюхал под хвостом у добытых лис. В одной из своих книг авторитетно заявил, что пахло тем, чем и должно было пахнуть.

Для человека обоняние по сей день выполняет защитные функции. Чуть только запахнет дымом, как нас охватывает тревога, и мы не успокоимся, пока не выясним, где горит. Дым для живой природы – сигнал бедствия, на него немедленно реагируют. Пчёлы спешно наполняют зобики мёдом и покидают улей. Всё живое улетает, убегает, уползает от источника дыма.

Человек сам создаёт для обоняния сигналы опасности уже применительно к условиям цивилизации. В бытовой газ специально добавляют сильно и неприятно пахнущее вещество меркаптан. Когда мы говорим, пахнет газом, то пахнет как раз им. Запах может выполнять охранные функции. В Америке посадки елей поблизости от автомобильных дорог перед Рождеством опрыскивают пахучим составом, подготовленным из овечьих костей. На открытом воздухе, при минусовых температурах он почти не ощущается. Зато в тёплых, закрытых помещениях начинает так «благоухать», что из дома убежишь. Броские щиты предупреждают о возможных неприятностях от самовольных рубок.

Значение обоняния безгранично. Нормальным людям оно открывает дополнительные возможности для познания мира, наслаждения жизнью. Для слепоглухонемых (среди нас есть ведь и такие!) обоняние –

эффективный способ познания реальности. Этот орган чувства у них обостряется чрезвычайно. По запаху они узнают людей, вещи, местность, время суток. Обоняние заменяет им зрение, слух, служит окном в мир.

Наше обоняние круглые сутки под нагрузкой, буквально с каждым вдохом анализирует воздух, информирует нас о состоянии окружающей атмосферы. Надо полагать, не случайно обоняние выполнено природой добротно, с надёжной защитой. Находится в верхней полости носа, выстланной слоем обонятельных клеток. Они в виде веретена, и от каждой идёт нервное волокно непосредственно в мозг. По данным современных исследований, человек может отличать до десяти тысяч (!) запахов и оттенков.

О природе распространения и узнавания запаха есть множество теорий. Наибольшее признание получила молекулярная. Благодаря электронным микроскопам учёные выяснили, как выглядят молекулы запаха в трёхмерном измерении. Оказывается, молекулы камфорного запаха имеют круглую форму, мускусного – дисковидную, цветочного – тоже дисковидную, но с гибким хвостом, мятного – клиновидную. Может быть, это ключ к теории узнавания запахов. Мы всю жизнь копим их, ассоциативно связываем с людьми, событиями, местами. Многое нам достаётся от рождения. С раннего возраста знаем, когда благоухает, пахнет или (простите) воняет. Хотя с годами многое переоценивается и даже меняется местами. Например, в детстве некоторые обожают запах бензина, ацетона, став взрослыми, на дух не переносят. Бывает, процесс идёт в обратном направлении. В нежном возрасте не терпят герань, а в пожилом на неё не надышатся, готовы все подоконники уставить горшками с пахучим растением.

Многие запахи мы делим по эмоциональному воздействию, то есть нравятся и не нравятся. Мало того, представляем, как они влияют на наше состояние. Та же герань расслабляет нервную систему, успокаивает, чем и привлекает пожилых людей. Лимон, лаванда, жасмин снимают усталость, обостряют внимательность. А уж

как бодрит запах свежей горчицы, хрена! Откроешь баночку, вдохнёшь – дух перехватит и до слёз прошибёт.

Все мы знаем о духах как о наслаждении для обоняния. Их так много, что каждая женщина имеет возможность выбрать любимые, неповторимые, не похожие на все остальные, словом, предназначенные только для неё. Если умение парфюмеров готовить духи считается искусством, родственным сочинению музыки, то умение пользоваться ими является свидетельством обонятельной культуры, определяющей, где, когда, кто, что и как должно пахнуть. Когда от вашей соседки по театральному креслу исходит едва заметный аромат жасмина и он гармонично сочетается с мелодиями вашей любимой оперы, то вы даже не вспоминаете о культуре обоняния, а просто ей наслаждаетесь. С печалью вспоминаете обонятельную культуру в нынешних кинотеатрах, где соседи слева, справа, спереди, сзади без передышки хрумкают попкорном и набивают зал духом горелой кукурузы.

Есть только один аромат, достоинства которого принимают все и безоговорочно. Это аромат свежести, когда без малейшего намёка на запах чего-то царит абсолютная чистота. Так бывает после первого обильного снегопада, столь близкого обонянию и сердцу русского человека.

ЭТИ ГЛАЗА НАПРОТИВ

Если Господь создал человека из глины, то глаза уж точно сотворил из драгоценных камней. Голубые из аквамарина, зелёные – из изумруда, чёрные – из агата. Цветовая гамма камней столь велика, что хватает на всех. Иначе отчего так лучисты и так притягательны глаза женщин?

Не будем говорить, что зрение самое важное из наших органов чувств, но как бы там ни было, 80% инфор-

мации из окружающего мира человек получает благодаря глазам. Их анатомия изучена, исследована, функции определены до мельчайших подробностей. Врачи-офтальмологи научились диагностировать и лечить болезни глаз, делать операции и даже заменять хрусталики на искусственные. Казалось бы, о глазах известно всё. Тем не менее, они остаются загадкой и тайной за семью печатями.

Взять хотя бы радужную оболочку. У каждого она индивидуальна и неповторима, как папиллярный узор на подушечках пальцев. Даже сложнее и многообразнее. Радужка во все времена привлекала пристальное внимание пытливых людей. Одни по ней определяли характер человека, склад его ума, предсказывали судьбу, другие узнавали, какими болезнями он страдает. Во всём мире признанные мастера диагностирования по радужке – тибетские медики. Труднейший метод доступен далеко не каждому. Ведь надо запомнить сотни, если не тысячи комбинаций из бесчисленных точек, чёрточек, сегментов, пятнышек, образующих радужную оболочку, и какая из них соответствует определённому состоянию организма или отдельного органа. По медицинской терминологии метод называется иридодиагностика. Однако до сих пор научного обоснования не имеет, то есть официальная медицина её не признаёт.

Лишь один раз в жизни встретил врача, сведущего в иридодиагностике. Познакомились мы в Бурятии. Там исповедуют ламаизм, контакты с Тибетом поддерживают, и книги по тибетской медицине совсем не редкость. Энтузиасты их переводят, изучают. Мне в те годы диагностировать ещё было нечего, и врач предсказал, что ждёт в будущем и чего можно не опасаться.

Несомненно, иридодиагностика для освоения чрезвычайно трудна. Однако в наше время помочь может техника. Если глаза сфотографировать цифровым фотоаппаратом, изображение перекачать в компьютер, то на мониторе увеличенную радужку можно рассматривать в мельчайших деталях. Коли так просто, то почему бы не попробовать самому? Сделал, увидел огромный

глаз и ахнул: «Открылась бездна звезд полна, // Звездам
числа нет, бездне дна».

Если бы в компьютере имелась программа сравнения с аналоговыми радужками, то в считаные секунды обладательнице карих глаз был поставлен диагноз. Без анализов и дополнительных исследований. Увы, пришлось ограничиться созерцанием.

Глаза в своей неимоверной сложности воистину бездонны, и нам ещё многое предстоит постигнуть, понять. Мы много раз замечали – в одни глаза нам хочется смотреть долго, с упоением чувствовать, как поднимаемся к небесам. В другие глянешь – словно в нацеленные дула двустволки, почувствуешь страх и поспешишь отвернуться. В чём разница, где причина столь различной реакции? В поисках ответа заставлял себя внимательно рассматривать неприятно поразившие глаза. Ничего особенного не находил. Нормальные зрачки, радужка, ни размером, ни цветом не выделяются. Если и есть особенности, то взаимоисключающие. Бывает, у некоторых из них расширены зрачки. Но это всего лишь оптический эффект, свойственный всем. Много света – зрачок сужается, мало – расширяется. Мужчин даже привлекают женские глаза с расширенными зрачками. В былые времена девушки, собираясь на танцплощадку, закапывали в глаза атропин. Не лучший, конечно, способ понравиться. Препарат повышает внутрглазное давление, оказывает другие отрицательные воздействия на глаза. Но, как говорится, красота требует жертв. Нет, простому объяснению феноменальные способности глаз не поддаются, а фантазировать или прибегать к мистике не стоит.

Вспомним, сколько мы знаем взглядов – любящих, нежных, строгих, холодных, пытливых, внимательных, равнодушных, злобных. Перечислять можно долго, но ни один не удастся охарактеризовать с позиций оптики, физиологии, анатомии. Даже если лицо закрыто, мимики не видно, глаза всё равно остаются выразительными. Мы не терпим пристальных взглядов, считаем их признаком невоспитанности. Некоторые способны

чувствовать такие взгляды спиной, что уже выходит за грань объяснимого.

Не переносят пристального человеческого взгляда животные. Слабые отворачиваются, убегают, сильные принимают как вызов, могут пустить в ход клыки, когти, могучие лапы. Опытные таёжники советуют при встрече с медведем на узенькой дорожке смотреть в сторону, делать вид, будто зверь тебе совершенно не интересен. Не встречался, потому не могу ни подтвердить, ни опровергнуть. Зато совершенно точно знаю, что собаки принимают объектив фотоаппарата за огромный глаз неведомого существа, пугаются и ни в какую не хотят позировать.

В животном мире размер глаз играет важную роль. Кто имеет малюсенькие, практически незаметные и не способные кого-либо напугать, тот обзаводится ложными. У многих гусениц большие, выразительные псевдоглаза на передней или задней части тела, у бабочек – на крыльях. Птицы, видя пристальный, немигающий взгляд, робеют и не решаются хватать глазастых.

Люди переняли нехитрый способ устрашения. Древние финикийцы рисовали на бортах своих кораблей огромные глаза, чтобы отпугивать морских чудовищ. Невероятно, но способ практикуется поныне. В коротком телевизионном ролике о российских вертолётчиках, дислоцирующих в Судане, видел на лобовой части винтокрылых машин глазищи с суповую тарелку. Оказывается, отпугивать птиц.

У многих народов глаза считаются зеркалом души, служат атрибутом религиозного культа. В буддийской мистерии божества изображают трёхглазыми, что, якобы, позволяет им видеть недоступное смертным. В тибетских преданиях рассказывается, как избранным из посвящённых в монашеский сан открывают третий глаз. В лобной кости им высверливают отверстие, вставляют в него пробку и держат до заживления раны. Когда её вынимают, человек видит третьим глазом суть явлений и вещей.

Впечатляющее достоинство, но приобретать его ценою дырки во лбу не хочется. Нам и наши, дарованные

природой глаза открывают бесконечные возможности. Людям ещё предстоит научиться использовать их в полной мере.

РЕДКИЙ ДАР

В наш век технического прогресса и сплошной специализации ценится узкий профессионализм. Чем глубже знает человек своё дело, тем выше его авторитет в наших глазах. Будь то механика, электроника или строительное дело. Даже в медицине специализация, и каждый врач лечит только свой орган. Кардиолог – сердце, окулист – глаза, и ни тот, ни другой не в состоянии избавить даже от заурядного насморка. Потому как дети удивляемся, когда встречаем в человеке дар, не подпадающий под определение специальности и как бы подаренный ему природой в виде исключения.

Помню, как поразился, когда пятилетняя девочка совершенно самостоятельно научилась читать. Она обожала незатейливую детскую книжку про белочку-умелочку. «Под зелёною сосной вырос домик расписной, и жила в нём белочка, белочка-умелочка». Могла слушать её по десять раз на дню. Однажды заметил, как она водит пальчиком по строчкам и без ошибок произносит текст. Похвалил её, сказал, какая она умница, что запомнила стихи. «Нет, – возразила она, – просто теперь я умею читать». Не поверил – ведь её никто не учил, даже буквы не показывал. Устроил ей испытание. Взял с книжной полки томик Л. Толстого. Оказалась «Анна Каренина». Раскрыл наугад страницу и попросил прочитать. Каково же было моё удивление, когда она довольно связно стала читать сцену встречи Карениной с сыном.

Был поражён, смотрел на крохотулю с косичками как на чудо. Неужели без помощи взрослых постигла письменность? Удивление было особенно сильным, потому что самому грамота далась с великим трудом. Уж сколько билась учительница первая моя, вдалбливая в непутёвую головушку смысл классической фразы из букваря «Ма-ма мы-ла ра-му». Два раза читать один и тот же слог

я считал лишним, и потому у меня она складывалась в полную абракадабру – «ма мы ла ра му». Когда, наконец-то, дошло, я в подтверждение своей редкой сообразительности заключил: «Наверное, к Пасхе».

Способность девочки можно объяснить её феноменальной памятью. Буквы, произносимые при многократном чтении одного и того же текста, она соотносила с их графическим изображением, заметила соответствие, запомнила и стала читать. Сложно, далеко не всякому взрослому доступно, да и не все наделены хорошей памятью.

За жизнь не раз приходилось встречаться с редкими дарованиями. Далеко не все они поддавались объяснению. Самым впечатляющим полагаю феномен Вольфа Мессинга. Однажды он приехал в город, где я тогда жил, и выступал в просторном зале заводского Дворца культуры. Зрители были все свои, друг друга знали и «подсадного» сразу бы заметили. По чистой случайности партнёром из зала у него оказалась моя знакомая, которую прекрасно знал и доверял абсолютно.

Всё проходило открыто, просто, без шумовых и световых эффектов, даже буднично. Желающих участвовать пригласили на сцену, раздали карандаши, бумагу и предложили коротко, чётко написать, какие действия должен выполнить В. Мессинг. Он брал человека за руку, приказывал сосредоточиться, думать только о написанном, ни на что не отвлекаться. Сам впадал в состояние предельной возбудимости, делался как оголённый нерв. Партнёру непрерывно повторял: «Думайте! Думайте! Не отвлекайтесь!» Руку не отпускал ни на секунду. В какой-то момент наступал полный контакт, он начинал читать чужие мысли и выполнять заказанные действия.

Ничего сложного не задавали. Например, моя знакомая написала: «Подойти к женщине в седьмом ряду, на восьмом месте, снять с пальца одной руки кольцо и надеть на палец другой». Выполнено всё было в точности. Заминка вышла, когда В. Мессинг никак не мог одной рукой снять кольцо. Тогда он взял палец в рот, защемил

кольцо зубами и сдёрнул. Руку партнёрши так и не выпустил.

Апогеем становился момент, когда со сцены зачитывали записку и подтверждали безошибочность выполненных действий. Интересной была реакция зала. Сначала долго висела мёртвая тишина, потом листовой на ветру шелестели аплодисменты. Повергнутые в изумление, люди не могли поверить в увиденное своими глазами и не знали, как реагировать. Будь перед ними фокусник, они бы отдали должное его мастерству и устроили овацию. В конце концов, любой фокус можно объяснить. Сейчас же им демонстрировали с позиций материализма необъяснимое.

Гастроли В. Мессинга по стране были недолгими, а вскоре он и вовсе исчез. Нигде не выступал, о нём не говорили, не писали. Якобы его привлекли к сотрудничеству спецслужбы, а там хранить молчание умеют. В. Мессинг ушёл из жизни и унёс тайну редкого дара с собой.

Вскоре общественному вниманию был предложен феномен Нинель Кулагиной и Розы Кулешовой. Об обеих много говорили и писали. У женщин уже в зрелом возрасте обнаружился дар проникающего видения. Сквозь плотную бумагу они могли видеть пальцами, ладонями и даже мягкими частями тела рисунки, различать текст. Для изучения их феномена создавали исследовательские лаборатории, проводили многочисленные эксперименты. Ответа о природе проникающего видения наука не дала.

Также необъяснимым остался дар болгарской прорицательницы Ванги. Слепая с детства, она могла узнавать прошлое человека и предсказывать будущее. Очевидцы приводят в пример случай с известным писателем, которому она предсказала потерю архива в огне. Он решил подстраховаться, перевёз архив из квартиры на дачу, а там и случился пожар. Архив действительно был потерян. Уму непостижимо, как можно предвидеть подобное стечние обстоятельств, но факт остаётся фактом.

Во многом таинственными и малообъяснимыми остаются способности диагностировать и лечить различные заболевания ладонями, даже не касаясь самого пациента. Пожалуй, самой яркой из таких целителей была и остаётся Джуна Давиташвили. Жгучая брюнетка с огненными глазами, она, по всей видимости, обладала незаурядными гипнотическими способностями, и её успех в диагностировании и лечении в серёзной степени объясняется внушением. Хотя сама она демонстрировала воздействие на пациента исключительно биополем. Это уже категория материальная и потому поддаётся объяснению.

Существование биологического поля сомнений не вызывает. Медики давно научились его фиксировать и по полученным данным ставить диагнозы. Коли организм генерирует электрические токи, то вокруг него образуется электромагнитное поле. У одних сильнее, у других слабее. У Джуны оно было настолько сильным, что, даже не касаясь пациента, лишь движением рук вызывала ощущение тепла. Она охотно сотрудничала с медиками, биологами, физиками, избегала флёра мистики, тайны, никак не маскировала свой редкий дар. Стремилась объяснить способности с научной точки зрения, ввести лечение биополем в широкую врачебную практику.

Очень быстро научный термин «биополе» распространился, стал звучать на бытовом уровне. Когда супруги Кирлиан открыли способ его фотографирования и увидели вокруг тела многоцветное свечение, то родился новый термин – аура. Вскоре объявились люди, якобы способные видеть ауру невооружённым глазом, воздействовать на неё и тем самым избавлять от недугов. Раньше их называли шарлатанами, теперь – экстрасенсами. Они активизируют, подправляют, ремонтируют ауру, снимают порчу, сглаз, гадают, привораживают. При этом многозначительно апеллируют к биополю, что у многих вызывает доверие.

У нас разговор идёт о людях, действительно обладающих редким даром. Как представляется, их можно раз-

делить на две группы. К первой относятся получившие дар от природы, ко второй – развившие в себе способности трудом, упорством. Например, все воспринимают лекарские способности буддийских монахов как чудо. И в самом деле. Они умеют ставить диагноз по пульсу, радужке глаз и даже запаху человека. Но ведь монахи получают право лечить после двенадцати лет напряжённой учёбы и целого цикла суровых экзаменов. Высокий профессионализм по заслугам отмечен почётом, уважением пациентов и громкой славой.

Есть другие, не столь эффектные, но также впечатляющие дарования. Например, умение находить с двумя медными проволочками, загнутыми буквой Г, пролегающими под землёй электрические и телефонные кабели, воду, обнаруживать пустоты, тоже требует труда и настойчивости. В старину это умение называли лозоходством, поскольку пользовались для поисков ветками лозы. Владеющие лозоходством считают, что его может освоить любой. В пример приводят себя. Знакомый техник с телефонной станции говорит, что научился в силу необходимости искать кабели.

Чтобы убедиться в его умении, пригласил к себе на усадьбу поискать закопанные и хорошо замаскированные две железяки от комбайна. Он их нашёл за три минуты. Сомнений не оставалось, но вопросы: «Как? Отчего? Почему? Чем объяснить?» вились роем. Ни на один не удалось получить ответа.

Сам пытался освоить лозоходство. Ходил с медными проволочками вдоль и поперёк водопроводной трубы, но никаких отчётливо выраженных сигналов не получил. После получасовых упражнений энтузиазм иссяк, проволоки отложил до другого раза.

Ещё сложнее освоить хождение по горящим углям. Духу не хватает наступить на горячий уголёк, а от перспективы пройти босиком по пылающей дорожке вообще душа в пятки уходит. Но ведь в Болгарии целыми селениями ходят по углам. Не бывает так, чтобы природа в массовом порядке наделяла население в какой-то местности редким даром. Люди настраивают себя, мо-

билизуют, преодолевают страх и ходят. Наверное, не просто, но можно.

Решимости хватает однажды взять в руки уголёк и, перебрасывая с ладони на ладонь, подержать. С удивлением замечаешь, что ничего с тобой не случилось. Если почаше тренироваться, брать уголёк, то скоро его можно будет оставлять на несколько секунд, вполне достаточных, чтобы сделать снимок. Не велико достижение, но приятно поразить окружающих.

В жизни далеко не всё удаётся поделить по цветам и категориям – существует масса полутонов и промежуточных положений. Так и с редким даром. Есть которые не только не поддаются классификации, объяснению, но своей феноменальностью вообще ставят в тупик.

В Чимкентской области чабаны рассказывали про человека, избавляющего скот от клещей – жолоков. Форменный бич скотоводства. Эти кровопийцы ещё и ядовиты. Особенно активны и многочисленны весной, когда скот после зимовки ослаблен. В местах, где водятся жолоки, поголовно гибнут овцы, лошади, коровы, верблюды. Ветеринары не знают, как бороться с клещами. На помощь зовут лекаря. Живёт он в соседней Киргизии, называют его жолокчу.

Никаких секретов у жолокчу нет. Набирает в рот воды, прыскает на животное, клещи опадают и уходят в землю. Прыскает день, два, сколько надо, пока не освободит от паразитов все отары, гурты, табуны, а чудодейственная сила его не иссякает.

Никто не знает, как и чем воздействует жолокчу на клещей, но известно, как им становятся. Набирают семь клещей, сажают в просверленную баранью кость, дырку затыкают ватой и ждут, когда они съедят друг друга. Остаётся один, самый большой, сильный, да ещё вобравший в себя яд шестерых. Его высушивают, толкнут в порошок и хранят. Когда рождается мальчик, старейшина рода велит развести порошок в воде и наназывать младенцу губы. Если ребёнок от яда умрёт, то старейшина выберет другого. Если выживет, то станет жолокчу. Причём с ранних лет и на всю жизнь.

В наши дни согласных рискнуть жизнью ребёнка, чтобы сделать его жолокчу, нет. Ко времени, когда услышал рассказ о редком даре, в Киргизии оставался единственный жолокчу, да и тот уже был в преклонном возрасте. После него феномен перейдёт в народный эпос, станет легендой о редких и оставшихся необъяснимыми возможностях человека.

ЧЕЛОВЕК НА ВЕЛОСИПЕДЕ

За ночь подморозило, лужа на тротуаре покрылась блестящим ледком. Если вам от роду всего пять лет, а вы на трёхколёсном велосипеде, то миновать её никак не возможно. Холодные брызги, звонкие льдинки, мокрые линии от колёс на сухом тротуаре приводят в неописуемый восторг. После седьмого заезда от ледяного зеркала остаётся мелкое крошево, а половина воды из лужи вынесена на штанах и на ботинках лихого велосипедиста.

Через пару-тройку лет он попросит родителей купить настоящий, двухколёсный велик. Просьба его вряд ли будет выполнена. И не по причине скудости семейного бюджета, а из-за опасений за жизнь и здоровье любимого чада. Ездить на велосипеде в нашем городе негде, а на равных с автомобилями по дорогам и шоссе просто опасно.

Иногда можно увидеть велосипедистов в ревущем потоке автомобилей, но воспринимаются они в своей обнажённой беззащитности хрупкими бабочками у товарного состава – в любой момент их могут смять, раздавить, размазать. Водители в стальных оболочках автомобилей прекрасно понимают повышенный риск от соседства с велосипедистами, за что, мягко говоря, их не любят, весьма неохотно делятся с ними дорогой. На тротуарах велосипедисты тоже не желаны – тут и без них тесно, или они кого сшибут, или их толкнут. Самому чистому виду транспорта, способному стать самым массовым, втиснуться некуда.

Бывают исключения, когда по тротуару так стремительно промчится парнишка на велосипеде, ловко лавируя среди пешеходов, что едва успеваешь его заметить. Случаются встречи иного толка. Уже несколько раз видел пожилого человека, важно восседающего на велосипеде без педалей, шатунов, звёздочки и цепи. Едет, отталкиваясь ногами, как бы делает большие шаги. Он преисполнен важности, к общению не склонен, лишь однажды на ходу обронил: «Моё изобретение».

Вполне возможно, человек сам додумался поснимать «лишние» детали, но патент на изобретение он всё-таки не получит. Ещё в 1817 г. немец Карл фон Дрез создал аналогичное устройство. Ездили на нём, также отталкиваясь ногами. По фамилии изобретателя машину называли дрезиной. Впоследствии самое лёгкое транспортное средство на железной дороге с ручным приводом тоже именовали дрезиной. Говорят, в некоторых странах у неё была цепная передача и педали, как у велосипеда. Так что нынешняя моторизированная дрезина хоть в дальнем, но в родстве с велосипедом.

В современном облике велосипед предстал в 1869 г. в Англии. Ему поставили звёздочку, шатуны, педали, цепь, каретку, и он покатил по странам и континентам, вполне удовлетворяясь узенькими дорожками, а то и вообще бездорожьем. Тем не менее, годом рождения велосипеда надо считать 1801 г., когда крепостной крестьянин с Урала Е.М. Артамонов смастерили двухколёсный велосипед с жестким приводом на большое переднее колесо, как у нынешнего детского. Целиком сделанный из железа, он весил 40 кг, имел высоту до руля 1,5 м, назывался самокатом. Изобретателя вместе с диковиной отправили в Москву на коронацию Александра I. Царь самокат заметил, оценил, талантливому подданныму пожаловал вольную и за усердие наградил 50 рублями.

Таким образом, велосипеду 210 лет. Срок достаточный, чтобы любому техническому изобретению состариться, выйти из употребления, стать музеиным экспонатом или памятником, как трудяга-паровоз. Велосипед

развивается прямо в противоположном направлении. В национальном разнообразии стал космополитом, а в мире – массовым транспортным средством. Его редко встретишь, пожалуй, лишь за северным и южным полярным кругом.

Велосипед непрерывно модернизируют, улучшают, изменяют. Помимо двух-, трёхколёсных есть четырёхколёсные, закрытые, вроде автомобиля, и одноколёсные для выступлений в цирке. К велосипедам цепляют грузовые тележки и коляски для пассажира. Существуют шоссейные, трековые, горные, дорожные и даже гибридные, сочетающие достоинства дорожного и горного. Модификаций великое множество, но назначение практически одно – перемещать человека из точки А в точку Б с максимальным удовольствием и пользой для здоровья. Езда на велосипеде, как никакой другой вид спорта, укрепляет мышечную систему, развивает выносливость, быстроту реакции, учит умению ориентироваться в сложных ситуациях и принимать правильные решения.

Со своими задачами любой велосипед справляется великолепно. Даже в пожилом возрасте, едва оседлаешь его, как чувствуешь себя помолодевшим, душу охватывает детский восторг, и озорства ради предлагаешь соседке-ровеснице: «Давай, Маша, на раме прокачу».

Не хочу сказать – велосипед завоёвывает мир, нет – мир покоряется велосипеду. Люди хотят быть сильными, здоровыми, поддерживать себя в хорошей спортивной форме, соблюдать тишину и содержать в чистоте атмосферу. Наконец, существенно экономить на транспортных расходах. Нехилые намерения. В странах Западной Европы, особенно в Дании, Голландии люди поголовно крутят педали. Там даже министры не стесняются ездить на службу на велосипеде. И не обязательно на собственном. В Париже действуют 1250 прокатных пунктов. Заплатить можно за день, за неделю, за месяц и ездить хоть круглые сутки. Оставить велосипед разрешается в любом прокатном пункте, автоматика зарегистрирует возврат.

При всей перенасыщенности западных городов автомобилями власти выделяют велосипедные дорожки на тротуарах, на проезжей части, размечают яркими полосами, знаками, и никто не имеет права их занимать. В итоге каждый день в Париже регистрируют 6 миллионов поездок на велосипеде. Можно представить, какие приличные доходы поступают в муниципальную казну, и как ослабляется ядовитый газовый пресс на атмосферу города.

Конечно, одномоментно сделать велосипед массовым транспортным средством невозможно. В Дании для формирования всего комплекса велосипедной культуры понадобилось больше 30 лет. Хотя начинали не на пустом месте, население уже имело предрасположенность к велосипеду, но занимались всерьёз, как национальной программой. Меняли планировки улиц, дорог, выносили за городскую черту промышленные предприятия, учили людей правилам дорожного движения, заботились о средствах индивидуальной безопасности: налаживали выпуск дешёвых и прочных шлемов, перчаток, наколенников, налокотников и даже надувных воротников для защиты шейных позвонков.

Надвигающийся на мегаполисы из-за переизбытка автомобилей транспортный коллапс сегодня не заметит только слепоглухонемой. Специалисты отпускают на разработку и реализацию мер для его предотвращения всего пять лет. Молодой мэр Сеула О Се Хун справился с этой задачей раньше – за четыре года он превратил столицу Южной Кореи с её бесконечными пробками, смогом и бюрократией в экологически чистый город. (Что характерно – смог у них ставят на одну ступень с бюрократией.) Свою политику О Се Хун формулирует очень доходчиво: «Я пытаюсь сделать так, чтобы дизайн города прежде всего «думал» о людях, передвигающихся пешком или на велосипеде».

В 2010 году в Интернете прошли выборы 10 мэров из разных стран, кардинально изменивших свой город. Что характерно, обязательным условием считалось развитие общественного и велосипедного транспорта.

ОГОНЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Сейчас только дремучие невежды не знают о начинаящемся на нашей планете потеплении климата и связанных с ним последствиях, вроде подъёма уровня Мирового океана, ухудшения условий для сельского хозяйства, губительном сбое биоритмов для всего животного и растительного мира. Многие, полагающие себя грамотными, знают о потеплении, но не ведают о причинно-следственных связях изменений климата с парниковым эффектом, вызванным нарастающим выбросом в атмосферу углекислого газа. И практически все мы, живущие на планете Земля, не знаем и не хотим знать об углекислом газе, выброшенном в атмосферу лично каждым из нас. Мы живём уверенные в своей непричастности к катализмам планетарного масштаба, поскольку свои выбросы считаем ничтожно малыми. О действительном объёме понятия не имеем.

Понятие заиметь можно, было бы желание. Предваряя справедливый вопрос: «А ты сам это понятие имеешь?», с себя и начну. Свой деревенский дом, по старинке, отапливаю дровами. Поскольку машины не имею, хожу в основном пешком, а езжу на велосипеде и на общественном транспорте, то печь в моей жизнедеятельности – основной источник углекислого газа. Топлю утром и вечером. Предварительно взвесил обе охапки. (Мои добрые соседи, увидев, как я на бытовых весах взвешиваю поленья, стали относиться ко мне с сердобольным участием.) Суммарно получилось 6,4 кг. Два раза истопил печь. Выгреб и взвесил нагоревшую золу. Её оказалось ничтожно мало – всего 0,3 кг. Значит, вместе с дымом в трубу вылетело 6,1 кг. Даже

не подозревал, что так много. Если дерево ровно на половину состоит из углерода, то за сутки из печи его вылетело 3,5 кг.

Теперь немного химии по школьному курсу за седьмой класс. В атмосфере один атом моего углерода соединился с двумя атомами кислорода и образовался углекислый газ. Довольно сложный молевый расчёт для определения его веса опускаю и сразу сообщаю конечный результат – примерно 4 кг. Получается, что всего лишь за месяц отопительного сезона я выбрасываю в атмосферу 120 кг углекислого газа. Это прямые выбросы, помимо них есть косвенные, когда включаю свет, компьютер, телевизор, электрорубанок или газонокосилку с электроприводом. Все они расходуют электричество, полученное в результате сжигания топлива. Кроме того, я покупаю продукты питания, лекарства, одежду, обувь, посуду, садовый инвентарь. Много чего необходимо человеку, и производство всего сопряжено с выбросом углекислого газа. Любому мало-мальски мыслящему человеку очевидна закономерность: чем выше уровень потребительства, тем больше выбросов, сильнее парниковый эффект, активнее процесс потепления климата.

Экологи подсчитали, каким количеством углекислого газа чревато потребительство современного человека. Для среднестатистического европейца это 879 кг в месяц, для американца ещё больше – 1386 кг. В целом население планеты выбрасывает за месяц 666 миллионов тонн. Из них половина остаётся в атмосфере, неуклонно приближая нас к порогу необратимости, переступив который, человечество будет уже не в состояниинейтрализовать разрушительное действие парникового эффекта на климат и в целом на планету. По прогнозам учёных до рокового рубежа осталось 30 лет.

Возможность спасти планету ещё есть. Предлагается, например, углекислый газ улавливать, сжигать и закачивать в глубокие подземные горизонты или на дно океана. Пусть там и остаётся, пока наши умные потомки не придумают, как с ним обойтись. Фактически

всё остаётся как есть – потребительство не ущемляется, заводы, теплоцентрали дымят с прежней интенсивностью, только возле них создаются предприятия, по мощности и стоимости почти не уступающие им.

Есть и другие варианты. Можно переводить автомобильный транспорт на водород, запасы которого на земном шаре практически неисчерпаемы. Только бы найти дешёвый и эффективный способ разложения воды на кислород и водород. Вполне реально предложение активнее осваивать солнечную энергию. Всего за час наше светило даёт земле столько энергии, сколько человечество производит за год. Продолжают список возобновляемых источников энергии ветровые, приливные, волновые электростанции. Даже автомобильные дороги могут вырабатывать электричество, если под асфальт укладывать пьезокристаллы, под давлением генерирующие ток. Немного, но достаточно для работы светофоров и освещения самих дорог.

Интересных, перспективных предложений достаточно много, но все они требуют серьёзных технических проработок и внушительных капитальных вложений. Единственное, способное быть освоенным сегодня и прямо сейчас – это экономия энергии. Никаких трудов не стоит, выходя из комнаты, выключить свет, компьютер, телевизор. Если держать в исправности краны и не лить попусту воду, то хозяйственность обернётся экономией энергии. Есть и другие, до того простые способы экономии, что они даже не приходят нам в голову. Например, безо всякого ущерба для здоровья и удобств можно отказаться от продуктов, доставляемых нам из-за океана. Ведь какую бездну топлива сожгут океанские корабли, теплоходы, автомобильные рефрижераторы и сколько тысяч тонн углекислого газа выбросят в атмосферу, пока довезут те же бананы из Гондураса до Воронежа.

Отказ от импортных продуктов оправдан даже с медицинской точки зрения. Диетологи давно доказали, что для организма действительно полезны местные овощи и фрукты, то есть выращенные там, где вы роди-

лись, выросли и живёте. Только мы никак не поверим. Без ложной скромности скажу: сам два года не покупаю бананы, прекрасно обхожусь морковкой со своего огорода. Правда, и раньше по ним не страдал, потому отказ никаких усилий не потребовал.

Помочь экономии может современная автоматика. Если в подъездах, местах общего пользования поставить датчики, реагирующие на движение, то они будут включать свет, когда вы входите, а через несколько минут выключать. Сейчас в подъездах городских домов свет горит всю ночь.

Конечно, автоматика стоит денег, да и в целом серьёзная экономия не бесплатна. Скажем, энергосберегающая люминесцентная лампа стоит недёшево. Зато она потребляет электрической энергии в 5 раз меньше, а служит в 8 раз дольше эквивалентной ей по мощности лампы накаливания. Совсем не случайно планируется в ближайшей перспективе всей России перейти на энергосберегающие лампы. Идея вполне реальна. Заводы будут сокращать выпуск ламп накаливания и наращивать производство люминесцентных, пока полностью не перейдут на новую продукцию. Нам ничего не останется, как покупать новые лампы.

Убедительный пример государственного подхода к энергосбережению демонстрирует Куба. Страна первой в мире стала полностью освещаться люминесцентными лампами. Понятно, понадобились средства. Однако всё равно выгодно, ибо экономия электроэнергии обходится в 8 раз дешевле её производства.

Вот уже много лет политики никак не могут договориться, какой стране и на сколько надо сократить выброс парниковых газов. Так, может быть, нам, простым людям, начать с себя и прямо сегодня выключить лишние лампы, пока земля не сгорела в огне цивилизации?..

ДЕЛИКАТНОСТЬ БУЛЬДОЗЕРА

В моих рабочих блокнотах есть записи с пометкой на полях «пр. пр.», что значит – против природы. Первая появилась лет тридцать тому назад, когда был на одном из рыборазводных заводов близ Байкала. Большое и сложное там упрощено до примитивизма.

В холодных помещениях с зашторенными окнами стоят длинные стеллажи с высокими стеклянными банками. В них в непрерывном потоке воды из икры выводятся личинки омуля. Первые месяцы беспомощного, а потому наиболее уязвимого состояния их выдерживают в больших ёмкостях, дают возможность подрасти и уже тогда выпускают в реки.

Надеялись с помощью рыборазводных заводов поднять численность омуля до промыслового уровня. Увы, заводы работали десятилетия, но больше омуля не становилось. Хуже того, наблюдалась его очевидная деградация. Любимая сибиряками рыба год от года тощала и уменьшалась в размерах. Причин называли множество. Будучи на заводе, я видел одну из них, пожалуй, главную.

Большой мерной кружкой мы зачерпнули стайку личинок и вынесли на свет. Интересно было наблюдать за компанией крохотных лупоглазых существ, которым со временем суждено стать красавцами-омулями. Восторга поубавилось, когда заметил среди них одну с кривым позвоночником. После двух-трёх судорожных движений хвостиком она бессильно опускалась на дно. Оказывается, каждая пятая личинка с пороком. У этой искривлён позвоночник, у другой – хвост. Бывают без глаз. У некоторых не развиты жабры. Пока дышат поверхностью тела, живут, как только вырастают до стадии серебрянки и начинают покрываться чешуёй – гибнут.

В окно было яркое декабрьское солнце, трещал сорокаградусный мороз. На естественных нерестилищах, в реках, где с октября меж камешков покойится отложенная омулем икра, температура воды близка к

нулю. Икринки получат достаточное для развития тепло лишь к маю, и тогда выплутятся личинки. На завод воду качали из водохранилища с температурой 8 градусов. Тёплая вода вызывала ускоренное развитие личинок. Сложнейший процесс зарождения новой жизни был скомкан и в итоге оказался чреват массовым уродством. Работники завода фиксировали его внешние признаки. Надо полагать, также имеют пороки или недоразвиты внутренние органы, кровеносная система, пищеварительный тракт, да и весь организм личинок в целом, что в будущем не может не оказаться на общем состоянии омуля.

Не берусь отрицать целесообразность рыборазводных заводов, но от сомнений никуда не денешься. Эволюция тысячелетия творила живые существа, учитывала великое множество факторов и с безукоризненной точностью приспособливала к окружающим условиям. Их не только невозможно повторить в стеклянной банке, но и постигнуть чрезвычайно сложно. Человек вторгается в зарождение новой жизни с деликатностью бульдозера да ещё ограничивает себя временными рамками планов, заданий.

В нашей стране практически постоянно претворяются планы ускоренного развития и подъёма на небывалую высоту чего-нибудь. Сейчас, без ложной скромности, замахнулись ни много ни мало как на повышение рождаемости. Раньше в этих проблемах за границы животноводства всё-таки не выходили. Так, перед сельским хозяйством Казахстана была поставлена задача – в кратчайшие сроки в два раза увеличить поголовье овец, чтобы, соответственно в два раза больше сдавали государству мяса, шерсти. А что, в самом деле, степей немеряно, есть где развернуться, пусть работают.

Сверху указание спустили, на местах схватились за головы. Немного подержались и придумали вводить овцематкам сыворотку жерёбых кобыл, провоцирующую готовность к спариванию дважды за год. Сроки поджимали, и эксперимент сразу развернули в широких масштабах. Чабаны, умудрённые опытом поколе-

ний, сокрушались, но их никто не спрашивал. Скоро по раздольным казахским степям понеслась весть: в передовых хозяйствах второй раз за год начался окот. Восторгам не было предела. Назревали грандиозные торжества по случаю выполнения и прорыва в животноводстве. Однако возникло обстоятельство, которое заставило праздники отменить, от сыворотки отказаться, про эксперимент забыть, вроде бы его и не было. Дело в том, что после вторичного окота среди овцематок начался массовый падёж. Как выяснилось, от общего истощения организма. Нежизнеспособным оказалось и потомство.

Овечкам не везёт и в других странах. В Шотландии им собирались подправить гены, чтобы они, как медведи, осенью впадали в спячку и тем самым избавляли хозяев от необходимости кормить их зимой. Объектом экспериментов в Англии овцы стали опять же с целью совершить революцию в животноводстве. Только теперь с помощью клонирования. Намеревались всё овечье поголовье сделать породистым, то есть увесистым и с рекордным настригом шерсти. Клонировали несколько овечек. Первой была ставшая знаменитостью Долли. Шум подняли на весь мир. Прошло 12 лет, революция не состоялась. Только общественность взбудоражили перспективой клонирования людей вообще и диктаторов вроде Гитлера в частности.

Шумиха утихла, сенсация ничем не завершилась, как часто и бывает. Кстати, у Долли оказалось слабое здоровье – она часто болела и скоро умерла. Немудрено. Процесс клонирования чрезвычайно сложен, дорогостоящ, применение в массовом порядке не реально. Как говорится, овчинка выделки не стоит.

Вместе с тем клонирование продолжает привлекать любопытствующие умы. Ботаники работают над клонированием растений и уже выращивают первые клоны. При этом обнаруживают побочные эффекты. Так, клонированные деревья растут на 30 процентов быстрее обычных, а лиственные по три сезона не сбрасывают листву. Уже сбой. Не исключена возможность, что при-

существуют и другие, ещё не обнаруженные, на молекулярном или генном уровне.

Есть повод задуматься, – а как примет человеческий организм, например, яблоки с клонированной яблони? Наверное, нас будут успокаивать, убеждать в безвредности, как сейчас убеждают в безвредности генно-модифицированных продуктов. Может быть, и так. Только опять же одолевают сомнения. Если такая прожорливая тварь, как колорадский жук, не ест генно-модифицированный картофель, то лично мне трудно поверить в его безвредность.

Человечество тратит уйму времени, сил, средств в стремлении перещеголять природу, создать нечто своё, заковыристое, тем самым посоревноваться с ней, матерью и прародительницей всего сущего на земле. Поздно соревноваться. Природа нам давно не соперник. Она забита, задавлена, отравлена и тяжело больна. У неё самой теперь столько побочных эффектов, что из дома надо выходить в скафандре и с запасом кислорода. Мы подошли к критической точке, в которой все беды, причинённые человеком природе, из количества переходят в качественное состояние окружающей среды. Природа начинает крошить созданное ей самой. На территории даже одной области уже зарегистрированы случаи полного расстройства биологического ритма в результате потепления климата. В наших местах у мышей-полёвок, пойманных в декабре, зоологи обнаруживают эмбрионы. Это значит, что самки принесут заведомо обречённое потомство. Оставшаяся зимовать под Воронежем дикая гусыня в канун Нового года вывела гусят. Привожу лишь достоверно известные случаи. Обобщений не делаю, но думаю, что они далеко не единичны.

Нет, поздно соревноваться с природой, и уже очевидно, что милостей от неё мы не дождёмся. Слишком много наворочено бульдозером – и всё против природы.

МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА

Про охоту на медведей рассказывают множество былей и небылиц. В основном как безотказное ружьё дало осечку, наш охотник не растерялся, огрел медведя по башке прикладом, отчего тот без промедления испустил дух. Или схватился с косолапым врукопашную и выручил надёжный друг – охотничий нож.

Сам на тех охотах не был, медведя на воле видел всего один раз и то с безопасного расстояния, потому сомневаться в достоверности баек не имею морального права. А вот подробности медвежьей охоты на Алтае знаю из очень достоверного источника и готов ими поделиться.

Мой добрый и давний знакомый, в своё время известный алтайский мараловод Фатей Петрович Попов на медведей не охотился – он их добывал. И то лишь в том исключительном случае, если зверь переходил границу дозволенного и посягал на собственность человека. Поскольку медведей вокруг заповедного маральего парка водилось достаточно, то и добыл их Фатей Петрович прилично. Счёта не вёл. Дескать, чего их считать, если бёёшь, словно телков или кабанчиков на своём подворье. Рассказал, как это делается.

Осенью, прежде чем залечь в берлогу на долгую зимнюю спячку, медведь усиленно накапливает жир. Ест много и всё подряд. Попадётся кладовая бурундук с кедровыми орешками – не побрезгует, дочиста всё выгрембет, а то и самого хозяина прихлопнет. Только огромному зверю это на один зуб. Ему надо жирного мяса пудов десять. Самая подходящая добыча – марал. Самка, самец или телёнок-сеголеток – ему без разницы. Только бы жирный был. В тайге добыть марала не просто, за ним побегать надо и никакой гарантии на успех. Другое дело в маральем парке. Тут они живут скученно, большими стадами, и медведю завалить марала ничего не стоит. Конечно, потеря даже одного марала – уже ущерб, но ещё не беда. Форменная беда, когда зверь потащит тушу в укромное место, разворотит городьбу, и маралы

как вода утекут в брешь. Найти их и вернуть в парк будет делом архисложным, почти нереальным. Это вам не стадо коров в открытой степи, а дикие животные в горной тайге.

Потому городьбу берегут как зеницу ока. Верхом её обезжают каждый день, круглый год и в любую погоду. Как только обнаруживают вторжение непрошено гостя, первым делом поправляют городьбу, потом находят тушу задранного марала и ставят возле неё мощный капкан. Медведь возвращается доедать мясо и попадается. К капкану тонким металлическим тросиком привязано бревно – потаска. Груз для могучего зверя не велик, но изматывает и тормозит изрядно. Рано или поздно потаска где-нибудь в буреломе или в камнях застrevает, и медведь оказывается на привязи. Собаки находят его в два счёта, а дальше точку ставит единственный выстрел.

– Ни интереса, ни опасности, – заключил Фатей Петрович.

Как посмотретьть. Можно вспомнить героя известной повести А.С. Пушкина Владимира Дубровского, одним выстрелом из кремнёвого пистолета убившего привязанного медведя. Пожалуй, не у всякого хватит на то мужества и хладнокровия. Даже когда в кино видишь эту сцену, и то дыхание перехватывает.

Сам Фатей Петрович – охотник страстный и с большими причудами. В доме есть хорошие охотничьи ружья, даже нарезной карабин, а он всю жизнь охотился с курлой. Так на Алтае называют старинное шомпольное ружьё. Тяжёлое, с толстостенным гранёным стволом. В него насыпают такой заряд пороха, что любая двустволка разлетелась бы на кусочки от первого выстрела.

– Я вон на том белке стрельну, – со смехом показывает Фатей Петрович на белеющую вдали снежную вершину, – в доме стёкла дребежжат. Мои знают – с добычей приду.

Он и правда с пустыми руками не приходил. Вовсе не по воле счастливой случайности, а в силу своего упорства.

Супруга его Татьяна Фоминична собиралась рожать тринадцатого, а он отправился на охоту и загадал – добуду горного барана-архара, родится сын – удачливый охотник. Вариант возвращения без барана не рассматривался. Наугад Фатей Петрович не ходил. Он точно знал, где бараны пасутся, где отдыхают, где ночуют. По первому снежку их далеко видно. Бараны тоже не слепые, охотника издалека замечают. Как ни скрдывал, а на прямой выстрел не подпускают.

Пришлось на хитрость пуститься. Спрятался за камнем, связал палки крестовиной, набросил полуушубок, напялил шапку и выставил баранам на показ. Пусть думают, что охотник отдыхает, сам ползком стал подбираться поближе. Открытое место пошло, стрелять далековато, показываться нельзя – убегут бараны. Времени гоняться за ними нет – скоро темнеть начнёт. Решил рискнуть. Положил курлу на камень, прицелился хорошенъко, грохнул. Не промахнулся, баран упал, но вскочил и бежать. Рана оказалась не смертельной, с большого расстояния стрелял. Фатей Петрович за ним. Курлу оставил, побежал налегке. Он бежит, и баран бежит, он остановится дух перевести, и баран отдыхает.

Благоразумие подсказывало прекратить погоню, вернуться засветло домой, но охотничий азарт гнал вперёд. Скинул кожаные сапоги-обутки, войлочные чулки и в одних носках рванулся за бараном. Расстояние между ними сразу сократилось, но голыми руками всё равно не достать. Видит – целит баран с обрыва махнуть на скалу, где уже будет для охотника недосягаем. Ах, мать честная, на глазах уходит добыча. Ну не обидно ли? С досады рявкнул что есть мочи по-медвежьи. Испугался архар, прыжок второпях оказался неточным, чуток не достал до спасительной полки, заскользил копытами по скале и грохнулся на камни к ногам охотника.

Взвалил Фатей Петрович тушу на плечи и, не чувствуя тяжести, пошёл назад по своим следам. Подобрал обувь, курлу, шапку, полуушубок. Не переставал дивиться, как это его сподобило в точный момент рявкнуть

медведем. Пришёл домой потемнУ, а тут его радость ждёт – сын родился.

Довольный произведённым эффектом, Фатей Петрович рассказывает историю ещё завлекательнее, только произошедшую не с ним, а с медведем. Сразу предупреждает, что сам не видел, передаёт со слов очевидцев.

Повадился медведь в деревенском стаде телят воровать. Нет с ним никакого сладу. Телёнка умыкнёт, тот пикнуть не успеет, и пастух ничего не заметит. Да ведь хитрый какой. Ляжет на опушке и начнёт с боку на бок кататься. Телята любопытные, подходят рассмотреть диковинку поближе. Он самого любопытного одной лапой за храп, другой по шее, позвонки переломает, взвалит на загривок и был таков. Раз от разу выбирая телят крупнее. Обнаглел и махнул на бычка-полуторника. Угодил ему как раз верхом на холку. Бык дуром заревел, хвост трубой и галопом припустил к деревне. Медведь на нём. Одной лапой вцепился в шею, держится, другой подгребает, норовит ухватиться за ствол потолще, чтобы свалить быка. Там как раз мелколесье, берёзки гнутся, сосенки ломаются, ничего подходящего не подворачивается. Вот уж кладбище началось, кресты лесом стоят. Медведь махнул лапищей, угодил по одному старому, гнилому. Крест хрустнул и остался у медведя в лапе.

Тут и деревня. Скачет медведь по улице, к груди крест прижимает, рявкает, бык под ним ревёт, собаки заливаются на все голоса. Люди выбегают, у кого от страха волосы шапки поднимают, кто посмелее – за ружья хватаются. Один шустрый успел ружьё жаканом зарядить. Долго целиться некогда, хлоп – угодил точно... быку под ухо. Бык кувырк и копыта кверху. Медведь целёхонький кубарем с быка скатился, крест кинул и пулей в тайгу. Только его и видели.

– Вот так, – заключает Фатей Петрович, – хочешь – верь, не хочешь – не верь.

Много воды утекло после нашей последней встречи, а я по сей день не определился – верю или не верю. Но всегда вспоминаю этого удивительного человека с неизменным восхищением и уважением.

ПЕРЕПЁЛКИ НА ФЕРМЕ

Одомашнивание животных на нашей планете продолжается уже шесть тысяч лет. Временной отрезок невероятной протяжённости вместил в себя колоссальные успехи и неудачи, терпение и поспешность, доброту и эгоизм. Развитие человеческой цивилизации в серьёзной степени определялось приручением лошадей, буйволов, верблюдов как главной составляющей транспортных средств. К нынешним вершинам технического прогресса человека вытянули четвероногие.

Сегодня мы не мыслим жизнь без мясо-молочной продукции, изделий из шерсти, кожи, разного рода деликатесов, которые забираем у животных зачастую вместе с их жизнью. Не будем ханжествовать и стенать по печальной части четвероногих. До тех пор, пока человек не найдёт и не создаст равноценные заменители белковым продуктам, мясо-молочная промышленность останется востребована. Но вот поразмышлять о некоторых аспектах современного одомашнивания, приручения и разведения животных имеет смысл.

Классический пример являются собой пушные звери. Их нещадно истребляют на воле, если разводят, то опять же для истребления. Созданы многочисленные фермы, где содержат нутрий, ондатр, норок, песцов, черно-бурых лис. Цель одна – снять шкуру в самый благоприятный биологический срок, когда мех наиболее отвечает коммерческим требованиям по своей пышности, блеску, густоте. Пытались разводить соболей, но безуспешно – в неволе они не размножались. Сравнительно недавно список пополнили бобры. В Воронежском заповеднике ещё в тридцатые годы организовали ферму для разведения бобров. Одновременно вели селекцию,

отбирали для размножения спокойных, уживчивых животных с чёрным, наиболее ценимым на пушных аукционах мехом. Не берусь оценивать эксперимент ни с научной, ни с экономической точек зрения, но субъективное суждение стороннего наблюдателя позволю себе высказать.

Прямоугольные бетонные ёмкости, куда поселили бобров, производят удручающее впечатление – казематы какие-то. Ничего общего с традиционными хатками из сучьев, скреплённых илом. Обеспечить несколько десятков бобров натуральным кормом в виде коры осины, ивы, ольхи было очень сложно, и их перевели на новый рацион, на 70 % состоящий из кормовой свёклы. Её выращивали в соседних хозяйствах, при этом на поля щедро сыпали минеральные удобрения. Содержание нитратов в свёкле никого не интересовало. Когда содержание отравы в организме бобров достигло критического уровня, случился падёж. За одну зиму и весну погибли 56 животных, у выживших в тот год не было потомства.

В повести А. Экзюпера «Маленький принц» есть замечательные слова: «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил». Как правило, ответа, в смысле ответственности за прирученных никто не несёт, даже когда приручение завершается драмой. Правда, бывают случаи, когда за безответственность всё-таки расплачиваются.

Вспомним семью Берберовых из Баку. Некогда слава о них гремела на всю страну. В обыкновенной городской квартире они жили с пумой, львом, собаками, кошками и двумя детьми. Газеты пестрели восторженными публикациями об уникальном опыте Берберовых. Его достоверность подтверждали заполонившие книжные магазины наборы цветных открыток. Издавались они колоссальными тиражами. Хранящийся в моём досье издан тиражом 400 000 экземпляров. На фотографии без содрогания смотреть нельзя. На всех возле огромного, взрослого льва мальчик и девочка пяти-шести лет. Вот они под боком у него листают книжку, вот заглядывают в клыкастую пасть, вот втроём на карусели.

На заднем плане улыбающиеся родители. Берберовы купались в лучах славы. Ну как же, повергли в прах зоологию, этологию, сам здравый смысл, сказали новое слово в приручении хищников.

Последнее слово сказал лев, когда в нём проснулся зверь. Мальчик погиб, мать осталась изувеченной, льва застрелили милиционеры, спасая Берберовых.

Привожу тот трагический случай не ради психологического эффекта, но в назидание нынешним любителям держать в доме хищников. Новые русские готовы платить любые деньги за медведя, льва, тигра, крокодила, удава. Побудительный мотив один – похвастаться, ни у кого нет, а у меня есть. Со временем сознают, какой опасности подвергаются, и от животных избавляются. Если не удаётся пристроить в зоопарк, забаву кончают выстрелом в голову.

Процесс одомашнивания, приручения и разведения диких животных идёт по всему миру, зачастую объявляется нам сюрпризом. Так было с популярными теперь индейками, чьи дикие предки ещё и сегодня разгуливают по лесам Северной Америки, цесарками, завезёнными из Африки. А многочисленные породы домашних перепёлок вообще объявились в одночасье. В старину их держали в клетках любители певчих птиц, сегодня тысячами разводят на фермах.

Был на такой под Воронежем. Пол в высоченном сарае шевелился от множества маленьких пёстрых птичек. Ни одна не летала, все ходили пешком. Они и на воле мало летают, в основном полагаются на шустрые ноги и покровительственную окраску, благодаря которой перепёлку в упор не заметишь. Поразило, что несутся самочки в общую корзину. Правильно делают, а то поищи-ка крохотные яички по сараю. Яички чуть больше лесного ореха. В девичью ладошку легко поместились семь штук. При желании можно положить и дюжину. Даже не представляю, сколько их надо разбить на одну яичницу.

На перепёлок нынче спрос. Говорят, яйца обладают тонизирующими свойствами, а мясо – необыкновен-

ным вкусом. Пробовал и то, и другое. Яйца как яйца, ничем не отличаются от куриных. Когда подали жареную перепёлку, то ощущал чувство неловкости. На тарелке лежала распластанная птичка чуть больше воробья. Ни мяса, ни вкуса. Вспомнил европейских гурманов, которые деликатесом считают скворцов.

Последнее время наши фермеры взялись за разведение страусов. У этих, конечно, яйца крупнее, и мяса больше. Только вряд ли они станут домашней птицей, как куры или гуси. Во-первых, есть серьёзный сдерживающий фактор – наша долгая зима и морозы. Во-вторых, на подножном корму они не бывают, их приходится кормить круглый год. Потому себестоимость продукции страусиных ферм зашкаливает, у неё реальная перспектива навсегда оставаться ресторанный экзотикой. Впрочем, как и перепелиных.

Счастьем надо полагать, если перепела сохранятся на воле и будут радовать нас уговорами утром: «Подь по-лоть, подь полоть», вечером: «Спать пора, спать пора». А уж яичницу, по старинке, пожарим из куриных яиц.

Из всего, что делается в нашей стране по одомашниванию диких животных целесообразным по сути и разумным по форме, можно считать приручение лосей. В северных лесах постоянно предпринимались попытки использовать этих гигантов для перевозки грузов вьюками, буксировки лыжников, саней. Отдельные успехи были, но домашним лось не стал.

Одно время приручению лосей придали армейскую направленность. Специально для обслуживания границы с Финляндией, проходившей в основном по таёжной глухомани, приказали срочно приручить лосей. Приказ не выполнили – грязнула война, и тут уж было не до лосей.

В лесах под Костромой почти полвека действует хозяйство, где лосей не приручают, не одомашнивают – их приманивают кормом и лаской. Никаких принуждений, ограничений, обязанностей. Право выбора остаётся за животными. Они приходят на площадку для кормления и остаются с людьми на всё более продол-

жительное время. Лосихи считают это место наиболее безопасным, здесь телятся и позволяют себя доить.

Лосиное молоко обладает феноменальными лечебными свойствами – за несколько приёмов исцеляет язву желудка. Спрос на него не ограниченный, но возможности хозяйства скромны. Наращивать поголовье просто невозможно. Многие лоси уходят и не возвращаются. Часто по той причине, что становятся лёгкой добычей браконьеров. Животные уже доверяют человеку, не испытывают перед ним панического страха, за что и расплачиваются.

Говорить браконьерам об ответе за прирученных не имеет смысла.

СТРАННЫЕ СЛОВА

Говоря об отношении Льва Николаевича Толстого к природе, как яркий пример приводят сцену псовой охоты, описанную им в романе «Война и мир». И в самом деле, впечатляет. Короткими и точными фразами рисует он погоду в середине сентября – как лучшее время для охоты. Уже были зазимки, русак до половины затёрся (значит, перелинял), лисы выводки начали разбредаться, молодые волки были больше собаки. А вот дословно: «Как будто небо таяло и без ветра спускалось на землю». Тысячу раз слышал и повторял эти слова по отдельности, но ведь на ум не пришло соединить их в такую ёмкую и полную очарования фразу. В том-то и отличие гения от простого смертного.

Честно говоря, саму псовую охоту воспринимаю как фрагмент помещичьей жизни. Интересно знать, как они жили, развлекались. Собственно, это уже не охота в нынешнем представлении, а конноспортивное массовое мероприятие. В поле выехало двадцать верховых охотников, с ними около ста тридцати собак – борзых и гончих. Позже к ним присоединились ещё пять всадников со своими собаками. Внушительная кавалькада. Можно представить, как они взрыли крестьянские озимые, ког-

да неслись по ним вскачь. Да кто же из господ обращал внимание на такие мелочи? Всех огнём охватил охотничий азарт. Даже благовоспитанная графинюшка Наташа Ростова скакала, не отставая от мужчин, и дикаркой визжала от захлестнувшего восторга. Через плечо у неё висел рог, а на поясе нож. Наверное, готовилась заколоть схваченного собаками зверя.

За день бешеной скачки взяли одного матёрого волка, пять прибыльных, лисицу и зайца. Матёрого добыли живым, как тогда говорили, состранили. В пасть сунули палку, замотали ремнями, ноги связали и перекинули через седло. Господа остались довольны, доезжачие, выжлятники вытирали мокрые лбы.

Ещё эффектнее выглядела псовая охота в цветном широкоэкранном фильме А. Бондарчука. Сейчас, убей – не вспомню ни лицо, ни наряды хозяйки салона Анны Павловны Шерер, ни кто из актрис её играл, а вот лобастая голова волка и его глаза, полные ненависти ко всему роду людскому, остаются в памяти, будто вчера виденные. Надо думать, также глядел волк, соструненный во время той псовой охоты.

В произведениях Льва Николаевича природа присутствует постоянно. В больших – фрагментами, сценами, служит фоном, а есть малые, отданные ей целиком. У него нет сентиментальных восторгов от созерцания природы, как у современных писателей. Он принимает её нормой, естественным состоянием, живёт в ней, и ты живёшь вместе с ним. Вот коротенькая, всего в несколько строк заметка «Русак». Лишь несколько мгновений зимней ночи, а ты успеваешь вдохнуть морозный воздух, услышать скрип саней запоздалого обоза, увидеть заячий поскок по сверкающим от лунного света сугробам и чёрную ушастую тень на снегу. Полный эффект присутствия. Проходит какое-то время, и начинает казаться, будто ты сам был с теми озябшими обозниками, всё видел и слышал вместе с ними.

Иногда его беспристрастная, даже отстранённая манера описывать природу ставит в тупик, потому что не знаешь, какой делать вывод. Так, в заметке «Воробей и

ласточки» он описывает, как нахальный воробей занял недостроенное гнездо ласточек. Попытки прогнать не-прощенного гостя успехом не увенчались. Тогда ласточки принялись носить мокрые комочки грязи и достраивать гнездо. Вот осталось маленькое отверстие, через которое выглядывал воробей. Скоро залепили и его. Ласточки замуровали воробья и тотчас улетели.

Невероятный случай. Ничего подобного никогда не читал и не слышал. Орнитологи знают птиц, самцы которых замуровывают самок в дуплах, когда те садятся на яйца. Но делают это из соображений безопасности. Они оставляют небольшое отверстие, через которое кормят самок и принимают от них помёт. А вот как понять случай, описанный Л.Н. Толстым? Надо полагать, он его и самого озадачил. Однако никаких комментариев писатель не делает, оставляет читателю возможность самостоятельно делать выводы в силу собственного разумения. Может быть, ласточки наказали захватчика в назидание другим.

Диву даёшься, с какой дотошностью автор эпохальных литературных произведений изучает живую природу! Ему прислали щепотку яичек тутового шелкопряда. Он дождался, пока из них вывелись личинки, сформировались гусеницы. Сам кормил их листьями тутового дерева, отмечал, как линяют гусеницы и каждый раз становится больше в размере. Не пропустил важный момент, когда они начали выделять шёлковую нить и наматывать из неё вокруг себя кокон. Зная среднюю длину нити, высчитал, сколько раз гусеница сделала вращательных движений головой. Оказалось, около 300 000 раз. (Не знаю, занимался ли кто из профессиональных энтомологов аналогичными вычислениями.) Наблюдал, как из коконов вышли бабочки и отложили яички. Он все их собрал и пересчитал. Получилось 5000. Не без гордости Лев Николаевич заключает: «На другой год я выкормил уже больше червей и больше вымотал шёлку».

Мировое научное сообщество автором науки о поведении животных – этологии – считает австрийского

учёного Конрада Лоренца. Лично я, ни секунды не задумываясь, отдал бы пальму первенства Л.Н. Толстому только за одно его произведение «Холстомер. История лошади». Такого глубинного проникновения в психологию и психику животного не удалось достигнуть ещё ни одному пишущему.

Среди натуралистов считается неприличным очеловечивать поведение животных, заставлять их говорить человеческим языком. Но в том-то и дело, что в произведении Л.Н. Толстого лошади ведут себя самым естественным образом: они пасутся, отдыхают, играют, на свой манер общаются друг с другом, и ни одна не произносит ни слова. В силу необыкновенно тонкого познания лошадиной натуры писатель переводит их язык поведения на наш. Говорит он за них так естественно и просто, что не остаётся ни тени сомнения в достоверности сказанного. В итоге долго не можешь отойти от прочитанного, размышляя не столько о лошадиных повадках, сколько о нравах, царящих в человеческом обществе, о нашем честолюбии, эгоизме, жестокости.

Герой истории родился от чистокровных орловских рысаков на Хреновском конном заводе, кстати говоря, в Воронежской губернии. Быть бы ему чемпионом, гордостью завода, а то и родоначальником новой линии, если бы не пегая масть. Большие белые пятна по телу сделали жеребёнка изгоем. Ему и кличку дали соответствующую – Мужик первый, как заурядной крестьянской лошадке. По достижении половой зрелости охолостили, чтобы в возможном потомстве не испортил стандартную масть орловских рысаков. Но идеальная стать и исключительные способности к рысистому бегу остались. За длинный и размашистый ход, равного которому не было в России, его прозвали Холстомером. Бежал, как холсты мерил. С этой кличкой он и прожил жизнь.

Купил его на потеху богатый офицер, ни в чём не знавший отказа, привыкший удовлетворять любые свои прихоти. Тщеславие нового хозяина тешила рез-

вость Холстомера, когда на улицах он легко обгонял дорогие экипажи, запряжённые породистыми рысаками. Редким чванством отличался и кучер. В жизни Холстомер любил их больше всех и в старости вспоминал обоих: «Хозяин и кучер были похожи. И тот и другой ничего не боялись и никого не любили, кроме себя, и за это все любили их». Не любили они и своего пегого рысака. В погоне за сбежавшей любовницей офицер 25 вёрст гнал Холстомера галопом. Загнали рысака. Он обезножел и пошёл по рукам перекупщиков, каждый из которых как-то его подлечивал, подправлял, чтобы дороже продать.

Извилистыми дорогами судьбы к старости пегий мерин оказался на том же заводе и на том же варке, где ревзился жеребёнком. От прежней стати почти ничего не осталось. Копыта оплыли, рёбра выперли, длинные ноги изуродовали шишки, губы, разорванные удилами, висели лоскутами. Теперь старый табунщик выезжал на нём пасти лошадей. Никто Холстомера не признал, хотя в облике он ещё сохранял некую печать, отличающую его ото всех. Как пишет Л.Н. Толстой: «Выражение лица было строго-терпеливое, глубокомысленное и страдальческое».

В подтверждение глубокомыслия писатель приводит рассуждения Холстомера «Слова: моя лошадь, отношение ко мне, живой лошади, казались мне также странны, как слова: моя земля, мой воздух, моя вода».

Мы семьдесят лет отвыкали от странности этих слов, приучались говорить – наша земля, наши леса, наши недра. И вдруг в одночасье всё переменилось. Если бы встал сегодня Лев Николаевич, то что бы он подумал и сказал о нас, ныне живущих?

ЗНАК БЕДЫ

Всякого рода случаев варварского отношения к природе мы встречаем так много, что не запоминаем каждый по отдельности, а воспринимаем их в целом как неизбежное зло нашего бытия. Если в городе строят дома бизнес-класса, то непременно

в центре и при этом нещадно вырубают многолетние липы, рябины. Не пожалели даже красавицу иву в два обхвата, так украсившую Дом актёра. Возмущаться бесполезно, ибо все стройки в престижных местах находятся под протекторатом высоких инстанций. Потому примеры разумного взаимодействия человека с природой воспринимаются светлым праздником. Только все они в основном из далёкого прошлого. Наверное, в силу возрастной специфики человеческой памяти.

Радуют добрые поступки одного человека, но много-кратно сильнее – коллектива, когда все живут и действуют по одному однажды принятому порядку. Так было на станции Улькан, когда только начиналось строительство Байкало-Амурской магистрали. Первый десант сюда доставили вертолётом. Лётчик перед посадкой сделал круг и дал возможность первопроходцам полюбоваться местной красотой – синими горами, сверкающими реками зелёной, первозданной чистоты тайги.

Они разгрузили вертолёт, сели около груды своего багажа и твёрдо решили: сбережём красоту, подаренную природой. Да, рельсы проложат, посёлок построят, но дикости, варварства не допустят, ни одно дерево по чьей-то прихоти не упадёт, ни один кустик не срубят, ни один ручей не загадят.

Благородный порыв всего лишь звук, если не реализован в дело. Строители магистрали слов на ветер не бросали. Разбили территорию будущего посёлка на квад-

раты и перенесли на план всё до одного дерева. Работали день за днём, планомерно и скрупулёзно. В итоге получили точную картину, какие деревья попадают под строения, дороги, теплотрассы, и их придётся рубить, а какие можно и нужно оставить в неприкосновенности. С планом вышли на размеченную территорию и на все неприкосновенные деревья навязали ленты из красной материи, как знак защиты.

Уже были построены жилые дома, детский садик, баня, магазин, а выгоревшие ленточки всё ещё трепыхались на ветру и неизменно вызывали у приезжих вопрос: «Зачем?» Старожилы им объясняли, и люди уже другими глазами смотрели на выросший среди старых сосен, кедров Улькан, чистоту на улицах и нетронутую природу.

Можем ведь, когда захотим. Хотим, можно сказать, всегда, но редко отказываем себе в удовольствии сорвать, срубить, поймать, убить, намусорить и просто напакостить. Любим мы делать для себя исключения. Пусть кто-то другой отказывается рвать цветы, жечь костры, сливать отработанное масло на полянке, швырять в кусты пустые банки, бутылки, а себе, любимому, в виде исключения могу позволить.

Сейчас не в виде исключения, но поголовно владельцы загородных особняков обзаводятся оружием. А как говорил ещё А.П. Чехов, если в первом акте на стене висит ружьё, то в третьем оно должно выстрелить. Вот и палят по всему живому из пистолетов, ружей, пневматических и малокалиберных винтовок. От грохота воробы бедные, и те разлетелись. А уж когда начинается сезон охоты, пощады вообще нет никому. Раньше на ближнем озере водились болотные курочки, цапли, гнездились утки. В воде барахталась ребятня, а вдоль другого берега по листьям кубышек бегали лысухи и не боялись. Теперь пусто – выбили, разогнали, распугали.

Мартовскими, ещё холодными утрами над нашим селом пролетали гуси. Клин за клином, по два-три десятка в каждом. Из далёких краёв прилетевшие на Родину птицы роняли вниз трубные клики, словно приветство-

вали всех нас, живущих на земле, и так ликовала и пела душа! Год от года гусей пролетало меньше и меньше. Не каждую весну удавалось их увидеть. Нынче пролетел жалкий клинышек всего из пяти гусей.

На скворцов у нас не охотятся, в список промысловых птиц они не внесены. Однако в целом антропогенное воздействие на природу сказывается и на них. Бывало, в апреле у скворечника собирались по три, четыре пары и шумно выясняли, у кого больше прав на жильё. Теперь прилетает один и несколько дней тоскливо высвистывает в ожидании подруги. Ещё покойный Л.Л. Семаго, самый известный в стране орнитолог, с трехвойной отмечал удручающее сокращение численности скворцов.

Как же было грустно слышать по радио стенания какого-то знатока по поводу вреда, причиняемого нам скворцами! Дескать, подчистую обирают вишню, чешеню, и потому не надо делать и развешивать домики для скворцов. Их и так много развелось. Он был в Риме и видел над городом буквально тучи скворцов.

В действительности к концу мая скворцы успевают вывести, выкормить птенцов и вместе с ними улетают. Чешеня и вишня к тому времени только завязалась и совершенно не съедобна. Над Римом осенью можно увидеть большие стаи скворцов лишь потому, что они зимуют в Средиземноморье, слетаются туда со всей Европы и Азии. Итальянцы тоже считают стаи скворцов неисчислимыми, охотятся на них, набивают корзинами. У них они считаются деликатесом. Тушки даже на экспорт поставляют. Рим всегда отличался изощрённостью вкусов. На пирах древние патриции лакомились соловьиными языками.

Нам о чрезмерной численности скворцов и вообще какого-то вида пернатых говорить не приходится. Если и дальше истребление всего живого пойдёт нынешними темпами, то придётся воробьёв заносить в Красную книгу. Есть такая. Её коллективными усилиями ведут натуралисты, экологи всех стран. В книгу заносят представителей животного и растительного мира, находя-

щихся на грани полного истребления. Если нависшую над каким-то животным или растением угрозу исчезновения с лица земли удаётся отвести, то лист с его описанием из Красной книги изымают. Она для того сделана с разъёмными скобами в виде папки-скоросшивателя. Вставляют листы чаще, чем изымают. Каждый новый лист – своеобразная отметина красным очередному виду.

В Советском Союзе каждая республика считала долгом издать свою Красную книгу. Была она и в Российской Федерации. Более всего поразили занесённые в неё такие распространённые насекомые, как шмель, бабочка голубянка, степная дыбка (фактически кузнец-чик «коленками назад»). Занесён в неё краса и гордость наших лесов ланьыш серебристый. Помню времена, когда белые благоухающие колокольчики заливали поляны, белели, словно первый снег. Казалось, не будет ланьышу переводу, вон его сколько, хоть косой коси. Косой не косили, но драли корзинами, вязали в пучки на продажу.

В нашем селе против хищничества выступили школьники. На тетрадных листах в клеточку детским округлым почерком они писали обращения, скотчем kleили к дубам. «Не рвите ланьши! Они украшают природу и принадлежат всем. Без них будет скучно». Может быть, кого-то и остановил детский призыв, но ланьши в дубраве практически исчезли. Нынешней весной отправился на поиски с самым безобидным намерением найти хоть один, чтобы сфотографировать. Карабкался по склонам оврагов, ломился через чащобник, весь облепился паутиной. Нашёл крохотную куртинку. Сел рядом, полюбовался снежно-белыми колокольчиками, насладился чарующим ароматом. Как охранный знак повязал на зелёный стебелёк красную ленточку. Вдруг и правда спасёт.

БОИ НА ПОТЕХУ

В животном мире стычки, драки и даже серьёзные бои между самцами, как выражение естественного отбора, нормальны. Побеждает сильнейший и получает право оставить выносливое и жизнестойкое потомство. Дерутся млекопитающие, змеи, рыбы, даже черепахи, в нашем представлении сама неуклюжесть, действуют решительно и с изощрённой жестокостью. Они норовят подлезть под панцирь соперника и опрокинуть его на спину. Самостоятельно перевернуться и встать на ноги неудачнику удаётся очень редко, он практически обречён. В поездках по пустыне Каракумы часто находил черепашьи панцири, и все в положении на спине.

В наших лесах поздней осенью бьются олени. Трубный рёв и мощные удары рогов в осеннем, влажном воздухе разносятся далеко окрест. В качестве зрителей безнаказанно могут присутствовать только оленухи. Все остальные благоразумно обходят ристалище стороною. В состоянии сильнейшего возбуждения у оленей притупляется инстинкт самосохранения, и они могут броситься даже на своего самого страшного и коварного врага – человека. Может быть, даже с большим энтузиазмом, чем на кого-либо другого.

Человек сам организует бои себе на потеху. Пожалуй, самые распространённые петушиные. Их практикуют на всех континентах земли, за исключением разве что Гренландии и Антарктиды. Выведены даже специальные бойцовские породы. Драчливость у петухов в крови. Они ещё кукарекать путём не научились, а уже норовят подрасться. Однажды сам видел, как два задиристых «подростка» наскакивали на большого, старого индюка. Трудно сказать, чего они хотели доказать, но норов свой показали. Эти уже могут быть родоначальниками бойцовской династии.

Породистые петухи мускулисты, поджары, агрессивны, в драку кидаются моментально. Но зрителям мало пущенных по ветру пёрышков, помятых гребней, им хо-

чется острых ощущений, и петухам привязывают к ногам острые, длинные клинки. Теперь они вооружены и боятся насмерть.

В северных областях России издавна проводят бои гусаков. Тоже бои нешуточные – ударом внешней стороны крыла гусак может сломать противнику шею. По правилам бой прекращают, когда становится очевидным преимущество одного из соперников, кровопролития не допускают и тем более до убийства не доводят.

На Филиппинах распространена другая потеха – там стравливают жеребцов. Хозяева держат их на длинных арканах и каким-то образом умудряются спровоцировать на драку. Зрелище впечатляющее. На альпийских лугах Алтая видел, как сшибаются полудикие жеребцы. Осыпают друг друга ударами каменных копыт, визжат, рвут зубами. Норовят выбрать момент и шарахнуть противника задними ногами по рёбрам, в живот. Этот дубль своего рода нокаут. После мощного двойного удара поединок обычно прекращается, побеждённый отбегает на безопасное расстояние.

Бойцы бывают маленькие, всего-то с кулак, а страсти вокруг них бушуют серьёзные. В Ташкенте, на пёстром восточном базаре устраивают бои перепелов. Тех самых, что в наших полях утром зовут «полоть», а вечером уговаривают «спать». Серые крапчатые птицы наскакивают друг на друга, клюются, а вокруг плотное кольцо мужчин в тюбетейках. Каждый болеет за своего избранника. Как-то они их отличают, дают бойцам имена, и потому поддержка адресная. Кричат по-узбекски, по-русски.

– Бей, Мансур!

– Дави, Ахмед!

Выхожу из круга, снисходительно посмеиваясь над человеческими слабостями. Как говорится, чем бы дитя не тешилось. Если уж бои перепелов производят впечатление детской забавы, то что говорить о популярных в Китае боях сверчков? Всем нам эти милые насекомые известны незатейливыми трелями, а вот дотошные китайцы выявили у них ещё и «гладиаторские» задатки.

Без кавычек гладиаторскими способностями обла- дают специально для боёв выведенные породы собак – питбультерьеры. К нам завезли в начале девяностых, стоили бешеных денег и служили атрибутами прести- жа, вроде красных пиджаков и золотых цепей на бы- чьих шеях.

Водить звероподобного пса на поводке, разумеется, без намордника, чтобы прохожие при одном виде кли- новидной башки с мощными челюстями и гильотинной остроты зубами шарахались, безобидные собачонки разбегались, а если какая зазевалась, исшинковать её в лапшу, – это было круто. Скоро псы от избытка сил и нерастраченной агрессивности стали полосовать самих хозяев. Абсолютно беспричинно, ни с того ни с сего. Страдали взрослые, калеками оставались дети. От пит- бультерьеров начали избавляться. Дурная молва о них уже раскатилась, и продать собаку было трудно. Тогда их вывозили в ближайший лесок и расставались вы- стрелом в упор.

Тем не менее бойцовские собаки – питбультерьеры, стаффордширские терьеры остались. В живописном пригороде есть даже питомник для разведения. Но те- перь их используют по прямому назначению – для боёв. Ни афиш, ни объявлений о предстоящих схватках в го- роде никогда не увидишь, однако бои проходят регуляр- но. Допускают на них только своих, доверенных и за приличные деньги. Хозяин собаки, участвующей в боях, может пригласить с собой в качестве ассистента одного человека.

В роли подобного ассистента однажды довелось побывать на боях. Сразу было поставлено жёсткое ус- ловие – не фотографировать, на видео не снимать. За нарушение выставят и отберут аппаратуру. Охрана дей- ствует жёстко.

Нужное место оказалось где-то на глухой окраине города, за плотным дощатым забором. Ринг – ровная площадка, застланная чёрным паласом и обнесённая алюминиевыми листами метровой высоты. В первой паре питбультерьеры. Белый с рыжими пятнами Пит и

чёрный Боб. Увидели друг друга и чуть не задохнулись от ярости.

С первого мгновения схватки собаки намертво вклинились пастью в пасть и не расцепляются. У белого позиция выгоднее – он защемил нос чёрного, перекрыл ему доступ воздуха и давил как кузнечными клещами. Они падают, перекатываются через спину, вскакивают, с маxу бьются о металлические стенки ринга. Листы грохочут громовыми раскатами, но собаки ничего не слышат, не видят, не чувствуют. Всепоглощающая ярость их захватила, затопила, пронизала до последней клеточки тела.

По рингу вокруг собак мечутся оба хозяина, подбадривают:

- Хорошо, Пит, хорошо.
- Молодец, Боб, молодец.

Псы залиты кровью. На чёрном не видно, а белый стал красным. Листы алюминия расцвели кровавыми пятнами. Острыми как ножи зубами они расположовали себе дёсны, языки, губы. Проходит 10 минут, 20, 30, а собаки всё так же терзают друг друга. В каком-то очередном кувырке они разжали пасти, и каждый захватил в челюсти переднюю ногу противника. Теперь скачут на трёх. Устали, запалились, дыхание рвётся с хрипом, бульканьем, бока ходят ходуном, по вываленным языкам ручьём хлещет кровища. Они всё чаще замирают, дают себе передышку, но челюсти не разжимают. Один добрался до шеи, другой вывернул голову и грызёт ему глаз.

В какой-то момент к этим звероподобным собакам вместо страха, смешанного с неприязнью, начинаешь чувствовать жалость. За что они терзают иолосуют друг друга? У них нет необходимости, как у диких животных, отстаивать свой участок обитания или возможность продолжения рода. Ярость, готовность рвать, душить, убивать в них сотворил человек себе на потеху. Тем самым надругался над эволюцией, тысячелетия изменяющей вид ради совершенства. Человек смял законы эволюции и одномоментно вывел породу для кровавого зрелища.

Наконец, судьи прекращают схватку. Деревянным клином белому разжимают пасть, освобождают изрядно изжёванную шею чёрного. Собаки не могут самостоятельно передвигаться, хозяева на руках уносят их с ринга, обтирают мокрыми губками. На обоих нет живого места.

Глядя на изувеченных собак, уже не сомневаешься, кто самый жестокий из живущих на земле.

ЛОШАДИНОЕ ЖЕЛЕЗО

В детстве у каждого из нас была мечта: что-то иметь или кем-то стать. Лично меня профессиональные перспективы не занимали – я мечтал иметь жеребёнка.

К нам в гости из соседней деревни часто приезжал наш родственник дед Иван. Приезд для меня становился праздником, когда за его телегой бежал ма-

ленький, длинноногий, с пушистым хвостиком и стоячей гривкой настоящий жеребёнок. Огромный мир моментально сжимался и весь вмещался в крохотного лошадино-го детёныша. Так хотелось принять его в товарищи, вместе бегать, играть. Я бы его поил, кормил, чистил скребницей, расчёсывал ему хвост, гриву, водил на луговину пастись. К моему великому огорчению, жеребёнок ко мне дружеских чувств не питал. Даже наоборот, испуганно отбегал, стоило к нему лишь сделать шаг или протянуть руку, чтобы погладить. Большая лошадь, его мать, тоже не принимала моих знаков внимания. Даю пучок свежей травы, она трясёт головой, косит на меня огромным фиолетовым глазом, не перестаёт хрумкать вставленными ей в рот железками. Ну никак от них не оторвётся.

Меня привлекает глухой рокот железа по лошадиным зубам. По моему пятилетнему разумению это должно быть вкусно или очень приятно. Однажды замечаю на стене сарая уздечку с сухими жёлто-зелёными пятнами на удилах, засовываю их себе в рот, как взнуззывают лошадей, готовлюсь в своё удовольствие хрумкать и застываю от изумления столбом. Удила оказываются противными, холодными и твёрдыми, как железо. (Какими им ещё быть?) Железки распирают рот, вызывают единственное желание от них немедленно избавиться, выплюнуть эту гадость, что тут же и делаю.

Урок на самом себе оказался доходчивым. Когда приходилось ездить в телеге и взрослые доверяли «править», больше не дёргал и не натягивал вожжи, помня, какое жуткое ощущение вызывают удила во рту. Однако до понимания действительных взаимоотношений человека и лошади мне было ещё далеко.

Помню, как обмирал от восторга, когда первый раз увидел настоящих кавалеристов на высоких, поджарых, одной масти конях. Ноги сами понесли всю нашу мальчишескую ватагу поближе к ним. Нас осаживали, вели близко не подходить. Дескать, кони волнуются, могут зашибить. Они и правда нервно перебирали тонкими, сухими ногами, роняли с губ хлопья белой пены. Казалось, кони так и рвутся в галоп, чтобы ветром унести своих любимых всадников в неведомые дали.

За ту мимолётную встречу успел заметить: удила у некоторых лошадей лежат в прогалах между коренными зубами. По детской наивности подумал, что кавалерийские кони так и рождаются без двух зубов на нижней челюсти, чтобы меньше мешали удила. Уже взрослым узнал действительную причину отсутствия зубов. Оказывается, норовистым лошадям специально выбивают зубы, чтобы болезненнее ощущали удила. Мало того, к удилам прикрепляют железный штырь – мундштук, который при рывке за поводья упирается в нёбо, причиняет жуткую боль. Железо пережимает, защемляет, заталкивает в глотку язык, бьёт по нервным окончаниям в ротовой полости. Вспомним, какие неприятные ощу-

щения испытываем мы, люди, когда стоматолог, проверяя состояние зубов, легонечко постукивает по ним миниатюрным металлическим инструментом. А теперь представим, что будет, если долбануть по зубам массивными железками через поводья и резким рывком. Небо покажется с овчинку.

Лошади пританцовывают и роняют хлопья пены во все не от желания пуститься вскачь, а от болевого шока, причиняемого человеком. Если у них и есть желание, то одно-единственное, нормальное и естественное: выплюнуть изо рта опостылевшее железо и сбросить со спины ненавистного всадника.

Лошадь – красивое, гордое, свободолюбивое животное. Она по доброй воле никогда не подчинялась и не подчинилась бы человеку. Это не собака, которая за объедки стала ему служить. Даже домашнюю лошадь, тысячелетия прожившую с человеком, каждый раз обучают заново. Причём безо всяких пряников, только с помощью кнута и железа. Трёхлетний жеребчик свободу на пряник не променяет. Если он и покорится, то грубой силе.

Что характерно, за несколько месяцев вольной жизни лошади начисто забывают преподанные им уроки и становятся если не дикими, то полудикими точно. Сам видел таких на Алтае. Собственно, там это очень удобная форма содержания совхозных лошадей. Ранней весной табун выгоняют в горы, на альпийские луга, на всё лето предоставляют полную самостоятельность, а осенью возвращают в долину. Некоторым удается остаться на свободе. Волки, медведи лошадям не страшны, лихих людей, в смысле конокрадов, не бывает. Местные жители без особой необходимости стараются на глаза «дикарям» не попадаться.

Мы очень спешили и, сокращая дорогу, поехали через угодья диких. Торопили лошадей, хотели поскорей миновать опасное место. Всё-таки они нас заметили. Табун остался в распадке, а за нами погнался вожак.

Боже, какой это был красавец! Из тех, что годами живут на свободе. Огромный, с широченной грудью, могучей шеей, с длиннющей, никогда не стриженной гривой

чуть не до земли. Он бежал к нам вверх по крутой горе легко, словно по ровной лужайке. Поражённый красотой вольного животного, я забыл про опасность и остановился в немом восхищении. Мой провожатый, имеющий представление о нравах дикарей, развернул коня ему навстречу, перекинул из-за спины двустволку и взвёл курки. Мне велел ехать к ближней сосне и в случае чего прямо с седла прыгать на сучья. Послушался, отъехал, с безопасного расстояния наблюдал за происходящим. Вожак остановился от всадника в десяти шагах. Двустволка уставилась чёрными зрачками стволов ему в грудь. Дикарь сверкал глазами, раздувал ноздри, хрюпал, бил копытом, но переступить невидимую черту не посмел.

Опытные люди говорят, что животные прекрасно знают запах оружия и панически его боятся. Вожак никогда жил с людьми, наверняка слышал выстрелы, помнил запах пороха и знал назначение предмета в руках человека. Если уж вороны отличают ружьё от палки, то такие умные животные, как лошади, тем более.

Об умственных способностях лошадей хорошо написал Л. Толстой в известном рассказе «Холстомер». Там орловский рысак даже философствует о формах собственности, и его доводы звучат очень убедительно. Кстати говоря, литературный герой, имеющий мировую славу, рождён был на Хреновском конном заводе, наш земляк. Рассказ – настоящий гимн всему лошадиному племени.

Та встреча в горах закончилась мирно. Вожак, полный достоинства, удалился к табуну, а мы продолжили свой путь.

– Неужели бы стал стрелять в такого красавца? – спросил своего провожатого.

– А что делать, – спокойно ответил он. – Если собьёт, затопчет. Такие случаи были.

В местах, где люди постоянно имеют дело с лошадьми, отношения к ним pragmatические. Можно сказать, потребительские. Годится конь для верховой езды – на нём ездят, не годится – пускают на мясо. У скотоводов-кочевников конина всегда ценилась, стояла на

первом месте. За ней шла говядина, потом баранина. У казахов выдержанная и слегка сквашенная конина, имеющая специфический запах, считается деликатесом. Аналогичные вкусы у народов Севера. В сезон охоты мясо моржей, китов складывают в ямы и оставляют на несколько месяцев. Скажем, для ферментации. Европейцы брезгуют, а местные жители едят с удовольствием. И правильно делают. Такое мясо легче усваивается, организм больше получает из него питательных веществ. В районах Крайнего Севера, как в пустынях и полупустынях юга, выбор продуктов ограничен, и кухню местных жителей надо признать рациональной. Она складывалась многовековым опытом.

Во времена язычества лошадь часто была жертвенным животным, её кровью кропили и мазали идолов. Лошадей убивали и хоронили вместе с умершими или погибшими в сражениях хозяевами. На Алтае ещё помнят, как коня приносили в жертву духам гор. Его заводили на вершину, к ногам привязывали арканы и тянули в разные стороны, выламывали суставы, пока живот не касался скалы. Тогда мучения животного прекращал нож.

Лошадей истязали ради удобства, моды, в силу человеческой жестокости и просто мракобесия. В одной стране жеребятам чуть ли не со дня рождения регулярно надрезали спины, отчего кожа к трём годам покрывалась рубцами и делалась удобной для верховой езды. В другой взрослым лошадям рассекали ноздри, чтобы в лёгкие больше попадало воздуха во время скачек. Когда пошла мода на серых в «яблоках», стали искусственно делать «яблоки». Кожу прижигали, подсохшую корку сковыривали, рану натирали луковым соком. Шерсть на этом месте росла белёсой и получались «яблоки». Так же наводили «звёздочки» на лбу. Во времена инквизиции лошадей, чем-то проявивших неординарные способности, как еретиков сжигали на костре.

Нынешние зрелищные мероприятия с лошадьми в цирках, на ипподромах мало чем отличаются от средневековых – всё построено на принуждении и болевом синдроме. Современные съёмки в ультрафиолетовых лучах

позволяют сделать термограмму всего тела лошади и выделить болевые зоны по степени ощущений. Высшие фиксируются красным, средние – жёлтым, терпимые – синим или зелёным. Так вот, после конкура, когда лошадь заставляли прыгать через всякие препятствия, рвали ей рот удилами, долбили в нёбо мундштуком, всаживали в пах шпоры, стегали по шее, по крупу хлыстом, она вся, включая передние ноги, ушибленные о брёвна барьёров, полыхает жёлто-красным. Потому говорить о конном спорте как об органичном слиянии всадника и лошади в единое целое – чистой воды ханжество. Насилие остаётся насилием, как его не приукрашивай и не называй.

Мы настолько привыкли к насилию над лошадьми, что нам кажется, по-другому и быть не может. Оказывается, может. Однажды увидел очень приличную фотографию, сделанную в 1919 г. На ней лихой ковбой на лошади, свечкой взлетевшей в вертикальном прыжке так, что даже задние копыта оторвались от земли. Удачный, динамичный снимок. Но самое поразительное – лошадь без удил, без узды и вообще без поводьев. Всадник держится за узкий ремешок на шее лошади. Конники его называют корdeo, от слова «корд» – шнурок, верёвка. Значит, могли люди находить с лошадью понимание без жестокости и насилия. Современное тому подтверждение – появляющиеся в разных странах школы верховой езды, где не признают железо и не пользуются им. Всадник управляет словом и лёгким прикосновением корdeo. Честное слово, просто радостно делается за род людской.

Среди множества пород верховых лошадей есть очень древняя ахалтекинская. Живёт уже несколько тысячелетий. Родиной считается Туркмения. Лошади быстрые, выносливые, изумительной красоты. На фотографиях у многих можно заметить шерстяной шнурок на шее. Оказывается, традиция повязывать им шнурок идёт из глубины веков. Не могу утверждать, но смею предположить, что в стародавние времена человек управлял лошадью словом и лёгким прикосновением к шерстяному шнурку. Прекрасно, если и современные конники научатся понимать лошадь и сумеют обходиться без железа.

ЧАСТЬ 2

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть языки.*

Фёдор Тютчев

ПЕТУШИНОЕ СЛОВО

Мечта человека – понять язык животных – родилась вместе с ним, живёт тысячелетия. Хочется верить, что когда-нибудь она осуществится. Хотя, как утверждают философы, если мечты сбываются, то они переходят в категорию планов. Учёные уже давно включают в свои планы изучение языка животных и ставят целью вступить с ними в диалог. Периодически появляются сообщения о сенсационных успехах. То дельфины заговорили, то тюлени запели. Проходит время, и сенсация оказывается случайностью, а то фальсификацией, и мечта опять отодвигается за горизонт. Снова мы внемлем нашим сказкам, легендам, преданиям, где героям волшебным образом открывается язык четвероногих, пернатых, а рыбы, лягушки им молвят человечьим голосом.

Ещё в детстве слышал от одного древнего старика предание о петушином слове. Будто человеку, знающему его, понятен язык зверей, птиц, сам он удачлив и, за что ни возьмётся, всё у него ладится. Старик того слова не знал, но давал понять, что удача и без петушиного слова придёт, если в молодые годы прилежно учиться, а в зрелые – упорно трудиться. И всё-таки какое-то познание петушиного слова есть у каждого из нас. Стоит чуть внимательнее присмотреться к нашим домашним питомцам, как мы довольно легко начинаем их понимать. Например, соседская собачонка при хозяевах общается со мной далеко не по-дружески, изо всей силы демонстрирует готовность исполнять долг, невзирая на лица. Как только остаётся одни, виляет хвостиком, умильно улыбается, всем своим видом втолковывает мне: «Не обижайся. Ничего личного, только служба».

Теперь кроме шуток. Потрясающий пример понимания языка животных привёл канадский писатель и натуралист Фарли Моэт в своей книге «Не кричи: «Волки!» Он рассказал об умении эскимосов арктической тундры понимать волчий вой. Для них это своего рода телеграф, сообщающий о всяких важных событиях. Например, о появлении в тундре людей, оленей-карибу, их численности, месте, направлении движения. Конечно, волки делятся информацией друг с другом, а люди лишь перехватывают её.

Сам Ф. Моэт прилетел на самолёте. Перед посадкой они сделали приличный круг, на сотни километров окрест не обнаружили ни малейших признаков человеческого жилья. Ни увидеть, ни услышать самолёт никто не мог. Однако через несколько дней к нему по жаловали гости и сказали, что о его появлении узнали от волков. Очень удивились неумению белого человека понимать ихвой. Дескать, это так просто. Может быть, не так уж и просто, но вполне возможно, если родиться, всю жизнь прожить в тундре и получить в наследство тысячелетний опыт предков. Да ещё ежедневно, если не ежечасно прибавлять к нему собственный.

Современный цивилизованный человек заблуждается, полагая, что образование можно получить лишь в учебных заведениях. По знанию зоологии, биологии, физиологии животных с тем же эскимосом не может сравниться ни один учёный, защищавший свои диссертации на опытах с белыми мышами. В суровых северных районах знания – залог выживания, аргумент более весомый и убедительный, чем желание остепениться. Если мы не сомневаемся в своих знаниях, полученных из книг, то нет оснований сомневаться в знаниях, рожденных многолетней практикой. Тем не менее, теоретики подняли Ф. Моуэта на смех, выдвигали единственный аргумент: этого не может быть, потому что такого не бывает.

Со временем многое изменилось. Теперь выражение «язык животных» учёные пишут без кавычек и признают его как неоспоримый факт. Даже сформировалась наука, изучающая язык наших соседей по планете. Называется «бионаука». Исследования ведут в нескольких направлениях. Пытаются понять, как животные общаются, передают информацию друг другу. Выделены чаще других употребляемые сигналы – тревога, агрессия, еда, любовный призыв. Их записывали на магнитную ленту, делали осциллограммы, изучали, сравнивали, далеко не всё расшифровали, но практическое применение уже нашли. Так, свирепый рык могучего медведя транслируют в лесных посёлках, туристических лагерях и тем самым отпугивают непрошеных гостей. Ну какой же нормальный медведь рискнёт остаться на территории, уже занятой громилой? На аэродромах от голоса атакующего сокола моментально разлетаются птицы. Записям дали научное название – звуковые репелленты, то есть отпугивающие.

Гораздо раньше и без научных изысканий люди научились приманивать животных. На наш зов откликаются кошки, куры, собаки, свиньи. Охотники с помощью простеньких манков, пищиков, берестяных рогов на выстрел приманивают птиц, оленей, изюбров. Жители острова Фиджи заунывным пением соблазняют мор-

ских черепах. Меломанки в панцирях выползают на берег и платят жизнью за страсть к музыке. Однажды сам ступил на тропу обмана. Ширкая ногтём по расчёске, к самым ногам подозвал коростеля.

Учёные ставят задачи гораздо сложнее. Они учат животных понимать наш язык, чтобы, наконец, вступить с ними в диалог. Пример на бытовом уровне являются попугаи. Они охотно с нами беседуют. Хотя до сих пор нет однозначного мнения относительно сознательного или механического повторения заученных фраз. Нам больше нравится осмысленное толкование их выступлений. Знал одну семью книголюбов, у которых жил волнистый попугайчик. Когда хозяева заводили разговор о новой книге, он взлетал гостю на плечо, заглядывал в лицо и спрашивал: «А ты это читал?» Эффект производил ошеломляющий.

Причуды, фокусы, фальсификации серьёзных учёных не интересуют. Они работают кропотливо, целенаправленно, терпеливо выявляют наиболее доходчивые способы обучения животных. Оказывается, обезьяны довольно легко усваивают азбуку глухонемых. Шимпанзе могут изъясняться целыми фразами типа: «Положи мне банан в красную миску». Спряжение существительных и склонение глаголов они ещё не усвоили, и дословно фраза звучит так: «Положить банан красная миска». Уже близко к диалогу.

Помню, в школьные годы мы с энтузиазмом учили эту самую азбуку, чтобы подсказывать друг другу на уроках. Стоило учителю отвернуться, как над партами мелькали руки, передавая ответ. Правда, способ наш скоро был раскрыт, и за подсказку самому можно было схлопотать двойку. Что удивительно, многое из школьного курса вроде Пуниических войн, закона Фарадея начисто забыто, а вот азбука глухонемых сохранилась в памяти до сих пор. Некоторые из нас не могли усвоить простенькие формулы, зато азбукой подсказок владели великолепно.

Фактически азбука глухонемых – это язык жестов, подобием которого люди пользовались, пока не научи-

лись говорить. Может быть, память о нём сохранилась на генном уровне, и потому дети легко усваивают языки мимики, жестов. Братья наши меньшие пользуются им и поныне.

ПРИРОДА ПО ПЛАНУ

В первую минуту выражение коробит, но если сдержать раздражение и вдуматься, то не-трудно будет понять его разумность. Все дела на благо природы делались по планам, проектам, глубоко продуманным и точно выверенным. Ближний

и самый яркий тому пример, особенно для жителей Чернозёмного края, Каменная степь. Чуть более века тому назад она сполна оправдывала своё название. Повторяющиеся каждые 5–6 лет засухи, суховеи, пыльные бури, в камень засохшая чернозёмная пашня и голод гнали крестьян целыми деревнями в неведомые дали. Спасение русских чернозёмов стало для нашего великого учёного В.В. Докучаева делом всей жизни. Он не только обнаружил причины бедствия, но вместе со своими соратниками предложил комплексный план противостояния засухам. Для его претворения в жизнь добился организации Особой экспедиции Лесного департамента и сам возглавил её.

«Цель названной экспедиции (как определил В.В. Докучаев) заключается в улучшении естественных условий земледелия с упорядочением водного хозяйства в степной полосе России посредством разного рода облесительных и обводнительных работ». Всего одна фраза вместила в себя труды на многие десятилетия. Запомним её, ибо позже мы ещё не раз будем к ней воз-

вращаться. Работы в Каменной степи начались в 1892 г. Была открыта метеорологическая станция, приступили к изучению флоры, фауны. Вскоре посадили первые полезащитные и противоэрэзионные лесополосы. На неглубоких оврагах и балках построили плотины для создания прудов. Специально планировали мелкие водоёмы, чтобы вода не падала в глубокие горизонты, а просачивалась, увлажняя как можно большие площади вокруг.

Возможности человека безграничны. В одно мгновение он может уничтожить любое творение природы. Атомный взрыв сожжёт, сметёт с лица земли всё живое и убьёт на столетия вокруг. А вот чтобы создать природе условия естественного состояния, ему нужны долгие годы труда и терпения, зачастую вмещающие не одно поколение подвижников.

Через полвека труды экспедиции В.В. Докучаева проявились в полной мере и стали объектом планетарного значения. Представить только, в 1943 г., в самый разгар кровопролитной войны в Каменную степь, где к тому времени на базе опытной станции действовал Научно-исследовательский институт земледелия центрально-чернозёмной полосы имени В.В. Докучаева, приезжает группа американских специалистов изучать русский опыт полезащитного земледелия. У них на просторах Великих равнин безмерная распашка породила пыльные бури, ставшие национальным бедствием. Американцы приехали учиться. Да мы и сами у себя учились.

В 1946 г., тяжелейшем году послевоенной разрухи, когда ещё полстраны лежало в руинах и кровоточили раны, на наши поля обрушилась засуха. Нависла реальная опасность голода. И в это же лето на полях Каменной степи, защищённых лесными полосами, урожай зерновых был не рекордным, но вполне приемлемым и в 3–4 раза выше, чем в соседних хозяйствах. Урок оказался столь убедителен, что опыт полезащитного земледелия решили распространить в масштабах страны. В октябре 1948 г. Совет Министров СССР и ЦК

ВКП(б) издают документ, без натяжки, можно сказать, эпохального значения. По традиции того времени назывался он длинно – «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоёмов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР». Суть плана фактически повторяла ту памятную фразу В.В. Докучаева о целях Особой экспедиции. Перечисленные в нём мероприятия предусматривали реализацию всего самого прогрессивного и передового из опыта отечественного земледелия.

Самым грандиозным можно считать создание государственных лесных полос, призванных встать бастионами на пути суховеев из пустынь и полупустынь Азии. Первой принимала на себя удар полоса по берегам реки Урал от горы Вишнёвая к Чкалову (ныне Оренбург), Уральску и вплоть до Каспийского моря. По обоим берегам намечалось посадить по три полосы шириной 60 метров каждая с расстоянием между ними 100–200 метров и протяжённостью 1080 километров. Следующей преградой становилась полоса от Саратова до Астрахани вдоль Волги протяжённостью 900 километров. Третий рубеж противостояния суховеям – полоса от Воронежа до Ростова-на-Дону по обоим берегам Дона. Её длина – 920 километров.

Всего предусматривалось посадить восемь государственных лесных полос общей протяжённостью 5320 километров. Предстояло выполнить колоссальный объём работ на благо природы. Ничего подобного история человеческой цивилизации не знала. Целые государства исчезали с лица земли из-за вырубки лесов, вытаптывания пастбищ, опустынивания пашен, обмеления рек и озёр, но никогда и ни в одной стране даже не пытались вернуть природе её благодатный, естественный облик в планетарном масштабе. Исключением можно считать нынешний Израиль, где на государственном уровне действует программа восстановления флоры и фауны земли обетованной библейских времён. Хотя

территория страны очень не велика, однако программа выполняется лишь в отдельных, заповедных местах.

Но вернёмся в наше Отечество. Объективности ради надо признать, что при всей своей грандиозности государственные лесополосы радикально защитить поля от суховеев не могли. Это очевидно. Слишком велико расстояние между ними. Ветер, ударяясь о зелёную стену, терял знойный напор лишь на несколько сот метров, а вскоре опять набирал прежнюю силу. В основном лесополосы защищали береговые линии от ветровой и водной эрозии, берегли притоки, обеспечивали полноводность важнейших рек страны.

Серьёзно нейтрализовать влияние засухи могли насаждения непосредственно на полях колхозов и совхозов. Потому к 1965 г. планировали посадить более 6 миллионов гектар лесополос, закрепить деревьями и кустарниками пески, овраги, балки, берега прудов и озёр. Невозможно визуально представить себе такую площадь, но легко оказаться под сенью лесной полосы, вдохнуть аромат разнотравья, увидеть спеющие хлеба, почувствовать, как сердце наполняется счастьем от одной мысли, что все поля моей страны под надёжной защитой.

Про масштаб страны не оговорился, потому что как только весной 1949 г. начались посадки в европейской части СССР, к аналогичным работам приступили в республиках Средней Азии, в Сибири и даже на Дальнем Востоке. Закладывали десятки питомников для выращивания посадочного материала, открывали лесозащитные станции и учебные заведения для подготовки специалистов агролесомелиорации. Машиностроительная промышленность приступила к производству необходимой техники. Массовыми тиражами печатали брошюры, карты, плакаты, листовки, пропагандирующие лесонасаждения, объясняющие их суть и смысл. Хозяйственная задача становилась идеей, объединяющей страну и народ.

Вскоре серьёзный научный документ «О плане полезащитных лесонасаждений...» для краткости и вдохно-

вляющей благозвучности получил новое название – «Сталинский план преобразования природы». Под таким названием он вошёл в историю, в школьные учебники, в умы соотечественников, окрашивая чёрным декором репрессий благое дело. Перестарались идеологи. Сами того не ведая, заложили под план заряд сокрушительной силы, который и рванул вскоре после смерти Сталина.

Новое название никак не отвечало самой сути плана. В нём ведь ни слова не было сказано о насильственном или конъюнктурном преобразовании природы. Ставилась задача – перевести земледелие на разумную, научно обоснованную систему, защитить поля от засух, избавить страну от угрозы голода. Цель ясная, доступная для понимания широким слоям населения.

Вместе с тем надо признать – в истории нашего Отечества действительно был план нешуточного преобразования природы. Только к полезащитным лесонасаждениям он не имел ни малейшего отношения, а Сталин о нём даже слышать не мог, поскольку появился план через много лет после его смерти. На первом этапе был засекречен и носил кодовое название «Тайга». У нас вообще питали нездоровую страсть к секретности, а у этого документа имелись на то серьёзные основания. План предусматривал переброску стока северных рек на юг. В частности, предлагали воды Печоры перекачивать по искусственноному каналу длиной 2400 километров и шириной 200 метров в Каму, по ней в бассейн Волги, чтобы поднять упавший до рекордно низкой отметки уровень Каспийского моря. Русло канала собирались создавать атомными взрывами малой мощности. Специалисты подсчитали – потребуется 250 взрывов.

Вот это преобразование природы могло завершиться её полным уничтожением на месте взрывов и заражением радионуклидами огромных площадей. Радиоактивная вода из канала, протекая по Каме и Волге, стерилизовала бы, в смысле отключала механизм размножения всему живому в реках, по берегам, в самом Каспии, вызывая мутацию, последствия которой даже представить

жутко. Здоровье соотечественников, состояние природы сторонников плана не беспокоили, поскольку дело сопрягалось с миллиардными вложениями.

Первый заряд подорвали в первозданной тайге между Печорой и Колвой. Оставшийся от взрыва котлован скоро затопило, и образовалось озеро. В правительстве страны нашёлся грамотный человек, понимающий губительное действие радиации, и от 249 взрывов отказались. Первый атомный взрыв, к нашему счастью, оказался последним. Решили копать канал традиционными механическими способами.

План поворота рек родился в недрах Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР. Как и всякая, однажды созданная чиновничья структура, министерство нуждалось в непрерывной финансовой подпитке. Говорят, если цель оправдывает средства, то в данном случае средства оправдывали любую цель, пусть самую бездарную и даже вредную.

Когда работа над проектом поворота уже завершилась, Минводхозу оставалось сделать последний наём, чтобы получить доступ к государственной казне на многие годы, уровень Каспия в соответствии с гидрологической цикличностью начал подниматься. Без дополнительного стока. К тому же «проект века», как его ни прятали и ни скретили, стал достоянием общественности. Вокруг него разгорелась ожесточённая дискуссия. Сначала в ней участвовали учёные, специалисты, потом подключились писатели, журналисты. Идеологическим куратором оппозиции стал известный писатель С.П. Залыгин, в то время главный редактор журнала «Новый мир». Бывший мелиоратор, он со знанием дела выступал против плана, доказывал его экологическую бесперспективность. Точкой в дискуссии стало принятие 16 августа 1986 г. решение Политбюро ЦК КПСС, признавшее целесообразным все работы с поворотом рек прекратить. Общественность победила.

По плану лесонасаждений дискуссий в стране не было, его просто выполняли. К 1953 г. агролесомелио-

рация, как наука и практика, обрела оптимальные организационные формы, работа наладилась, укрепилась материально-техническая база, упорядочились проектно-изыскательские и научные исследования. Конечно, идеализировать положение вещей нельзя, далеко не всё шло гладко. Помимо объективных трудностей, вроде нехватки саженцев, техники, людей, зачастую показуха губила насаждения буквально на корню. Местное руководство из кожи вон лезло, чтобы блеснуть небывалыми трудовыми успехами, отрапортовать о перевыполнении плана, обязательств. Темпы и в самом деле взяли головокружительные. Если объём работ, выполненных в 1949 г., принять за 100 %, то в 1950 г. было 242 %, в 1951 г. – 180 %, в 1952 г. – 170 %. Некоторые вызывались завершить план, рассчитанный на 16 лет, за 8 и даже за 5 лет. Но саженцы древесных и кустарниковых пород к идеологическому воздействию невосприимчивы. От громких лозунгов ни приживаться лучше, ни расти быстрее они не будут.

Работая с максимальным напряжением, проектировщики не успевали выдавать проектную документацию, а питомники отставали с поставкой саженцев всё в возрастающих количествах. Ждать не хотели, и лесополосы гнали по прямой, без учёта ландшафтных и почвенных особенностей. Посадочный материал оказывался случайным, не пригодным для местных климатических особенностей. Случалось, жёлуди для засушливых районов Поволжья завозили из Белоруссии. Полагалось посадки делать по чёрным парам, то есть в почву, освобождённую от сорняков, а сажали по весенней вспашке. Сорняки развивались быстрее, душили медленно растущие саженцы. Техники не хватало, люди работали вручную и без толку. В итоге изрядные площади лесопосадок погибали уже в первый год. Противники агролесомелиорации получили в руки увесистый аргумент и очень скоро им воспользовались.

В 1953 г., сразу после смерти И.В. Сталина финансирование плана прекратили, Главное управление полезащитного лесоразведения при Совете Министров СССР

ликвидировали. Посадку лесополос прекратили, выделенные под них земли начали возвращать хозяйствам под распашку. Летом молодые посадки остались без ухода и охраны. К осени погибли 36 % лесополос, посаженных с 1949 по 1953 г. Самое удручающее в откате то, что дискредитировали идею противостояния засухам комплексными средствами земледелия и защитного лесоразведения. Мечта о стабильности урожаев осталась за горизонтом.

Как ни печально, но надо признать, что в нашей стране великие идеи традиционно держались на диктаторах и фанатиках. В 1953 г. не стало диктатора, но, слава Богу, остались фанатики. Они продолжали делать великое дело на благо страны. Спокойно, деловито, без победных реляций и фанфар. Сократили объёмы работ, но не прекратили сажать полосы железнодорожники. Слишком очевидны были для них защитные функции насаждений. Даже в самые снежные и метельные зимы пути под прикрытием лесополос не переметало и не заносило, благодаря чему удавалось соблюдать чёткий график движения поездов, экономить силы и средства на расчистке. Насаждений было размещено на площади 420 тысяч гектар. Стоит вспомнить, что планировалось посадить 402 тысячи.

Сегодня все полосы вдоль путей в прекрасном состоянии, выпадений практически не наблюдается. За ними как нигде старательно и грамотно ухаживают. Работа железнодорожников на виду у всей страны. Любой пассажир из окна вагона сам может убедиться в их добросовестности. Кроме того, есть ещё один внешне не заметный, но экологически значимый эффект. Накопившийся за зиму в насаждениях снег весной тает и питает окрестные родники, ручьи, реки.

Большим достижением можно считать завершение посадки лесов на песках вокруг Воронежа. Многие ведь даже не знают, что город окружают сплошные пески, и пыльные бури были обычным явлением. Благодаря насаждениям Воронеж избавился от пыли, получил зелёные зоны отдыха. Большой частью леса сохранились.

А вот надолго ли, сказать трудно, поскольку сегодня идёт форменное истребление пригородных лесов.

На изрядном протяжении осталась целой государственная лесная полоса Воронеж – Ростов-на-Дону. Если посмотреть на цветную карту лесов нашей области, то полоса предстанет двойным изумрудным ожерельем по обоим берегам Дона вплоть до границы с Ростовской областью. Она даже на коротких участках потеряла прямолинейность, стала прерывистой, расплывчатой, сомкнулась с естественными лесами и сама стала длинным лесом. Начинается полоса сосновым в Юго-Западном районе города, около трамвайного кольца. Памятное место, достойное внимания и заботы.

Настоящий памятник насаждениям – лес вокруг села Ямное в Рамонском районе. Он смыкается с единственным в пригороде старинным урочищем Соть. Многим покажется удивительным, но там сплошные пески. Просто какая-то прореха в окружающем чернозёме. Село на песке, окрест пески, холмы, сбегающие в пойму Дона, тоже песчаные. Хватало ветерка чуть посильнее, чтобы пыльные тучи окутывали село. Поколениями жители удобряли приусадебные участки навозом и сформировали тонкий слой бледной супеси, на которой при обильном поливе удавалось выращивать овощи. И не более.

Закрепление песков началось в переломном 1953 г. Везде посадки лесов прекратили, а тут развернули во всю мощь. Именно в этот год председателем местного колхоза стал Михаил Владимирович Батухтин. Лесовод по призванию, образованию, человек светлой души и беспредельной любви к своей земле, пусть не щедрой, но оттого не менее дорогой и близкой. Стоит хотя бы в двух словах рассказать его биографию. В 1942 г. он, будучи студентом Воронежского лесотехнического института, добровольцем ушёл на фронт. После Победы вернулся в звании капитана и продолжил учёбу в институте. Не постеснялся боевой офицер сесть на студенческую скамью. В 1948 г. институт закончил и сразу был направлен на самый ответственный по тому времени участок – посадку лесополос.

Когда посадку свернули, лесомелиоративные станции позакрывали, успевшего зарекомендовать себя талантливым руководителем М.В. Батухтина направили поднимать лежачий колхоз, носивший по иронии судьбы имя Сталина. С поставленной задачей Михаил Владимирович справился. Ввёл научно обоснованный севооборот, освоил травопольную систему земледелия. Урожай зерновых, овощей, надои поднялись до рекордных уровней. Колхоз стал школой передового опыта для всей области. Заслуги председателя отметили высоким званием Героя Социалистического Труда.

При всём при том М.В. Батухтин оставался великим ослушником, годами шёл по лезвию бритвы, но своей приверженности лесонасаждениям не изменил. Когда для демонстрации лояльности полагалось ругать лесополосы и вытираять ноги о «Сталинский план», Михаил Владимирович буквально с первых дней своей председательской деятельности развернул посадку лесов, фактически выполнял требование плана о закреплении песков. Поднял весь колхоз, работали и стар и млад, устраивали субботники, воскресники. Ведь план сдачи сельскохозяйственной продукции колхозу не только не уменьшали, но ежегодно увеличивали. Сам М.В. Батухтин не гнушался брать в руки лопату и работать наравне со всеми. Ближайшим соратником и помощником была его супруга Татьяна Павловна. Профессиональный лесовод, она взяла на себя лесоустроительные работы, сама с радостью великой сажала сосенки. Немногие сейчас в Ямном знают, что Татьянин лес за северной околицей села назван в честь Татьяны Павловны.

За 32 года работы М.В. Батухтина на посту председателя окрестности села изменились до неузнаваемости. Первые, самые массовые посадки стали взрослыми сосновками, поднялись зелёной стеной на пути суховеев. Лесов посадили на площади в тысячу гектар, а всего земельных угодий колхоз имел 3,7 тысячи. Засадили все неудобья, овраги, балки и пески. Вдуматься только, какой титанический подвиг совершили колхозники на благо природы! На каждого живущего здесь, включая

грудных младенцев, приходится по гектару рукотворных лесов.

За годы кочевой журналистской жизни объездил всю страну с востока на запад и с севера на юг. Искренне восхищался массовыми посадками саксаула в пустыне Кызылкум, любовался ухоженными лесополосами на Украине и в Белоруссии, но масштаба, подобного яменскому, нигде не видел.

Лебединой песней М.В. Батухтина стала берёзовая аллея, посаженная по его инициативе и при его непосредственном участии на въезде в Ямное. В белом ликующем великолепии она прекрасна в любое время года. Оказываешься под её сводами, и душа наполняется благодарностью подвижникам, долгие годы жившим и работавшим по планам на благо природы.

ПОД СЕНЬЮ ГРЕЦКОГО ОРЕХА

В древние времена нынешнюю Европу населяли племена, имевшие календарь, по которому каждому человеку по месяцу его рождения определяли дерево – символ, талисман, хранитель. У одних был дуб, у других – сосна, у третьих – ель и так на все двенадцать месяцев. Все деревья наделялись замечательными свойствами, однако в полной мере раскрывающимися лишь перед избранным человеком.

Если бы наши предки знали грецкий орех, то, пожалуй, именно его выбрали бы деревом-хранителем и покровителем для всех. Он один соединяет достоинства и качества остальных. Под сенью грецкого ореха чувствуешь себя необыкновенно покойно и уютно, как рядом с добрым и щедрым человеком, готовым отдать тебе последнюю рубашку.

В самом деле. О высоких достоинствах орехов знают все. Помню, в скучные послевоенные годы их заворачивали в фольгу, вешали на новогодние ёлки, как игрушки и диковинные подарки неизбалованной детворе. Орех ещё раз удивлял, когда под ударом молотка скорлупа распадалась и являла на свет причудливо пережатое извилинами ядрышко необыкновенного маслянистого вкуса.

Ядро грецкого ореха – форменный склад белков, витаминов, углеводов, оказывающих самое благотворное влияние на организм вообще и деятельность мозга в частности. Может быть, даже есть особая символика в том, что половинки ореха удивительно похожи на полушиария человеческого мозга.

Весь грецкий орех – одна сплошная польза. Из зелёных, ещё незрелых орехов варят необыкновенно вкусное варенье. Это настоящий деликатес. Листья обладают антисептическими, тонизирующими свойствами, улучшают обмен веществ, подавляют воспалительные процессы. В измельчённом виде их просто прикладывают к больному месту или делают отвар и пьют. Лечебными считают хрупкие перегородки внутри ореха.

Обожают грецкие орехи белки. Большую часть урожая они растаскивают или съедают прямо на дереве. На возмущённые крики хозяев, хлопанье в ладоши, бряцанье палкой по ведру они не обращают внимания. Интересно знать, откуда эти шустрые зверушки узнали о питательных свойствах грецких орехов. В окрестных дубравах и сосняках они никогда не росли.

Фитонциды, источаемые листвой, отпугивают насекомых, оздоравливают воздух. Под орехом всегда свежо и удивительно легко дышится. В деревне летом много мух, и людям приходится прилагать немало усилий, чтобы избавиться от них хотя бы в доме – затягивают окна сеткой, марлей, занавешивают двери. Но если дом под сенью грецкого ореха, то поблизости мух уже не бывает. За годы жизни в деревне убедился на собственном опыте и не устаю благодарить свой орех за санитарную защиту.

У специалистов-краснодеревщиков высоко ценится древесина грецкого ореха. Из неё делали дорогую мебель. Помните незабвенные двенадцать стульев мастера Гамбса? Они были из ореха. Поныне приклады охотничих ружей на заказ делают из ореха.

Уму непостижимо, как поднимается у человека рука рубить грецкий орех, так щедро и разносторонне наделённый благодатью. Поднимается. И даже по глупости, правильнее которую можно было назвать варварской жестокостью. Но об этом чуть позже.

В России грецкий орех считался заморской диковиной. И действительно, его завезли из далёкого Средиземноморья. О происхождении говорит само название – грецкий, то есть из Греции. Доставили по распоряжению самодержца-реформатора Петра Первого. Сначала его выращивали на Украине, где мягкий климат более подходил для теплолюбивого южанина. Оттуда грецкий орех начал неспешное продвижение по южным землям России. За три столетия поднялся на север до Воронежской области и остановился. Похоже, надолго.

Много лет Воронеж был настоящим центром селекции и распространения орехоплодных культур. В трудные послевоенные годы у государства нашлись средства для научных исследований, и в институте генетики и селекции леса создали группу учёных специально для работы над ореховыми культурами. В сферу их интересов вошли грецкий и маньчжурский орех, фундук, чёрный и серый орех. Основное внимание уделяли грецкому. Начали с самого простого и доступного по тем временам – засеяли плантацию завезёнными грецкими орехами. Заранее знали, что в первую же зиму изрядная часть сеянцев вымерзнет, зато оставшиеся подадут надежду на выведение нового, зимостойкого сорта.

Так и случилось – морозы сделали жёсткий отбор. Через несколько лет остались деревца, способные выживать в нашем климате. Они стали основой для селекционной работы. Из них отбирали самые урожайные и с хорошими вкусовыми качествами орехов. Недалеко от института учёные заложили уникальную для нашей

зоны рощу из 150 саженцев. Через 40 лет они стали величавыми гигантами.

Первый раз рощу посчастливилось увидеть в 1988 году. Она была ещё во всём великолепии, деревья благоденствовали и обильно плодоносили. На языке так и вертелся наивный вопрос: «Неужели у нас могут расти грецкие орехи?»

Теперь о воронежской селекции грецких орехов приходится говорить в прошедшем времени. Маточную плантацию извели, в ореховой роще развернули строительство элитных особняков. Большую часть деревьев вырубили.

Будто в каменную стену лбом упираешься, пытаясь понять психологию этих новых русских. Казалось бы, уж если удалось хапнуть кусок земли с уникальными деревьями, так сохрани их. Есть даже материальная выгода – не надо грецкие орехи на рынке покупать. Требуется-то всего на метр в сторону подвинуть забор, гараж или баню. Нет, одни вырубили, другие бульдозером прямо с корнями вывернули, выпихнули на обочину. В холодные осенние дни строители жгли костры из ценной ореховой древесины, грелись.

Единственным утешением для всех неравнодушных к родной природе остаётся распространение грецких орехов среди садоводов-любителей. Сегодня орехи выращивают в 21 районе области, даже в северных Семилукском и Рамонском. Конечно, о селекции на серьёзной научной основе речь не идёт. Удачей можно считать, если садоводу удалось вырастить дерево до той долгожданной поры, когда оно начинает плодоносить. Забот с ним много, поскольку действовать приходится методом проб и ошибок. Собственно, другого пути нет – ведь грамотных методик по выращиванию грецких орехов никто не издавал.

Например, совершенно случайно узнаешь, что все орехоплодные культуры плохо переносят кислые почвы, под них обязательно надо вносить доломитовую муку, известь или золу. Да что там почва! Даже время сбора орехов определяешь опытным путём. В конце августа

гладкая зелёная кожура у них трескается от вершинки радиальными трещинками, расходится, показывает острый «клювик» готового ореха. Думаешь, поспел, начинаешь собирать урожай, а орехи ещё недозрелые. Надо ждать, пока трещины не разойдутся дальше, кожура начнёт расходиться лепестками. Через несколько дней орех отсоединится от плодного места, будет готов выпасть, вот тогда он действительно созрел.

Оказывается, грецкий орех болезненно переносит обрезку, столь естественную при формировании кроны для всех деревьев. На месте среза, даже замазанного садовым варом, древесина часто загнивает, образует дупло, требующее уже серьёзного лечения. Поэтому толстые сучья, если упущено время, лучше вообще не трогать, а формировать крону подтягиванием ветвей. Если уж резать, то молодые, ещё зелёные побеги. Тем паче, что в августе их вообще надо удалять. Они всё равно не успевают одревеснеть, зимой подмерзают, и весной дерево болеет.

Хлопот с грецким орехом много. А уж как долго тянутся годы в ожидании первого урожая! Зато какое удовольствие слышать от гостей, пришедших на усадьбу, по-детски наивный вопрос: «Неужели у нас растут грецкие орехи?»

ЦЕЛИТЕЛЬ И ДРУГ

Если прямо на улицах города спрашивать прохожих, какой у них любимый цветок, то большинство назовут розу. И это понятно – символ любви, красоты, быстро проходящей молодости. Букет роз – лучший подарок. И вообще «миллион, миллион алых роз» – для многих предел мечтаний. Для многих, но не для всех. Много лет знаю очень милую женщину, которая всем цветам

предпочитает ромашки. Она их просто обожает. Сам буквально преклоняюсь перед геранью. Не наглядусь на её яркие пунцовые цветы и не надышусь чуть горьковатым ароматом!

Герань – любимый цветок наших бабушек. Когда-то она росла во всех домах. Хоть в консервной банке, но обязательно красовалась на подоконниках, как в городе, так и в деревне. Кому-то из идеологов пришло в голову (надо полагать, не от большого ума) объявить герань вместе с белыми слониками и кружевными салфетками символом мещанства. Кому же хочется быть в числе серых, осмеянных мещан, – и ни в чём не повинную герань понесли в мусор. Объективности ради должен признаться, что и сам в молодости к герани тёплых чувств не питал. Совершенно не нравился её запах и, конечно, принадлежность к мещанскому быту.

Но вот что удивительно – с годами отношение к герани стало меняться. Однажды, уже в зрелом возрасте почувствовал её аромат и замер, будто встретил почти забытую подружку детства. Таким манящим и нежным пахнуло, что я опустил лицо в тёплые, пушистые листья, дышал и не мог надышаться её ароматом. Охватывало спокойствие, умиротворение, все мои сложности, трудности, обиды, огорчения отступали, казались несущественными, и лишь слышалась мелодия свирели, призывающая довольствоваться малым, радоваться жизни сегодня и сейчас. С тех пор герань вместе с экзотическими растениями вроде амазонской лилии, монстры, юкки поселилась в нашем доме. Горшок с пахучей скромницей стоит на подоконнике, возле письменного стола, и за день несколько раз подхожу к ней, чтобы вдохнуть аромат.

Люди всегда достаточно много знали о целебных свойствах трав, цветов, кустарников, деревьев. Есть даже наука – гомеопатия, изучающая лечебное воздействие растений на организм человека. Например, герань успокаивает нервную систему. Вот и ответ на вопрос, почему с возрастом меняется к ней отношение. В молодости мы понятия не имеем о нервной системе,

и нам нечего успокаивать. Иное дело на склоне лет. То давление поднимается, то сердце стучит с перебоями, то головные боли мучают. Таблетки, капли уже не помогают, а тут подышал над цветком минуту – и ты в норме.

Испокон веков рука об руку с лечебным применением растений идёт мистика. В ночь на Ивана Купалу (7 июля по новому стилю) ищут цветок папоротника, чтобы с его помощью открывать клады. Корень одолень-травы (так в старину называли царицу наших вод кувшинку) матери зашивали в ладанки и вешали на грудь сыновьям, чтобы помнили отчий дом в дальних краях и в битвах одолевали врагов.

В наши дни мистический туман вокруг растений стал ещё гуще. Наверное, уже ни один цветок не остался обделённым волшебными достоинствами, а деревья наших и заморских земель стали целителями и даже аккумуляторами, способными подпитывать нас энергией. Более того, человека самого уподобляют дереву, выбранному в зависимости от дня и месяца его рождения. Авторитетом считается гороскоп кельтских жрецов – друидов. Жили кельты на территории нынешней Англии, Ирландии, Франции. Поклонялись природе и связывали характер человека с назначенным ему небесами деревом.

Моё дерево по гороскопу друидов – пихта. Не раз видел её в Сибири, где одно время жил и работал. Хвоя у неё короткая и удивительно мягкая. На том моё познание о ней и закончилось бы, если бы одна краткая, но яркая встреча. Под Новый год мы с друзьями пошли в баню. Парились пихтовыми вениками. Шёл от них такой упоительный аромат, и мы так пропитались им, что женщины в последующем застолье и особенно во время танцев просто млели. Как такое дерево не полюбить и не запомнить? К тому же достоинства человека-пихты выше всяких похвал. Правда, есть и недостатки, но кто же без них?

Наши предки не были индивидуалистами и назначение деревьев определяли лесами или рощами для коллективного пользования. У нас говорили: в сосня-

ке трудиться, в березняке веселиться, в кедраче Богу молиться. Отголоском того уважения осталась привычка стучать по дереву. Сам я убеждённый натуралист, но против мистики вокруг растительного мира ничего не имею. Почему не верить, если хочется? Лишь бы в людях воспитывалось уважение ко всему растущему на земле.

Порой мистика выглядит убедительно и являет себя где-то на грани действительности. Часто она базируется на научной основе. Например, на бесспорном теперь биополе человека и растения. Есть даже методика определения своего, наиболее подходящего для вашего организма растения. Надо взять узенькую ленточку из фольги, протянуть её несколько раз между пальцами и поднести к растению. Если оно ваше, то ленточка притягивается, если нет, то отклонится. У себя на усадьбе обошёл десятка два деревьев разных пород, начиная от яблони и кончая дубом. Ни к одному ленточка не притянулась и не оттолкнулась. Таким образом, обнаружилось полное безразличие ко мне моих питомцев. Опыт повторил с домашними цветами и получил тот же результат. Для полноты эксперимента решил испытать герань. Едва поднёс к ней звенящую фольгу, как она ахнула и буквально втянула в себя ленточку. Выглядело эффектно, но не убедительно – ведь случайность не исключена. Подносил несколько раз, и неизменно ленточка притягивалась.

Конечно, явление легко объясняется с позиций физики. Бархатистые ворсинки на листьях герани заряжаются статическим электричеством, и фольга, несущая противоположный заряд от трения о пальцы, неизбежно притягивается или оттолкнётся в руках любого. Но так уж хотелось верить в свою избранность, исключительную симпатию цветка именно ко мне, что я отбросил сомнения и твёрдо решил: герань – мой цветок. Теперь каждое лето высаживаю герань в большой вазон на крыльце. На просторе и на живом солнце она вырастает роскошным кустом метровой высоты и радует большущими пунцовыми шарами цветов. Бессчётно прохожу

за день мимо, обязательно полюбуюсь, дотронусь до листьев и вдохну аромат.

ПОКЛОН РАСТЕНИЮ

Самая короткая буддийская молитва «Ом мане падме хум!» в переводе звучит ещё короче: «О, божество, на лотосе!» Как вздох восторга и поклонения Будде. Бог – дело убеждений, цветок лотоса – непреложный факт, вызывающий восхищение у людей всех вероисповеданий и атеистов.

Растение, включая стебель, листья, семена, считается целебным. Из семян с добавлением риса варят кашу, которая улучшает слух, зрение и память. От изложения остальных рецептов воздержусь, поскольку нынешние авторы справочников переписывают друг друга, и зачастую предположение у одного звучит утверждением у другого.

На просторах нашей Родины лотос орехоносный (так его называют ботаники) растёт в низовьях Волги, Кубани и на Дальнем Востоке. Расстояния огромные, но природно-климатические условия схожие. Много раз бывал в дельте Волги и каждый раз заглядывал в укромное место, где растёт лотос. Мы глушили мотор, и лодка беззвучно скользила в рай. Наверно, он так и выглядит, если существует. В зеркальной глади воды отражались облака, небо и цветы небесной красоты. Большие ярко-розовые лепестки соединялись в круг, повторяли лиющую сияние чистой утренней зари.

Лотос, как и любой цветок, описать невозможно. Слова, термины, цифры дают представление о токарном станке, тепловозе, но лотос надо видеть, чтобы замереть в немом восторге и попытаться ответить на

справедливый вопрос: за что, за какие заслуги природа наградила нас такой красотой, чем мы её отблагодарим?

Осенью листья уходят под воду, на поверхности остаются сизые конические корзинки с глубокими круглыми гнёздышками. В них покоятся тёмно-серые шарики в плотной кожуре – семена лотоса. Резкие осенние ветры опрокидывают корзинки, семена падают в воду, течение несёт их дальше. Если условия оказываются благоприятными, то орешек прорастает и даёт жизнь новому растению. Однако буйного разрастания лотоса в дельте Волги не наблюдается. Даже вблизи от материнской плантации далеко не всякое место для него подходит.

Как-то осенью попытался засеять орешками озёра Донской поймы на территории Воронежской области. Лодки не было, и я с берега пулял орешки из рогатки подальше на чистую воду. Несколько лет приезжал на те озёра, надеясь увидеть сказочный цветок, но лотос на новом месте так и не появился. Очевидно, перемещение растения на 800 километров севернее исключило возможность для его роста.

В дебрях Уссурийского края есть другое мифическое растение, дарующее человеку долголетие и здоровье. Это женшень. Коренные жители поклонялись ему как божеству. Священный трепет вызывало сходство корня с человеческой фигурой. Вспомним гольда Дерсу Узала, проводника известного путешественника, картографа В.К. Арсеньева. Когда он нашёл женшень, опустился перед ним на колени и долго молился. Дерсу одухотворял всё живое в тайге, даже животных называл «люди». Женшень для него был священный «люди».

Женшень всегда был объектом пристального внимания фармацевтов, ботаников, просто энтузиастов. Всех завораживали его необыкновенные тонизирующие способности. Настой из него старикам возвращал молодость. Правда, ненадолго, всего лишь на короткие мгновения для продолжения рода. Сегодня до мельчайших подробностей изучен состав веществ, определяющих волшебные свойства корня. Женшень вырасти-

вают на плантациях в промышленных масштабах, а энтузиасты – в горшках на подоконниках.

Есть биохимические предприятия, где женщень выращивают на клеточном уровне. Был там, знакомился с технологией. Очень интересно.

Надеваем белые халаты и открываем дверь с табличкой «Стерильная зона». Здесь в полной темноте, при постоянной температуре и влажности воздуха растёт женщень. Свет включают на короткое время контрольных осмотров и сбора урожая.

Культура по внешним признакам ничего общего с легендарным корнем не имеет. На деревянных стеллажах бесчисленными рядами стоят тысячи стеклянных банок с питательной желеобразной смесью. Делается она на основе агар-агара, извлекаемого из морских водорослей. В желе помещают кусочек живой ткани женщени. Разрастаясь, ткань быстро увеличивается в объёме, повторяя состав и свойства самого женщени.

Культура капризна, восприимчива к различным заболеваниям. Так, стоит температуре в помещении понизиться на один-два градуса, как она перестаёт расти и даже гибнет. Сюда нельзя заходить больным гриппом, ангиной. Банки перед заполнением тщательно моют и стерилизуют в автоклавах. Посадочный материал вносят длинными ложками из нержавеющей стали в непосредственной близости от пламени спиртовых горелок. Огонь стерилизует воздух в рабочей зоне.

Через месяц после посадки снимают урожай. В банках нарастает масса, напоминающая мокрые хлебные крошки. Их сушат, заливают водноспиртовым раствором, в который переходят вещества, определяющие ценность женщени. Стоит подчеркнуть – абсолютной идентичности с натуральным корнем нет, тождественность составляет 60–65 процентов. Тоже неплохо. Природа растит женщень десятилетия, а человек управляет за месяц. В принципе, так можно выращивать любое лекарственное растение. Почему бы и нет, если для парфюмерной промышленности? Только пусть всегда остаются на земле и радуют нас естественно растущие растения.

Наши предки славяне обожествляли природу, поклонялись растениям, верили в их волшебную силу. Даже банный веник на Аграфену-купальницу (6 июля) составляли из веток берёзы, ольхи, черёмухи, ивы, липы, смородины, калины, рябины, разных цветов и не сомневались в его чудесных качествах. Да и как не верить, если попариться благоухающим букетом. Уж точно прекрасное настроение будет обеспечено.

Христианство вытеснило языческие обряды, верования, но многое впитало, переиначило под церковные ритуалы. Например, в Вербное воскресение православные отмечают вхождение Иисуса Христа в Иерусалим. Там дорогу Спасителю устилали пальмовыми ветвями. У нас пальмы не растут, и верующие идут в церковь с букетиками распустившейся вербы. Именно в Вербное воскресенье славяне выгоняли со дворов скотину на пастбище. В воротах животных постёгивали веточками вербы, тем самым защищая их от возможных напастей, надеясь на хороший привес, приплод и щедрые надои. Чтобы продлить защитные действия вербы, её оставляли над воротами, и животинушка дважды в день проходила под ней. Про обряд с вербой не из книжек вычитал, а услышал из уст своей любимой бабушки, пензенской крестьянки.

Почему так почитаема верба? Скорее всего, потому что первой своим цветением извещает о приходе долгожданной весны, тепла. Да, к этому времени уже цветёт лещина. Но её мужские соцветия – серёжки цветами не считаются, а женские цветочки столь мелки и невзрачны, что заметить их можно лишь, если специально обследовать кустарник. Белые, пушистые «котята» вербы не заметить невозможно.

Чтившие природу наши предки поклонялись даже заурядным, на современный взгляд, растениям. Так, в ночь на Ивана Купалу (7 июля) в домах, на подворьях раскладывали крапиву. Жгучая, пахучая, она должна была отгонять нечистую силу, особенно активную в эту колдовскую ночь. В жаркий костёр бросали пучки крапивы и шиповника, чтобы сгорели болезни и беды.

Сегодня мы принимаем эффект внушения, соглашаемся с ним. Даже не имея в виду гипноз. Прекрасно знаем, что человеку может помочь пустая таблетка, как медики говорят, плацебо, если выдать её за сильнодействующее лекарство. В психологическом воздействии растений можно не сомневаться. Каждое из них – чудо природы. Одно радует красотой цветов, другое исцеляет, третье годится в пищу. Та же крапива съедобна, полезна и феноменальна своей способностью обжигать. Много лет назад в одной популярной брошюре вычитал про её стрекательные клетки. В каждой якобы пружинкой свёрнут тонюсенький волосок с ампулой раздражающего сока. Достаточно лёгкого прикосновения, чтобы клетка «стрельнула» волоском. В детстве, бывало, когда по летнему времени на тебе, кроме трусииков, ничего нет, даже мимолётная встреча с крапивой оставляла ну очень сильное впечатление. Потому в наличии стрекательных клеток не сомневался практически всю жизнь.

Уже нынешней осенью решил посмотреть, как действуют стрекательные клетки. Сорвал стебель крапивы, аккуратно вырезал из молодого листа образец и положил под микроскоп. Касался поверхности образца тонюсеньким древесным волоконцем, но ни одна клетка не стрельнула, я их вообще не увидел. Для верности опыт повторил несколько раз. Результат оставался неизменным. Тем не менее, волоски обнаружил. Просто они в постоянной готовности и так остры, что вонзаются в кожу при малейшем касании. Авторитет крапивы в моих глазах не поблёк, и почтение к ней осталось прежним.

Чарует всех неземная красота царицы вод – кувшинки. Она и правда неземная, потому что растёт в воде. Фарфоровой белизны лепестки её цветов на чёрном зеркале стоячей воды имеют колдовскую силу. На кувшинку можно смотреть бесконечно и чувствовать, как душу наполняет счастье и гордость за свою землю, если на ней есть такая красота. Увидев раз, забыть белый цветок нельзя. Потому матери, провожая сыновей в

дальнюю дорогу, вешали им на шею ладанку с корнем кувшинки. Верили, что в чужих краях корень-оберег будет греть сердце сына, не забудет он Родину и обязательно вернётся.

Недалеко от моего дома есть озеро, где растут кувшинки. Люблю в нём купаться. Заплываю подальше от берега и любуюсь белоснежными цветами. Однажды нырнул в чёрную холодную глубину, нашупал бугристый корень и поднял на поверхность. Внешний вид разочаровал – корявый, толстый, белёсый. Зато на срезе оказался чисто кремовым. Поразил исходящий от него едва уловимый, нежно-щемящий аромат. Корень у меня долго лежал, высох, но на изломе продолжал пахнуть. Наверное, и в ладанке корень, высыхая, источал незаметный, но продолжающий действовать на память человека аромат, и звал его под кров отчего дома. Не утверждение, но всего лишь предположение о природе магического действия корня кувшинки.

Невольно спрашиваешь, что же нынешние матери не вешают ладанки с корнем своим сыновьям, уезжающим в чужие страны? Тысячи умных, трудолюбивых, энергичных покинули Родину. Проходят годы, а они и не думают возвращаться. Неужели чужая красота может греть сердце?

Есть растения, не отличающиеся ни броской красотой, ни ароматом, но тоже наделённые магической силой. Таков синеголовник. В наших местах целые заросли можно встретить по берегам Дона. Его синие шарики-соцветия обильно покрыты короткими шипами. В домах держали как верное средство от глаза. А вот соцветие рогоза (его по незнанию часто называют камышом) – длинные коричневые початки – в дома даже не заносили. Объяснений на этот счёт ни услышать, ни прочитать не удалось. Не к добру, и всё тут.

Оберегом может считаться даже дикий виноград с поэтическим названием «девичьи слёзы». Наверное, потому что ягодки у него маленькие, как слезинки. Если виноград посадить вдоль забора, то года через два он разрастётся в зелёную завесу и закроет усадьбу от

любопытных взглядов. Чем не оберег от сглаза? Осенью листья винограда делаются великолепного пурпурового цвета. Редкая по красоте картина никого не оставляет равнодушным. Проходящие мимо невольно замедляют шаг, любуются. В таком восторженном состоянии опять же никто и никому не причинит зла.

ЖИВАЯ СИЛА

Дерево не из числа самых прочных материалов, хотя построенные из него дома, церкви служат веками. За эталон прочности принято жалезо. Мы даже волевых, стойких людей называем железными. Однако есть на просторах нашего Отечества дерево, способное по прочности поспорить с металлом. Это лиственница. Древесина у неё нежного розового цвета, необыкновенно плотная и тяжёлая. Во времена войны на сибирских рудниках из неё вытачивали шкивы для грузоподъёмных механизмов, и они работали не хуже металлических. Даже шестерни нарезали, только служили они недолго. Нужда заставляла проявлять изобретательность, а природа предоставляла возможность.

Лиственница, скорее, исключение. Дерево остаётся символом тепла, уюта. Тем не менее, оно способно вступать в единоборство с металлом и побеждать. Конечно, живое, растущее. Если пройтись по улицам города, обратить внимание на старые ограды вокруг скверов, то можно увидеть, как вяз наваливается стволом, мнёт, сгибает и даже разрывает металл.

Хотя деревья очень привередливы к соседству, многие просто не выносят друг друга, как только могут отгибаются, отклоняются, всем видом демонстрируют неприязнь и в то же время у них нет антагонизма с металлом. По крайней мере, не замечают его. И, если

встречают на пути, то не уступают. Дерево наплывает на ограду, обволакивает, поглощает, вбирает в себя кованые стержни, полосы и продолжает расти. Однажды металл не выдерживает напора живой силы и рвётся.

Совсем не редкость в городе взломанный древесными корнями асфальт. Сколько угодно свободной земли в глубине, но почему-то женственной лице надо пустить корни поверху и разворотить тротуар. Люди ломами, отбойными молотками с великим трудом долбят закаменевший битум, а живая древесная плоть ломает его как печенье.

Даже домашние цветы могут показать эффектный силовой трюк. Корни очень распространённой у нас сансевиерии (в обиходе «щучий хвост») запросто разорвут керамический горшок, если им стало тесно, а хозяева задержались с очередной пересадкой. Корни даже комнатных растений достаточно плотны, жёстки, можно допустить их способность сокрушать преграды, но как взламывает асфальт нежная грибная мякоть? Вот загадка.

Однажды во дворе старого городского дома заметил на асфальте странную шишку. Пона наблюдал за ней. День ото дня шишка всё больше и больше выпячивалась, наконец, лопнула, в трещину проглянула жизнерадостная белизна. Скоро куски асфальта отвалились, и явился во всём великолепии круглый, чистый, без единой царапины шампиньон.

Понятно, грибница, разрастаясь с ближнего газона, могла проникнуть под асфальт. Тут ничего особенного нет. Но почему гриб под жёстким прессом асфальта не деформировался, не расплющился в блин, какая сила помогла ему взломать асфальт и выйти на поверхность целёхоньким? Вот это уже непонятно.

Живая сила растений поражает. Иногда она несёт в себе нешуточную опасность и проявляется самым коварным образом. Всем известно, горох, набухая, увеличивается в объёме и лопается. Хозяйки специально его заливают, чтобы лучше разваривался. В условиях кухни ничего особенного, а в исключительных случаях

способность гороха чревата катастрофой. Известен документально зафиксированный случай, когда грузовое судно затонуло по редчайшей причине – засыпанный в трюмы горох разбух и разорвал корпус. Вот такая гороховая каша с корабельными обломками посреди океана.

Откуда в слабых растениях берётся неимоверная сила, как она образуется? Теоретически можно объяснить осмотическим давлением в растительных тканях, но практически воображения не хватает, чтобы понять суть явления. Примерно как с электричеством. Каждый знает про направленное движение электронов, но в сущности своей электричество остаётся грандиозной загадкой.

Как-то в телевизионной научно-популярной передаче о природе промелькнула просто ошеломляющая информация – растение способно развивать давление до 350 атмосфер. Силища! Такая действительно способна крошить асфальт и в клочья рвать сталь. Только не было сказано, как растительная клетка накачивает сверхвысокое давление, а главное, выдерживает его сама, не взрывается и не превращается в аэрозольное облачко. Ведь если в середину того же вяза подать воздух или воду под давлением 350 атмосфер, то ствол моментально разлетится в щепки. На очень приличное расстояние.

У природы великое множество феноменальных явлений, до сих пор не получивших объяснений. Среди них живая сила растений. Как всё малопонятное, она будоражит воображение, тянет за собой шлейф домыслов, мистификаций, магии. Не раз уже доводилось читать рассказы «очевидцев» о берёзах-вампирах. Будто за манивают они под свою сень неосторожного путника, хватают и со страшной силой оплетают ветвями. Бьётся он, как муха в паутине, но одолеть дерево не может, и выпивает из него берёзонька кровь по капле. Потому, дескать, валяются там в великом множестве черепа и скелеты несчастных.

Одним словом, жуть, не к ночи будь помянутая. Хотя впечатление достоверности производит. Ведь и в самом деле есть растения, питающиеся живыми существами.

В наших краях это росянка. Растёт на болотах, почвы там бедные, недостаток питательных веществ восполняет насекомыми. Приманивает яркий, всегда открытый цветок с блестящими капельками сока, имитирующими росу. Как только насекомое залетает внутрь, лепестки захлопываются, жертва падает на дно, в жидкость, вроде желудочного сока, и растворяется. Так росянка получает весь комплекс удобрений и микроэлементов.

Если способностями маленькой росянки наделить большую берёзу, то получится сценарий для фильма ужасов. Только мистика природе чужда. Все чудеса растительного мира имеют материалистическое объяснение. Другое дело, что мы ещё не всё знаем и как дети восторгаемся загадками природы. Впрочем, загадки сохраняют свою чарующую прелест, пока не разгаданы.

ЗАМОРОЧКИ ИЗ ТРАВЫ

Нас всё больше тянет к телевизионному экрану, к компьютерному монитору, к иллюзорному участию в чьей-то чужой, увлекательной жизни, полной острых ощущений и виртуальных приключений. Естественная жизнь на земле в окружении растений, насекомых, животных воспринимается как скучная, примитивная, совершенно не интересная современному человеку.

Так мы всё дальше уходим от природы, забываем её и, когда вдруг сталкиваемся с живым миром в том же виртуальном пространстве, поражаемся его обыденной жизни, как феноменальным явлениям на грани фантастики, искренне восклицаем: «Да может ли такое быть?» Может.

У нас в саду есть весьма распространённое растение – хоста. Цветёт красиво. Осенью куст обрезаю и засыпаю палой листвой. Весной открываю. Как-то припозднился, а когда открыл, увидел нечто невероятное – из земли лезли белые остроконечные штыри угрожающего вида. Объяснение им простое. Прелые листья созда-

ли благодатное для всходов тепло, и они бурно пошли в рост, но без солнечного света в них не формировался хлорофилл. В итоге получились заморочки.

Не фантастика ли способность бамбука, а это, по определению ботаников, трава из семейства злаковых, расти буквально на глазах? Из 1300 видов растения рекордсменом считается листоколосник съедобный. Он растёт по 7 сантиметров в час, более полутора метров в сутки. Потрясающая вегетативная активность. Вот бы узнать, чем она вызвана, и нельзя ли её передать другим растениям.

Высота бамбука достигает 40 метров, стебли его называют железной соломой. Прекрасный строительный материал, прочный, долговечный, надёжный и лёгкий. В индустриально развитой Японии именно из бамбука собирают строительные леса, прокладывают водопроводы и канализацию.

В наших краях бамбук тоже не диковина. Едва ли не в каждом доме есть бамбуковые удилища, лыжные палки или мебель. Годами, десятилетиями служат и не стареют. Знаю семью заядлых рыбаков, в которой бамбуковые удилища по наследству от отца достались сыну, а теперь перешли к внуку. Не исключено, что и правнуку достанутся.

Поражает способность бамбука отмерять время по этапам вегетации. Каждый вид цветёт как по звонку, одновременно, даже если растёт на разных континентах. После цветения также одновременно погибает. Независимо от того, было это единичное растение или целая роща. Неприятность для владельцев ботанического сада где-нибудь во Франции и катастрофа для людей, живущих окрест бамбуковых лесов в Китае. Местные жители занимаются заготовкой, переработкой бамбука, молодые побеги составляют изрядную часть их рациона.

Гибель растения на больших площадях подрывает основу жизни людей, а обитающего в бамбуковых лесах медведя панда вообще ставит на грань вымирания. Уникальное животное питается исключительно листьями бамбука, да ещё не всякого, а единственного,

выбранного раз и на всю жизнь. В связи со своей уникальностью и уязвимостью медведь стал символом Всемирного фонда дикой природы.

В наших краях практически повсеместно растёт ближайший родственник бамбука – тростник. Тот самый, который многие ошибочно именуют камышом. Обрамляет берега прудов, озёр, а в дельте Волги поднимается стеной, образует непроходимые заросли. Тоже удивительное растение. В недавнем прошлом им крыли дома даже зажиточные люди. Кроют и сейчас, но уже ради экзотики. В самом деле, современный особняк под тростниковой крышей выглядит очень интересно. Ещё и практично. Зимой под такой крышей тепло, летом прохладно. Чем дольше крыша служит, тем больше уплотняется, делается прочнее.

В период массового строительства жилья на селе из тростника строили дома. Снопы прессовали в плотные плиты, складывали из них стены, изнутри штукатурили, снаружи облицовывали кирпичом. Получалось дёшево, тепло и сухо.

По мере роста потребности в бумаге, картоне тростник стали использовать как сырьё для целлюлозно-бумажной промышленности. Построили три комбината в дельтах Дуная, Волги и Сырдарьи. Однако идея оказалась, мягко говоря, сырой: получить из тростника полноценную целлюлозу не удалось, потому ограничились производством упаковочного картона.

На Астраханском комбинате открыли ещё одно замечательное свойство тростника – он может расти в сточных водах и очищать их. Наиболее эффективным оказался тростник арундо. Внешне он мало отличается от бамбука. Суставчатые стебли достигают 6–7 метров, высыхая, набирают прочность, но сохраняют гибкость.

Для экспериментов неподалёку от комбината высадили плантацию арундо и отвели на неё часть стоков. Фактически экологи смоделировали дельту Волги. Сколько всяких нечистот принимает в себя великая река – всё несёт в дельту, а в Каспийское море вливается чистая вода – тростник очищает.

На модели с арундо результаты получились великолепные. После прохождения сквозь тростниковый фильтр стоки делались практически чистой водой, вполне пригодной для повторного использования в производственных целях. Только процесс оказался длительным. Чтобы очищать все стоки комбината, потребовалась бы плантация, по площади сопоставимая с дельтой. Да и та работала бы только в тёплое время года.

Промышленного применения идея не получила, но плантация осталась, тростник растёт, служит людям добрую службу. Местные рыбаки приходят вырезать удилища и остаются ими очень довольны – по качеству не уступают бамбуковым, а достаются бесплатно. Музыканты ещё не знают, что арундо – тот самый тростник, из которого для кларнетов, фаготов, гобоев делают трости – тонкие пластинки, воспроизводящие в потоке воздуха звуковые колебания. Арундо для музыкальных инструментов привозят из Марокко, а он, оказывается, растёт в своей стране.

Из той поездки в Астрахань привёз в качестве сувенира кусок тростника арундо. Он долго лежал без дела, пока не попался на глаза давнему приятелю, музыканту Воронежской филармонии. Ему для гобоя требовалась новая трость. С радостью отдал, а потом с удовольствием ходил на концерты слушать, как звучит тростник арундо.

Есть множество других растений, не имеющих достоинств ни тростника, ни бамбука, но по своей известности многократно их превосходящие. Один из них самый агрессивный сорняк наших садов и огородов – пырей. На лугах его ценят, на грядках проклинают, изживают всеми возможными способами и редко добиваются успеха. Живучесть пырея поразительна. Можно тщательно перекопать грядку, выбрать измельчённые корни, а через неделю-другую он тут как тут. Достаточно кусочка изрубленного корня, чтобы пырей, как сказочная птица феникс, снова возродился.

Проникающая способность пырея вызывает оторопь. Для него практически нет преград. На практике убедил-

ся. Чтобы защитить саженцы ореха от пырея, окружил их кольцом из полиэтиленовой плёнки, сложенной в два раза. Не помогло. Корни легко проткнули плёнку, вышли в круг плодородного грунта, дали многочисленные побеги.

Пырей насквозь протыкает клубни картофеля, морковь, лук, чеснок. И это ещё не всё. Как-то наткнулся в саду на рулон забытого рубероида. Попытался поднять, но безуспешно – рулон словно пришили к земле. Приложил изрядные усилия и с треском оторвал. Увиденное повергло едва не в столбнячное состояние. Рулон из двенадцати слоёв (потом специально пересчитал) насквозь был пронизан и оплетён корнями, стеблями пырея. Это какой же сокрушающей силой надо обладать растению, чтобы гнать и гнать тоненький корешок через мёртвую, ядовитую массу, пока он опять не выйдет в живую землю.

Корни растений обычно огибают оказавшуюся на пути препятствие, останавливаются или даже поворачивают назад, если не удается её обойти. Не таков пырей. Его корни развиваются кратчайшим путём, по прямой. Природа наделила его очень эффективным приспособлением для преодоления препятствий. Корень несёт роговой плотности, острое как игла, навершие. Им можно проткнуть всё, что угодно.

Не феномен ли в мире растений? Корни считаются лекарственными, съедобными. Вообще пырей – ценная кормовая культура. Сорт, выведенный для сельскохозяйственного возделывания, называется нежный пырей.

В мире виртуальных технологий всякие неожиданные загадки, неожиданные и замысловатые результаты называют заморочками. Там они редкость, в мире растений встречаются на каждом шагу. Надо только интересоваться.

ДАР БОГОВ

Много лет храню фотографию любопытного явления из жизни растительного мира. Сквозь щель в полу деревенского дома растёт вьюнок и поднимает-

ся вверх по шнуре электропроводки. Рядом для масштаба стоит утюг. Фотография слабенькая, художественной ценности не представляет, но даёт представление о живительной силе семян, способности прорастать в самых немыслимых условиях. Однажды на крыше разрушенной церкви видел берёзу весьма приличных размеров. Вон ведь куда занесло берёзовое семечко!

Это ещё что, многие семена способны перелетать на десятки, а то и на сотни километров. Вечные странники, они всегда в дороге, всегда в пути, осваивают новые страны и целые континенты. Далеко не всегда по воле природы, гораздо чаще вопреки её законам, но по желанию человека. Как только наш предок стал земледельцем и перешёл на осёдлый образ жизни, у него появилась необходимость пополнять семенной фонд с ближних и дальних земель, в меру своих сил заниматься селекцией.

Прошли тысячелетия, и в итоге даже на скромных огородах сельских бабушек благоденствуют в основном иностранцы. Правда, уже давно ставшие нам родными. Первый по значимости картофель и следующий за ним томат завезены из Южной Америки, тыква, кукуруза, фасоль, подсолнечник – из Центральной. Такие привычные и просто незаменимые в нашем рационе капуста, свёкла, морковь, редька, лук, чеснок – из Средиземноморья. Возделывают иноземные культуры столетия и редко задумываются, откуда их доставили. Раз только моя пожилая соседка поинтересовалась, откуда огурцы. Пришлось поискать в литературе и дать ей ответ – из Индии.

Простые земледельцы не утруждали себя экспедициями в дальние страны. За моря, за океаны отправлялись купцы. Люди энергичные, любопытные, они на удачу брали по горстке семян. Надеялись – вдруг приживутся на родной земле и дадут соотечественникам новые овощи, злаки. Желание естественное и знакомое многим из нас, хотя в наше время чреватое неприятностями на таможне. Помню, как у самого тряслись коленки, когда вывозил из Португалии пригоршню круглых семян какого-то диковинного растения. Будучи там на экскурсии в сельском кооперативе, с восторгом и завистью одновременно слушал рассказ хозяев об исключительной питательности этих самых семян. Свиньи растут с них буквально на глазах, дают вкусное беконное мясо. Переводчик не смог перевести португальское название растения на русский. А жаль – я бы не оконфузился дома перед известным учёным-агридием. Принёс ему показать свою «контрабанду» и уже предвкушал, как удивлю и обрадую его. Он посмотрел и самым будничным тоном заметил: «Нут. У нас во многих хозяйствах его возделывают. Хороший белковый корм».

Осчастливить соотечественников не удалось. Что делать – такова участь дилетантов.

Вот уж действительно неоценимый, просто фантастический вклад в отечественный банк семян и в развитие семеноводства внес наш соотечественник, известный учёный, генетик Николай Иванович Вавилов. По его инициативе в Ленинграде был создан Всесоюзный институт растениеводства. Он сам руководил многочисленными экспедициями сотрудников института за семенами. Они побывали в 60 странах мира. И не просто бывали, а с невероятными трудностями, лишениями, зачастую рискуя жизнью, забирались в самые труднодоступные районы. Итогом их подвижнического труда стала коллекция семян из 180 тысяч наименований, послужившая базой отечественной селекции и позволившая вывести новые сорта урожайных сельскохозяйственных культур.

В период блокады Ленинграда в институте оставалось всего 14 сотрудников. Они умирали от голода, но к коллекции не притронулись. А ведь там были семена пшеницы, ржи, гречихи, проса. Всего-то горсточка кому-то из них могла спасти жизнь.

Чтобы спасти жизнь всему человечеству в случае катализма планетарного масштаба, в Норвегии построили глобальный банк семенных фондов. Семена сохраняются в нём при любых обстоятельствах. Банк соружён в скальном массиве одного из островов архипелага Шпицберген на глубине 120 метров. Выдержит удар атомной бомбы и не будет затоплен, даже если растают ледяные шапки обоих полюсов. В 2008 г. началось заполнение банка семенами со всех континентов планеты. В высшей степени предусмотрительная акция в наше неспокойное время. Банк уже получил другое, многозначительное название – хранилище судного дня.

Люди всегда относились к семенам бережно и даже трепетно, ибо чётко представляли свою зависимость от них. Многие народы считали семена даром богов. Одни – все подряд, другие – избирательно. Например, ацтеки полагали таким даром кукурузу, не сомневались в её небесном происхождении, поскольку только она из всех сельскохозяйственных культур не может размножаться без помощи человека.

На первый взгляд аргумент выглядит убедительно. Початок плотно упакован, семена сидят крепко, не вдруг выковыряешь. Кажется, и в самом деле нет никакой возможности самостоятельно расселяться. Однако практика говорит о другом. Нынешним летом не раз наблюдал, как синички энергично теребят обёртку. Едва обнажаются зёрна, они их выклёвывают. Также действуют сойки. Эти тяжелее лёгоньких синичек, початки под их тяжестью обламываются. Птицы оттаскивают их на открытое место и клюют. Наверняка при этом хоть несколько зёрен теряется. Вот вам и посев на будущий год. Надо думать, в Центральной Америке среди местных пернатых и четвероногих есть любители питательных зёрен кукурузы. Они и помогали ей распространяться

по континенту. Способ в природных условиях широко известен. Так что не будем говорить о божественном происхождении растения.

Для кого семена воистину дар богов, так это для птиц. Горсть подсолнечных семечек морозной и снежной зимой может спасти стайку синичек. Летом они сами находят шляпки подсолнечника и вместе с воробьями дочиста их выбирают. Да и не жалко. Как говаривали в старину, семь лет мак не родил, и голода не было. То же самое можно сказать о двух, трёх подсолнушках на огороде.

КАРТОШКА-ОБЪЕДЕНЬЕ

Ах, картошка-объедение, пионеров идеал, тот не знает наслажденья, кто картошки не едал». Озорная пионерская песня вместе с ароматом и вкусом печёной картошки служила символом детства не одному поколению соотечественников. Надо сказать, здоровым, жизнерадостным и полезным, в отличие от нынешних чипсов и чупсов. Горланили мы ту песню и искренне верили в исключительные вкусовые достоинства картошки.

Чего другого, а картошку у нас «едала» вся страна, в трудные времена ей спасалась. На деревенских улицах сам собой складывался порядок, когда первую молодую картошку варили в ведёрных чугунах перед домами. Сегодня одни, завтра другие. К костру без церемоний подходили и дети, и взрослые. В жарком пламени чугун скоро закипал. Вот уж его сливают, опрокидывают на расстеленные лопушки, к вечернему небу взлетают клубы пара, окутывают упоительным ароматом укро-

па и первой, такой желанной молодой картошки. Всем хватало, никто не был лишним.

Огороды имели большие, картошки сажали помногу. Поисками урожайных сортов себя не утруждали. У всех был свой, проверенный десятилетиями. И что удивительно, картошка не деградировала, не вырождалась, оставалась чистой, ровной, лежала в погребах до новой и не чернела. Оно и понятно. Огород удобряли только перегноем, о минеральных удобрениях понятия не имели. Клубни не насыщались нитратами. Про колорадского жука тогда даже не слышали, потому не было необходимости прибегать к ядохимикатам, земля оставалась чистой, здоровой.

С той поры немало воды утекло, появились новые, перспективные сорта. В селе под Воронежем, где я живу уже более 30 лет, почва песчаная, и тут дружно возделывают картошку. Многие, живущие трудами праведными, предпочтение отдают ранней. Её выкапывают в начале июля и везут на рынок. Себе оставляют позднюю. Популярностью пользуется сорт «юбка-кофта». Клубень выглядит оригинально – одна половина фиолетовая, другая – жёлтая. Научное название сорта никто не знает. Всем нравится составленное из предметов женского гардероба.

Всего на земле сейчас около 50 тысяч сортов. В нашей стране культивируют более 100. Есть для разных климатических зон, почв и на все случаи жизни – варить, жарить, сушить, делать чипсы, крахмал, заправлять суп, перегонять на спирт, кормить скот. Казалось бы, достаточно, но нет. Учёные занимаются выведением сортов на генном уровне. Способ исключает разбросы, обычные при традиционной селекции путём скрещивания, точно даёт намеченный результат. Получают сорта с различными достоинствами. Например, один даёт повышенное содержание витамина С, другой с заурядными вкусовыми качествами, но не съедобен для колорадского жука. Есть картофель с геном скорпиона. Предназначен для чипсов. Нарезанные из него тонкие ломтики не ломаются при обжаривании и транспорти-

ровке. Думаю, если производители будут честно информировать покупателей о присутствии в продукте гена ядовитого насекомого, то спрос на чипсы резко упадёт. В том числе и на те, которые делают из обычновенного картофеля.

Применение картофеля безгранично. У каждого народа-земледельца сотни, если не тысячи рецептов различных блюд. Сам считаю вершиной кулинарного искусства картофельные оладьи. Наверное, потому, что умею их готовить. Сочные, с поджаристой корочкой, истекающие маслом, ну просто объеденье.

Картошка лечит множество болезней, в том числе распространённую в осенне-зимний период простуду. Насморк, кашель, головная боль так разгуляются, что и жизнь не мила. Если лечиться таблетками, каплями, спреями, то справиться можно за семь дней, если не лечиться вовсе, то за неделю само пройдёт. А если не поленись, сварить чугун картошки в мундире, накрыться одеялом и посидеть над паром, то наутро встанешь здоровенький и бодренький, как молоденький огурчик. Лучше всего процедура помогает, если прихватить процедуру в самом начале.

В детстве форменным наваждением для нас были бородавки. Взрослые говорили: они у вас оттого, что вы лягушек в руки берёте. И не только брали, но вставляли им в анальное отверстие соломинку, надували, бросали в воду и потешались над их тщетными попытками нырнуть. Через несколько минут воздух выходил, и лягушки благополучно погружались в свои безопасные глубины. Конечно, они на нас обижались, но наградить бородавками всё-таки не могли. Скорее всего, в наших организмах не хватало каких-то витаминов, микроэлементов.

Однажды бабушка посоветовала разрезать сырую картошку, половинками натереть бородавки, сложить вместе и закопать, чтоб никто не видел где. Лечиться решили всей ватагой в один день – так лучше будет замечен результат. Про лечение скоро забыли. Прошла неделя или две, как один из нас издал ликующий вопль: «Бородавки пропали!» Мы оглядывали свои исцарапан-

ные, загорелые, не очень тщательно вымытые руки – ни у кого из нас ни одной бородавки не было.

Недавно узнал ещё об одном, просто сенсационном применении картофеля. Испанские химики разработали технологию производства из него материала для упаковочных пакетов. По их мнению, он может заменить всем опостылевший полиэтилен. Новый материал быстро разлагается, не нанося ни малейшего ущерба окружающей среде. Несомненное достоинство, но картошку жалко. На земном шаре давно ощущается нехватка продуктов питания, миллионы людей голодают. В ближайшие годы продовольственный кризис в связи с потеплением климата обострится в ещё большей степени. Потому новый материал вряд ли найдёт широкое применение. Сейчас даже применение биотоплива экологи полагают неразумным.

История возделывания картофеля уходит в глубь веков. Учёные выяснили, что на родине, в Южной Америке картофель культивировали 14 тысяч лет назад. В Европу завезли в середине шестнадцатого века. В России появился в конце семнадцатого, когда Пётр Первый прислал мешок клубней из Голландии. Предвидел царь-реформатор продовольственную ценность картофеля для своего народа. Однако понадобилось целое столетие, чтобы его признали и возвели в полевую культуру.

В Европе картофель долгие годы считали не более чем заморской диковиной. Поскольку он был большой редкостью, то дамы прикалывали цветы на вечерние платья. Должно быть, выглядело оригинально. Цветы картофеля в самом деле красивые. Просвещённая знать съедобными считала яблочки, созревающие после цветения, несмотря на их отвратительный вкус. Ещё в раннем детстве мне хватило один раз укусить зелёный шарик, чтобы запомнить на всю последующую жизнь и больше никогда не брать в рот. Знать терпела, ибо не могла не следовать придворной моде. Яблочки варили с сахаром и всё-таки ели. Подавали экзотическое блюдо крохотными порциями на маленьких серебряных ро-

зетках. Неграмотные простолюдины быстрее разобрались в достоинствах картофеля, варили клубни в воде, ели и нахваливали.

Мы и сегодня нахваливаем картошку. Для нас пара мешков в погребе – гарантия спокойно пережить зиму. Весной страну облетела хохма, которую многие восприняли всерьёз. Будто хозяева особняков на Рублёвке в связи с мировым экономическим кризисом перекопали свои холёные газоны и засадили картошкой. Если так, то исполать им.

ВСХОДЫ

Кто хоть раз положил живое семя в тёплую весеннюю землю, тот знает, с каким нетерпением ждёшь всходы. Показываются зелёные росточки прозаических огурцов, петрушек, моркови или чеснока, а воспринимаются чудом новой жизни, и себя сознаёшь чародеем.

Огородные грядки вызывают настоящий восторг, когда в самом деле являются чудеса растительной жизни. Приходишь на участок ранней весной, под ногами ещё хрустит утренний ледок, лежат мартовские островки снега, и вдруг на снежном покрывале замечаешь ярко-красные пятна. Это, растолкав комья мёрзлой земли, колючие кристаллы снега, объявились всходы ревеня. Перемятые и сжатые в тугой кочан листья пламенеют огнём. В мёрзлом подземелье было тесно, и понятно, почему лист сжался в ком, но почему у него такой яркий цвет – загадка.

В природе нет ничего лишнего, случайного, ошибочного, всё закономерно и подчинено высшей целесообразности. Значит, красный цвет всходов тоже имеет

смысл. Если поразмышлять, то можно найти ответ. Ведь ещё холодно, а растению для развития требуется тепло. Всходы красного цвета меньше отражают солнечные лучи, больше впитывают тепла, скорее растут, обгоняют другие растения. Кто первым поднялся, развернулся, закрыл под собой землю от солнца, тот и будет расти. Под широкими листьями ревеня конкуренты не имеют шансов на существование. Он всех заглушит, даже сверхживучий пырей держится от него подальше. Вот какие серьёзные преимущества даёт всходам ревеня красный цвет.

В природе всё мудро и просто. Всходы ревеня красного цвета нас удивляют, потому что мы к ним не привыкли. Во-первых, ещё немногие возделывают это раннее овощное растение. Во-вторых, диковинный цвет у всходов сохраняется всего два-три дня, и наши многочисленные дачники пропускают интересный момент. Приезжают на участок, когда снег сошёл, подсохло, а ревень к тому времени уже расправил обычные зелёные листья.

Трудно, но можно удивить всходами чеснока. Обычно его сажают поздней осенью, сразу закрывают сухой травой, опавшей листвой, чтобы не вымерз. Всходы встречают через полгода, в конце марта или начале апреля. Но если чеснок посадить весной круглыми цельными головками, то редкая картина всходов почти гарантирована. Однажды на грядке вместо привычных зелёных шильцев вы увидите ряды маковок, будто из земли поднимаются ряды крохотных часовенок. Только крестиков над ними не хватает.

Что же произошло, почему чеснок вытолкнул практически целые головки, отказался от запаса ценных питательных веществ?

Выдалась тёплая весна, мощный и нарастающий приток тепла вызвал у растения бурную вегетацию. Едва проснувшись, чеснок начал активно развивать корневую систему, погнал к свету стебель. Питательные вещества, влагу получал из земли, а головку вытолкнул упругими всходами наверх.

Настраиваю фотоаппарат на макросямку и с нижней точки, крупным планом фотографирую чесночную «часовенку». Неизвестно, доведётся ли ещё наблюдать такие всходы, а в моём фотоархиве они останутся. Так же фотографировал всходы кедра. Для наших мест вообще редкость. В массовом порядке выращиванием кедра в Черноземье не занимаются. Исключение составляет известный в России лесовод, академик Евгений Васильевич Титов. Его трудами и заботами под Воронежем выращена кедровая роща. Деревьям под тридцать, плодоносят. Прошлой осенью он подарил две шишки – одну сибирского кедра, другую – корейского. Подробно рассказал, как провести орешкам стратификацию, то есть создать условия естественной и безопасной зимовки. Всё выполнил в точности.

Весна была холодной, поздней, лишь в середине апреля достал из укромного местечка полотняные мешочки с орехами. Они всю зиму пролежали на ярых морозах, под снегом, ещё хранили ледяную свежесть. Однако орешки сибирского кедра лопнули, из трещин выглядывали белые клювики ростков. Невероятно – новая жизнь зародилась в кромешной темноте, в холода. В полной мере проявилась сибирская закалка.

Орешки корейского кедра разочаровали. У них не только не было ростков, но даже ни один из сотни не лопнул. Зародились сомнения – дадут ли они всходы? Пожаловался на милое русскому сердцу «авось» и высадил все орехи на чистую, ещё с осени подготовленную грядку.

Через две недели сибирский кедр начал всходить. В общем-то заурядное явление в жизни живой природы для неосведомлённого наблюдателя явило любопытную картину. Нежные иголки винтом скрутились в тугой жгут и вышли наружу под шапочкой пустой скорлупки. Поодиночке им было бы трудно пройти сквозь слой земли, а вместе они – сила. Жёсткая скорлупа расталкивала шершавые земляные комочки, иголки двигались за ней, как за щитом.

Уже на другой день жгутики начали раскручиваться, но пустая скорлупка удерживала концы иголок, и в

результате образовалась ажурная, спиралевидная конструкция, хотя и оригинальная, но напоминающая че-го-то давно знакомое. Наконец, вспомнил – маковки храма Василия Блаженного. Они выполнены по такому же принципу. Надо полагать, талантливые русские зод-чие Барма и Постник видели всходы кедра и повторили их в своём архитектурном шедевре.

Пропалывая всходы, нечаянно выдернул один и по-разился длине корня. Высота ростка всего 5 сантиметров, а длина корня – 12. Как он только успел уйти на та-кую глубину всего за две недели?

Очевидно, у кедра на генетическом уровне заложено стремление сначала формировать корневую систему, а потом ствол и ветви. Оттого первые пять, шесть лет ке-дры растут очень медленно. Также предусмотрительно развивается дуб. Он только поднялся над землёй, ешё цел жёлудь, из него можно получать питательные веще-ства, а корень уже ушёл на глубину сантиметров двад-цать, тем самым готовит растение к самостоятельной жизни.

Орешки корейского кедра дали всходы через месяц и продолжали всходить в течение двух месяцев.

Объективно говоря, изложены скромные познания из мира растительной жизни, но они сближают с род-ной природой, вызывают к ней любовь и восхищение.

ТАЙНЫЙ ЦВЕТ

Если громко спросить, ка-
кое растение в наших кра-
ях расцветает первым, то ответ
будет дан дружным хором – под-
снежник. А вот и нет.

По утрам ещё морозец, тра-
ва на проталинах, кусты, дере-
вья сверкают инеем, остатки
снега под ногами громыхают
сухим, жёстким настом. Всеми

любимый подснежник только пытается протолкнуться сквозь мёрзлую землю, лишь кое-где являет мартовскому солнцу зелёные шильца всходов. Голубое половодье ещё не скоро захлестнёт лесные поляны. Но уже цветёт орешник. Можно сказать, тайно, ибо цветочки его столь малы, что разглядывать их надо через лупу. Но кто же берёт с собой в лес лупу? Да и к орешнику проявляют чисто потребительский интерес лишь в конце лета, когда поспеваю орехи.

Иное дело, коли орешник растёт у вас в саду, круглый год на глазах. Если каждый день наведываться к кустам, можно заметить и цветение, и опыление.

Имя собственное лесного орешника – лещина. Культурный сорт, выведенный путём селекции, называется фундук. Сортов великое множество. В моём саду их три – московский рубин, академик Яблоков, тамбовский ранний. Первые два имеют отличительную особенность – до середины лета листва у них фиолетовая, к осени делается зелёной. Форма, размер и даже вкус орехов у всех разные. Вместе с тем любой орешник – двудомное растение и потому цветёт одинаково. Мужские соцветия – серёжки образовались ещё осенью. Листва опала, они остались висеть на зиму. Может, дремали, а может, под плотно сжатыми чешуйками продолжался процесс формирования пыльцы. Погожим мартовским деньком от малейшего дуновения ветерка она вдруг поплыёт жёлтым облачком с единственной благой целью – опылить женскую почку. Лететь недалеко, она буквально в двух-трёх сантиметрах от грози серёжек.

К знаменательному событию женская почка уже готова. На вершинке у неё подвенечным убором распустились ярко-бордовые тычинки. Они и примут мужскую пыльцу. К осени крохотуля-почечка превратится в увесистую розетку из четырёх, пяти, а то и шести орехов.

Разглядеть крохотный цветочек непросто, а сфотографировать ещё сложнее, особенно если хочется поместить в кадр две почки и серёжку. Делаешь резкими почки – серёжка получается нечётко, наводишь резкость по серёжке – почки расплываются. Решаю отдать

предпочтение цветущим почкам и нажимаю на спуск. Пусть тайный цвет орешника станет явным.

Цветок сосны в виде изящного жёлтого канделябра выглядит крупным, и разглядеть его можно без лупы. Однако на глаза попадается редко. И не потому что сосны у нас малочисленны, а потому что поднимают свои кроны на 20, 30 и даже 40-метровую высоту. Их цветами только птицам любоваться. Разве разглядеть человеку с земли, что там, в кроне, делается?

Сосна, мимо которой хожу по лесной тропинке вот уже больше десяти лет, является собой исключение. Она тоже высока и стройна, но нижние ветки опустились у неё до самой земли, образовали уютный, покойный шатёр. Люблю в нём сидеть, слушать, наблюдать и любоваться цветением. Да вот бывает оно редко. Во-первых, цветут сосны не каждый год, во-вторых, сам цикл плодоношения длится два года. Весной зацветает, к зиме у неё вырастают зелёные смолистые шишки. Пospеваюt через год, но зимовать остаются на родных ветвях к удовольствию и радости дятлов. В самую стужу, бескормицу они срывают шишки, заталкивают в удобные щели, долбят и достают вполне созревшие семена. Такое место на дереве называют дятловой кузницей. На снегу она отмечена оторванными чешуйками и кучей раздолбаных шишек.

С весенним теплом шишки раскроются и выбросят крылатые семена-орешки. Полетят они в новые места. Пустые, расщепленные шишки упадут, освобождая место для новых цветов-канделябров. Только неизвестно, когда это произойдёт. Я на своей сосне за 10 лет видел их всего два раза.

Третий цветок на толстом стебле, будто слепленный из комков красной каши, тоже можно отнести к тайным. На снимке лишь заядлые огородники узнали в нём цветок ревеня. Редок он у нас, хотя чрезвычайно неприхотлив, практически никакого ухода не требует и растёт быстро. Уже в апреле можно срезать толстые, сочные черешки листьев. Кисловатые, сочные, хрустят как яблоки, а витаминов – масса.

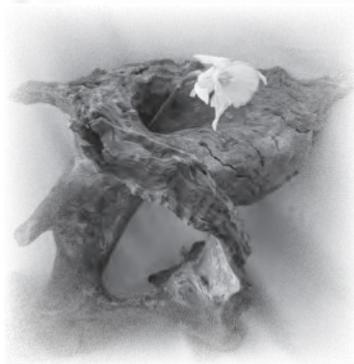

Цветёт ревень летом. Для букета, конечно, не годится. Зато вся пухлая зернистая масса на трубчатой ножке просто светится радостью жизни. Смотришь, заряжаясь оптимизмом и улыбаешься.

Если уж какой цветок нашей земли действительно окружён ореолом таинственности, то это, несомненно, цветок папоротника. Распускается в ночь на Ивана Купалу. Тому, кто найдёт его, открываются старинные клады. Помню, какой заманчивой в детстве была перспектива найти хоть один из бесчисленных кладов Емельяна Пугачёва, запрятанных в нашем лесу по глухим оврагам.

Мальчишкам трудно отделить легенду от реальности, и однажды мы – трое закадычных дружков отправились за цветком папоротника. Одному из нас как раз на Ивана Купалу исполнялось восемь лет. Решили ему и подарить цветок, а клад потом по-честному разделить на троих. В успехе предприятия не сомневались. Хотя знали, что цветок папоротника в темноте светится, на всякий случай взяли керосиновый фонарь «летучая мышь». Страху натерпелись, но заросли папоротника обшарили добросовестно. Безрезультатно. Возвращались ничуть не обескураженные. Сплоховали мы – слишком близко от жилья искали, надо было идти дальше, в глубь леса.

Прошли годы, настала пора узнать, что папоротник вообще не цветёт, размножается спорами. До сих пор не могу пережить разочарования. Знаю одно местечко в лесу, где папоротника видимо-невидимо. Каждый год в ночь на Ивана Купалу так подмывает пойти поискать. А вдруг повезёт, и в виде исключения...

РАСКРЫТОЕ ДЕРЕВО

Всю жизнь рядом с нами дерево. Живое радует зелёной кроной, цветами, плодами, а потом – текстурой и формой древесины в бесчисленных предметах бытовой утвари, художественных поделках и произведениях

ях искусства. Никогда не наскучит мебель, отделанная карельской берёзой. На неё годами можно смотреть, и каждый раз будут открываться новые цветы, листья, а то вдруг из переплетения орнаментов и узоров глянет живой птичий глаз. Радует и настраивает на спокойствие даже стул, если он из орехового дерева. Дубовый, тяжеловесный стол негромко говорит о бренности суетного мира и бесконечности лет.

Теперь мебель из натурального дерева не делают. Её можно увидеть лишь в старинных музеях-усадьбах. Даже дорогую, на заказ лишь отделяют шпоном – тонким слоем ценных пород. Сравнительно недавно деревянные столы, стулья, буфеты, комоды безжалостно выбрасывали, меняя их на нечто тонконогое, хлипкое из древесно-стружечной плиты, покрытое синтетической плёнкой.

И всё-таки тяга к дереву осталась. Горожанин несёт из леса в немыслимых количествах всякие сучки, коряги, корни, любуется нетронутыми или делает из них торшеры, бра, подставки под цветочные горшки. У некоторых просыпается тяга к художественному творчеству, и тогда находки при достаточном воображении автора и минимальном вмешательстве становятся медведем, балериной. Правда, медведя можно принять за верблюда, а балерину – за курицу. Не беда. Человек работает в своё удовольствие, творит, раскрывает красоту дерева, проникается любовью к природе.

Благодатный материал для творчества – старое дубовое корневище, не один год пролежавшее в земле. Его захватили личинки древоточцев, грибки, взрыхлили, разрушили древесину, но не сплошным массивом, а избирательно, путями, ходами немыслимых направлений. В корневище уже таится нечто абстрактное, интересное непредсказуемой формой. Замысел автора не нужен, достаточно довериться кончику ножа и следовать за ним, убирая труху. Где-то прелая древесина отваливается пластами, где-то её надо выбирать крошками, открывая пещеры, гроты, извилистые русла, возвышения, впадины. Когда убирать будет нечего, поделку надо прилежно почистить шкуркой, и готово. Как говорит один мой старый приятель, приходи, кума, любоваться. Наградой за кропотливый труд будет удивление той самой кумы, когда она ойкнет и спросит, как это получилось. Природа сотворила.

Конечно, по-настоящему раскрыть древесину, увидеть в коряевом пеньке художественное произведение дано обладателям таланта, настоящим скульпторам. Непревзойдённым среди них был и остаётся наш соотечественник Сергей Тимофеевич Конёнков. Стамеска в его руках творила шедевры в полном согласии с деревом. Вот массивный стул, привлекающий удобным сиденьем, высокой спинкой. Вещь излучает уютное, домашнее тепло.

В принципе каждый может вырубить из подходящего чурбака, если не пожалеет трудов и времени. Но у скульптора из-за спинки выглядывает хитреный стярчик с лукавой улыбкой в лохматой бороде. Сидящему на стуле человеку, наверное, нашёптывает он уморительные байки и смешит при каждом удобном случае. Такое извлечь из древесины надо уметь.

Дыхание перехватывает, когда глядишь на скульптуру обнажённой девушки «Магнолия». Остаётся гадать, то ли это её имя, то ли дерево, из которого она явилась на белый свет. Вся фигура отделана и отполирована с предельной тщательностью, потому даже взглядом чувствуешь атласную нежность женской кожи. Нетро-

нутым осталось дерево над головой и под ногами. Тем самым автор показывает нам, какие шедевры можно сотворить из дерева.

Признанный скульптор С.Д. Эрзя из дерева альгар-робо создал потрясающий по своей выразительности скульптурный портрет Л.Н. Толстого. Резец открыл высокий лоб, лицо, а сдвинутые брови, волосы, бороду образуют естественные потоки дерева, и кажется, что противостоит мыслитель ураганному ветру, смотрит и видит бесконечность будущего. Дерево тропических лесов Бразилии привлекло скульптора мощной сувилисткой фактурой. Выбор оказался на редкость удачным.

Размеры деревянных скульптур могут быть разные. От огромных и до крошечных, легко умещающихся на детской ладошке. Непревзойдённые мастера миниатюрной скульптуры – японцы. Их малюсенькие фигурки нэцкэ первоначально имели утилитарное назначение, использовались в качестве пуговиц, но уже давно стали предметами искусства, объектами страстного коллекционирования, покорили мир. Резали их из нефрита, слоновой кости, а самые доступные, предназначенные для всех – из дерева. Каждая – образец изысканного вкуса и бесконечного терпения мастера. Трудно по репродукции определить, какую породу дерева выбирали. Несомненно одно – твёрдую. Мягкая за столетия истёрлась бы, искривилась, а эта не хуже слоновой кости сохраняет форму до мельчайших деталей. Смотришь на фигурку петушка с курочкой и поражаешься ювелирному мастерству резчика. Выделены каждое пёрышко, коготки на лапках, в глазах петуха читается отвага, самурайская решимость вступить в схватку, биться до победного конца.

Везде, где растут деревья, древесина служит материалом для поделок. Коли речь зашла о произведениях искусства, то надо вспомнить эбеновое дерево. Растёт в Африке. У него чёрная, как сажа, древесина, а твёрдая и пластичная подобно металлу. Её можно точить, фрезеровать, сверлить, даже резьбу нарезать. Лучшие кларнеты вытачивают из эбенового дерева. Как считают музыканты, они издают особый, бархатный звук.

Африканские мастера режут из чёрного дерева ритуальные маски, скульптуры замысловатой текучей формы. С первого взгляда не сразу определишь, что изображено, а приглядевшись, узнаёшь гибкое человеческое тело или хищного зверя в прыжке. Талант – он и в Африке талант. Хотя шедевры создаются в примитивных условиях и самым простым инструментом. Резчик сидит под баобабом на голой земле, держит на колене болванку, тюкает по ней маленькой теслой, болтает с соплеменниками, смеётся, а в результате из его рук выходит произведение искусства. Туристы охотно раскупают маски, статуэтки, фигурки бегемотов, слонов, носорогов. Понятно, лучший сувенир из поездки по чёрному континенту.

В нашей лесной России резьба по дереву всегда процветала. Резали кружевные наличники, ложки, точили миски, чашки, солонки. И, конечно, известные всему миру знаменитые матрёшки. Для каждой вещи в зависимости от её назначения брали определённую древесину. Скажем, бочонки для мёда делали из липы. Только липа не пропускает текучий мёд. Наверное, липовый мёд в липовых бочонках вдвойне слаще. На липовых досках писали иконы.

В Сибири был и остаётся любимым деревом кедр. Грех рубить дерево, плодоносящее бесподобными по питательной ценности орешками. Но всему живому есть срок, и наступает время, когда кедр перестаёт плодоносить. Тогда у него начинается вторая жизнь в древесине. Она нежно-розового цвета, плотная, хорошо поддаётся обработке, долгие годы издаёт приятный аромат. Человеку нравится, а насекомые не выносят. В посуде из кедра хорошо хранятся крупы, мука. Не все знают, что карандаши в России делают тоже из кедровой древесины.

Да любое дерево каждой пядью своей интересно, тысячетелая служит человеку, потому целиком принимаешь его, как бесценный дар природы.

ПРИПАСТЬ К БЕРЁЗЕ

Нет в России дерева одухотворённее берёзы. О ней складывают песни, сказки, предания, загадки, были и небылицы. Даже служит символом верности. Было время, когда влюблённые обещали друг другу не разлучаться до самой берёзоньки. Имелся в виду тот час, когда на могилку им посадят берёзку. Девушки вокруг белоствольной хороводы водили, ветви в косы заплетали, украшали лентами, цветами, просили пригожего жениха, счастливой любви.

Берёзу наделяли сверхъестественными силами, потому что она была культовым деревом Берегини, по славянским преданиям матери всего сущего на земле, олицетворяла собой солнце, свет. Если больного ребёнка вынести под берёзу, то дерево заберёт его хвори себе. Берёзовые ветки на рогах коровы защитят её от всяких напастей. Много чего про берёзу наговорено. И русалок она привечает, и ведьмы с её ветвей молоко доят.

У нас каждому дереву своё назначение. Если в сняке трудиться, в кедраче молиться, то в березняке веселиться. Так светло и празднично там в любое время года. Заморские гости поражались растущему у нас дереву с корой белой и нежной, как кожа женщины. Для русских песенная берёза – олицетворение самой России. Мы её помним и знаем как самих себя, с первых лет жизни. Так вот и эта девочка, что припала к берёзе, пьёт сок через соломинку, впитает память о ней на всю оставшуюся жизнь.

Всё так и в то же время, пожалуй, ни одно другое дерево не находит столь широкого практического применения, как берёза. В ней всё полезно, и всё годится человеку. Когда-то сок из берёз весной цедили вёдрами, бочками. Пили его в основном свежим, короткое время сохраняли в погребах, на льду. Приятный, бодрящий напиток особенно ценили после долгой зимы, считали его целебным. Принимали и внутрь, и наружно от множества болезней. Хорошее лекарство – пьёшь в своё удовольствие, заодно и лечишься.

В лесу много любителей берёзового сока. Только не все умеют его добывать. А вот дятел умеет. Своим острым клювом пробивает кору сразу в нескольких местах. Отверстия получаются маленькие, сок выступает каплями, но ему хватает. После дятла на дармовое угощенье слетаются мухи, пчёлы, шмели.

Вообще вся берёза – настоящая аптека. Целебны на бухшие почки, молодые листочки, кора. А уж веник берёзовый в русской бане – лучший друг и надёжный лекарь. От всех хворей избавит да ещё молодость вернёт. По крайней мере, пяток годочеков точно скинет. Из берёзовой древесины выжигают активированный уголь, гонят дёготь. Уголь в виде таблеток принимают для нормализации работы желудка и при пищевых отравлениях. Дёготь был универсальным средством. Им лечили кожные заболевания у людей и животных. Для этих же целей варили дегтярное мыло. Дёгтем щедро мазали тележные оси да ещё приговаривали: «Хорошо смазал, хорошо и поехал». У доброго хозяина под телегой всегда висела дегтярница. Из неё же смазывали сапоги. В детстве мне очень нравился резкий, какой-то здоровый запах дёгтя. Пределом желаний было иметь настоящие сапоги и чтоб они также благоухали.

Эффективным лекарственным средством считается чага – гриб, растущий на берёзе на местах обломанных сучьев или повреждённой коры. Встречается чрезвычайно редко. Всю жизнь брожу по лесам, но чага попалась только однажды. Гриб пользуется огромной популярностью и спросом, потому что якобы лечит столь распространённые в наше время онкологические заболевания. Раньше чагу заваривали и пили вместо чая.

На все случаи жизни годится береста. Из неё получаются чудесные туеса – небольшие посудины с крышками для хранения муки, крупы, соли, сахара. Из бересты скручивали пастушки рожки, охотничьи рога. Специально для скрипа в сапоги, башмаки, полусапожки клади берестяные стельки. Так что сапоги со скрипом – не фольклорная выдумка, а реальность. Обычными были берестяные солонки, хлебницы. В нашем доме больше

тридцати лет служит корзиной для бумаг цилиндром снятая береста с упавшей берёзы. Древесина у неё сопрела, а кора осталась целёхонькой, что говорит о её бактерицидных свойствах, то есть способности противостоять гниению. Похоже, берёзовый цилиндр нас переживёт.

Жгучим интересом воспыпал к бересте после прочтения романов Фенимора Купера. Больше всего восхитили индейские каноэ, сделанные из бересты. Лёгкие, вместительные, от одного удара веслом они стрелой летели над водной гладью. Очень хотелось иметь такое каноэ. Однако сделать его оказалось непросто, практически нереально. Уж очень много требовалось бересты. И не маленькими клочками, а большими, целыми листами с толстых, ровных стволов без единого сучка. Бересту полагается выварить в кипящей воде, выпрямить, наложить на каркас и пришить тоже вываренными и размятыми корнями сосны. Готовое каноэ покрыть разогретой смолой, особенно тщательно промазать швы.

Хотя технология несложная, от идеи с каноэ пришлось отказаться. Чтобы иметь в достаточном количестве нужный материал, надо жить в лесу и собирать его, может быть, не один год. А главное – иметь мастерство, сноровку, опыт, которые индейцы копили годами и передавали из поколения в поколение. Каноэ осталось детской мечтой, зато на всю жизнь сохранилось уважение к людям, глубоко знающим природу, умеющим разумно использовать её дары.

Редким и очень ценным материалом у мастеров-краснодеревщиков считалась карельская берёза. Собственно, привлекала лишь одна особенность этого вида. У неё чаще, чем у других, образуются на корнях, стволах наплывы – капы. Они и ценились. На срезах у них открывается причудливый узор из листьев, цветов, трав. Кап гораздо тяжелее древесины, имеет очень плотную структуру. Выточенные из него пудреницы, табакерки, кубки напоминают изделия из цветного камня. Дорогой материал. Мебель, отделанную карельской берёзой, могли позволить себе только очень состоятельные люди.

Вспомним ещё об одном, буквально по всей России применении берёзы. Лучину для освещения крестьянских изб предки наши щипали именно из берёзы. Она давала яркий свет и не коптила. Невольно всплывают в памяти слова прекрасной русской песни: «Доторай, гори, моя лучинушка, доторю с тобой и я».

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

« **К**ак бы мне, рябине, к дубу перебраться, / я б тогда не стала гнуться и качаться....»

Замечательные слова и чудесная музыка старинной русской песни о безответной любви трогают до слёз. Так и представляешь себе печальную судьбу одинокой женщины, её тайные мечты и надежды, сбыться которым не суждено. Аллегория понятна, сравнение правомерно, а вот что касается натурального соседства рябины с дубом, то тут иллюзии не уместны.

Взаимоотношения между деревьями строятся на принципе жёсткой состязательности. Никто никому не помогает, не поддерживает и не защищает. Наоборот, каждый стремится скорее вырваться к свету, заглушить соседа, захватить больше земли, обеспечить себе долгую жизнь. Одним словом, идёт нормальная, здоровая борьба за выживание.

Поднимаясь, деревья одного вида образуют полог, под которым чужаку трудно выжить. В берёзовой роще не увидишь ель, а в сосновом бору не бывает дубов. Все норовят жить среди родственников и потому образуют сосняки, березняки, ельники, осинники. Бывают исключения. Стихия ведь слепа – ветер, птицы разносят семена, не сообразуясь с видовым составом, бросают куда попало. Почти двадцать лет наблюдаю такое исключение.

Когда-то ветер занёс лёгонькое семечко сосны под сень старого дуба. Первые годы деревце развивалось нормально, формировало симметричную крону. Однако лет с десяти у сосенки, как у девочки-подростка, испортился характер. Она перестала признавать сосе-

да-великаны и взялась демонстрировать ему пренебрежение. У неё перестали расти ветви в сторону дуба, выросшие повернулись на 180 градусов.

Примерно с этого периода и последующие двадцать лет сосна изо всей силы тянулась к свету, перестала формировать боковые ветви, все силы отдавала росту вершины. Теперь она почти сравнялась с великаном. Он не обращает на неё ни малейшего внимания, просто не замечает, как рос чуть в наклон, шатром раскидывая крону, так и растёт. Посаженные от дуба метрах в пятнадцати деревца облепихи тоже не терпят его соседства. Им-то великан никак не мешает, а всё равно склонили от него кроны, как под напором ураганного ветра. Имели бы ноги, сбежали куда подальше. Всем своим видом показывают, как не выносят дубового духа.

В здоровом теле здоровый дух. В столетнем великане он, наверняка, здоровый, однако многие деревья его не выносят. Явление давно известно и на житейском, и на научном уровне. Садовые и огородные растения разделены по принципу совместимости. Внимательные огородники считают, что огурцы хорошо растут и дают больший урожай в соседстве с горохом, кукурузой и капустой. Сама капуста благоденствует, если рядом укроп, лук и салат. Вполне возможно. Утверждать не берусь, поскольку на то нужны серёзные основания в виде многолетних экспериментов на больших площадях. Каждую огородную культуру надо сеять в соседстве только с одной, а на изрядном расстоянии ещё и без соседей, чтобы иметь возможность сравнивать урожай. Да не один год. Выводы звучат убедительно, если подкреплены многолетними данными. Пока ничего подобного в серьёзной научной литературе читать не приходилось, сам не экспериментировал.

Следуя старому правилу натуралистов «пишу, что вижу», в своих этюдах делюсь с читателем только тем, что наблюдал, в чём абсолютно уверен.

Много лет растёт в моём саду ирга. Куст вымахал на пятиметровую высоту, каждый год усыпан гроздьями сизых ягод. В метре от ирги черёмуха. Ни высотой,

ни пышностью кроны ирге не уступает. Между ними ни малейших признаков антагонизма. Ветви свободно проникают друг другу в кроны, смешиваются листьями. Отношения у них явно добрососедские, хотя черёмуха – дерево специфическое. В некоторых справочниках подчёркивают – растение ядовито! В листьях содержится синильная кислота, известная как сильнейший яд. (Единственный вдох даже паров синильной кислоты для всего живого мгновенно заканчивается летальным исходом.) В ещё большей концентрации, чем в листьях, содержится синильная кислота в ядрышках черёмухи, отчего они имеют характерный горьковатый вкус. Однако ягоды обладают лечебными свойствами. В Сибири сушёную черёмуху перемалывают и пекут с ней пироги. Любят лакомиться ядрышками черёмухи дубоносы. Сладкая мякоть их не интересует. Птицы имеют короткий, массивный клюв, словно специально созданный для раскалывания косточек. Когда два, три дубоноса пирают на черёмухе, то от их усердия только треск идёт. Надо думать, никакого ущерба своему здоровью они не наносят.

Иное дело насекомые. Эти черёмуху облетают стороной – чувствуют обволакивающее её защитное облако. Хватает защиты и на соседнюю иргу. В саду на плодовых деревьях, ягодных кустарниках паразитов полно, а на ирге – ни единого. Ни на цветах, ни на ягодах.

Эффект можно объяснить действием выделяемых черёмухой фитонцидов. Есть такие биологически активные вещества. Подавляют рост и развитие микрорганизмов, очень не нравятся насекомым и некоторым животным. Например, мыши не терпят черёмуху, чернокорень, горчицу. В сусеках с зерном, где раньше хранилось семя горчицы, ни насекомые, ни мыши не водятся. Бактерицидными свойствами обладают всем известные лук, чеснок, хрен.

Какими свойствами обладают фитонциды дуба, сказать не могу, ни слышать, ни читать не доводилось. В коре, в листьях у него содержатся дубильные вещества, но действуют они, будучи экстрагированными в настой

или отвар, то есть выделенными. Тем не менее, влияние фитонцидов дуба на растущие по соседству деревья несомненно. Потому вопреки заветному желанию рябины посадил её подальше от дуба, поближе к дому, под самое окно. Теперь весной и летом любуюсь ажурной листвой, кипенными шапками цветов, осенью и зимой – коралловыми гроздьями ягод.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ С КОРНЯМИ

Никогда не питал пристрастия к египетским мумиям, фараонам, пирамидам. Более того, коробила бесцеремонность археологов, с какой они вскрывают гробницы, ворочат кости людей, умерших пусть даже тысячи лет назад. И вдруг знакомство с изысканиями археологов оказалось потрясающим интересным.

На стене древнеегипетского храма красуется примечательный барельеф. На нём мужчины в белых набедренных повязках несут дерево приличных размеров с земляным комом, тщательно упакованным в циновку и обвязанным верёвкой. Дерево явно из сада, поскольку крона идеально сформирована. Профессионализм упаковки говорил о многолетней и распространённой практике переселения деревьев с корнями. Ведь единственный случай вряд ли удостоился бы чести быть изображённым на стене храма.

Упоминание набедренных повязок не случайно. Значит, лето на дворе, жара, деревья в активной фазе вегетации, а их пересаживают. Время выбрано вопреки закону не только садоводства, но и ботаники – деревья пересаживать в период покоя. Правда, в Африке круглый год лето, в нашем понимании ни осени, ни зимы там не бывает. Тем большее уважение вызывает высокое мастерство египетских садовников. В те времена иначе не полагалось. Если бы в саду фараона засохло дерево, специально доставленное из дальних краёв, то садовник мог поплатиться головой. Стимул для добросовестности серьёзный.

Разглядывал фотографию барельефа и ловил себя на мысли, что однажды подобную упаковку уже видел. Вспомнил. Будучи в Японии, забрёл на маленький рынок, где продавали большие, 10-12-летние деревья. Судя по светло-серой коре, сливы. Корни у всех до одного с земляным комом, тщательно, я бы сказал, любовно завёрнутым в соломенные циновки. Расход упаковочного материала не велик, но успех переселения гарантирован. Корни не сохнут, не ломаются во время транспортировки, деревья на новом месте оказываются хоть с небольшим комом земли, зато привычной, родной. Да, покупатели потратят деньги не напрасно. Не знаю, что мне тогда больше понравилось – грамотность японцев или их уважение друг к другу.

Но и мы, жители холодных краёв, не лыком шиты, у нас тоже умеют пересаживать взрослые деревья с корнями. Классический пример – голубые ели у Кремлёвской стены. В детстве меня очень занимало, почему они не растут. Проходят годы, а ели как замерли, всегда одной высоты. Очень был удивлён, когда узнал, что их регулярно меняют. Под Москвой есть питомник, где специально выращивают ели на замену. Для нас голубые ели у Кремлёвской стены стали символом, без них невозможно представить Красную площадь. Однако было время, когда над ними нависла реальная опасность ликвидации. У нас ведь за сменой лидеров обязательно следуют всякие пертурбации. Вот и Н.С. Хрущёв, прия к власти, распорядился ели у Кремлёвской стены заменить на берёзы. Как в эпоху беспрекословного подчинения удалось отстоять ели – неизвестно. С общественностью очередной идеей Никита Сергеевич не делился, знал о ней лишь узкий круг озеленителей, лесоводов.

Последние годы переселение крупномерных сосен, елей из подмосковных лесов активизировалось. Выполняют эту работу в основном зимой, когда земля промерзает. Вокруг дерева выдалбливают прямоугольную траншею примерно метровой глубины. Земляной куб с корневой системой плотно оборачивают проволочной

сеткой, снизу отделяют от материка крепким стальным тросом. Потом подъёмным краном дерево опускают в грузовик и везут на усадьбу в район Рублёвки. Переселение взрослых деревьев трудоёмко, дорого, доступно состоятельный людям.

Не будем завидовать, порадуемся – люди имеют разумное мерилом жизненных ценностей. Что может быть приятнее и дороже живого дерева под окнами своего дома? Горько видеть обратное – варварское обращение с деревьями. Примеров привести можно много, но один особенный, просто не укладывается в сознании. Несколько лет тому назад рощу пятидесятилетних грецких орехов в районе Лесотехнической академии отдали под строительство особняков. Казалось бы, людям на голову свалилась удача – ничего не надо переселять, ни копейки затрат, можно бесплатно и долго пользоваться плодами чужих трудов. Нет, бульдозером выворотили огромные деревья, выпихнули со стройплощадки. Так сказать, переселили с корнями.

А ведь в нашем городе умеют переселять большие деревья. Когда администрации кинотеатра «Спартак» понадобилось убрать в прилегающем скверике две сорокалетние каталыпы, то их не вырубили, а пересадили. Честно говоря, сомневался в успехе предприятия, но специалисты Горзелентреста всё выполнили безукоризненно. Зимой выкопали траншеи, деревья вынули с большим земляным кубом и сразу опустили в приготовленные котлованы. Весной землю уплотняли, поливали. Прошло два года, каталыпы растут без малейших признаков деградации.

Смекалистые и трудолюбивые садоводы-любители умеют пересаживать довольно большие деревья без подъёмных кранов и денежных расходов. За дело берутся весной, когда земля оттаяла, но почки ещё не распустились. Над деревом ставят высокую треногу, в верхней точке укрепляют блок, перекидывают через него верёвку. Одним концом её привязывают к стволу, на другой подвешивают груз и начинают дерево поливать, не жалея воды. Постепенно почва раскисает до такой

степени, что корни под действием груза плавно извлекаются на поверхность.

Система может действовать автоматически, без участия садовника. Правда, в замедленном режиме. Кто торопится, не может ждать, тот берёт лопату в руки и окапывает приствольный круг, стараясь сохранить корневой ком. На завершающем этапе хорошим рычагом вываливают ком наружу. Если с рабочей силой не густо, а грузоподъёмных механизмов вообще нет, то заострённой палочкой, аккуратно надо освободить корни от земли, обмотать их влажной мешковиной. Теперь изрядно облегчённое дерево остаётся взвалить на плечо и отнести к постоянному месту жительства.

Методика трудоёмкая, требует много времени, сил, зато надёжная. Сам именно так переселял восьмилетний греческий орех. Прижился, даже не болел, много лет плодоносит.

Деревья пересаживают во всех странах, во множестве, постоянно. И всё-таки если речь идёт о старом, огромном дереве, то дело превращается в сенсацию и становится достоянием общественности. В 2006 г. средства массовой информации с восторгом сообщали о состоявшемся в Америке переселении 137-летнего дуба. Печатные издания материал сопровождали фотографией. Тут было на что посмотреть. Вокруг дуба выкопали котлован диаметром метров десять, под корневой ком просунули балки и всё подняли гидравлическими домкратами. Рискованное предприятие. Сильный порыв ветра мог опрокинуть высоченное дерево, уже отделённое от земли, и тогда переселение вряд ли бы состоялось. Но всё обошлось, дуб переместили на 460 метров. Интересный бы получился фильм, если бы кто-то догадался всю операцию заснять на видео.

У нас много садов, и каждую весну идёт массовая посадка деревьев. По всему городу возникают импровизированные садовые базары. Продавцы рядами выкладывают саженцы плодовых, декоративных деревьев, кустарников, и везде одна удручающая картина: яркое солнце печёт, сушит нежные корни, растения кричат о

милосердии. Не слышат, никому в голову не приходит хотя бы накрыть их влажной мешковиной. Сомнительно, чтобы деревья с сухими корнями прижились. Скорее всего, покупатели выбросят деньги на ветер. Смотрю и опять не знаю, чего здесь больше – неграмотности или неуважения друг к другу. Чтобы не использовать опыт, приобретённый предками за полторы тысячи лет до нашей эры.

ЛЯГУШКА НА ХОСТЕ

Хоста – цветок семейства лилейных, очень похожий на амазонскую лилию. Такие же плотные, кожистые листья и цветок изящным белым колокольчиком с нежным, едва уловимым ароматом. В отличие от заморской неженки хоста хладостойка, свободно переносит наши зимы под снегом, даже без укрытия. С абсолютной достоинственностью могу заявить – женщины от аромата хосты просто млеют.

Листок хосты под белыми колокольчиками цветов облюбовала травяная лягушка. Эдакая очаровашка цвета кофе с молоком. Прямо царевна-лягушка. Только сказочная жила на болоте, а эта выбрала сад. В отличие от своих сородичей, прудовых и озёрных лягушек, живёт тихо, без оглушительного кваканья по вечерам; в сад явилась без приглашения, но в результате активной и многолетней деятельности хозяев.

Когда-то на месте сада простирался пустырь, заросший пыреем, полынью, лебедой и обильно заваленный мусором вроде битых бутылок, ржавых банок, старых сапог, капроновых чулок и прочего хлама, от которого не один год освобождались жители окрестных улиц.

Год за годом с максимальной нагрузкой служила новым хозяевам участка простенькая тачка на вывозке хлама в ближайший овраг. Очищенный пустырь не раз перекопали, освобождая от сорняков, засадили фруктовыми деревьями и засеяли газонной травой – смесью полевицы, райгруса, мяты и клевера. После очередной стрижки и щедрого полива газон делался гуще, плотнее, и скоро на нём поселились тучи разнокалиберной москвы. Крошечные насекомые оказались вегетарианцами, людям не досаждали. Они и обнаруживали-то себя только во время стрижки газона, когда электрическая косилка с урчанием катилась по изумрудной траве, оставляя за собой аккуратный ворс живого ковра, а впереди толкая облачко москвы.

Про обилие белкового корма на бывшем пустыре каким-то образом узнали травяные лягушки. Раньше их в помине тут не было и вдруг объявились. Теперь стрижка газона требовала предельного внимания. Лягушка под бешено вращающимся ножом газонокосилки моментально превратится в фарш. Драма садового масштаба могла бы пребольно ударить по нервам немолодых хозяев участка. Сначала лягушки пугались грохота агрегата и благоразумно прыгали от него подальше. Потом осознали его безобидность, осмелели и начали вести себя как некоторые пешеходы на городской улице – пусть объезжает. Приходилось ждать, пока кофейная красавица уступит.

Беспечная жизнь лягушек закончилась, когда в сад пожаловали ужи. У них, наверное, тоже неплохо поставлена информация о кормных местах. Старые, метровой длины охотились на крупных лягушек, а маленькие, не толще шариковой ручки, ловили мелюзгу. И ту не всегда могли проглотить. Однажды видел ужонка, у которого из пасти торчала голова и передние лапки лягушки. Пожалуй, он её заглатывал по мере переваривания. Заметив пристальное внимание к своей особе, ужонок испугался, добычу отрыгнул и налегке шустренько удалился.

Постепенно сад обживали птицы. В скворечнике каждую весну селились скворцы. С хлопотным делом

продолжения рода, начиная с чистки гнезда и кончая выкармливанием птенцов, управлялись за полтора месяца. В развилике молоденького кедра поселились зеленушки. Под крышей дома давно ходили воробыи. Регулярно обследовали сад юркие синички. Покормиться над газоном прилетали ласточки. Из ближайшей дубравы наведывались иволги. Первые ягоды на ирге доставались им. Правда, и вторые тоже. Как в столовую летали в сад дрозды. Клевали иргу, землянику, спевающие яблоки.

А уж сколько появилось насекомых! Этот крохотный народец занимал каждую пядь свободной земли. Далеко не все были желанны. Хорошо бы если цветоеды, вроде хрущей, бронзовок, щитников держались подальше. Да ведь не запретишь, а прыскать ядохимикатами – самому в изрядной степени травиться. Но с некоторыми встречи доставляли удовольствие. Божьи коровки обещали избавить от тли, стрекозы на глазах отлавливали комаров, дождевые черви красноречиво говорили о плодородии грядок. В бедной почве они не водятся, обогащают и без того богатую. Во множестве расплодились муравьи. В уничтожении гусениц замечены не были, а вот тлю растаскивали по деревьям и кустам стадами.

Встречались энтомологические редкости. Обычно пауков представляют серыми, невзрачными, а в наших местах есть красавец лимонного цвета с изящным чёрным орнаментом на спинке. Называется агриопа. Встречается редко. Удалось его увидеть ещё на зелёном грецком орехе. Домик для деток плетёт из паутины в виде изящной крыночки с плотной крышкой. В общем, жизнь на бывшем пустыре забила ключом.

Приведён лишь маленький пример благодатного воздействия человека на землю в точечном масштабе деревенской усадьбы. Таких примеров множество. У нас миллионы старательных, трудолюбивых владельцев приусадебных хозяйств и садовых участков, отдавших годы на оживление своих участков. И всё-таки, и всё-таки. В сравнении с экологическими бедствиями планетарного масштаба такие примеры – пылинки.

Мы много знаем об антропогенном воздействии человека на окружающую среду, но даже самую удручающую информацию воспринимаем отстранённо, с едва заметным сожалением. На наших глазах погибал Арал, а мы пили пиво, ходили в баню и никак не озабочились судьбой целого моря.

Арал погубили не одномоментно, по какой-то роковой случайности, но долго и планомерно изводили. На всём протяжении Сырдарьи и Амударьи, питавшими море, построили каскад плотин. Из водохранилищ через отводные каналы воду подавали на орошение хлопковых плантаций и рисовых чеков. Тысячи километров вырытых в песке каналов оставили без облицовки. Вода в них буквально проваливалась. Вокруг каналов и водохранилищ образовалось множество нежданных озёр. Скоро они заросли тростником, камышом. В крепях поселились цапли, утки, фазаны и даже кабаны. Местные начальники всех рангов, как дети-несмышлёнёныши, гордились «преобразованием» природы. Вот, дескать, чего мы сотворили в пустыне. Любуйтесь, какая красота, какое обилие жизни.

Действительно, в пустыне появилась до того не виданная и совершенно не свойственная ей жизнь. В мелких, прогреваемых жгучим солнцем водоёмах развелись сазаны невероятной величины, а на охоту тут ходили как на птичий двор.

Только на фоне серых кызылкумских песков буйство зелени выглядело чуждым. Здесь были бы естественны заросли корявого саксаула, воздушного джингиля, верблюжьей колючки, полыни. Нет, радости не было, перед глазами стоял погибающий Арал.

В 1981 г. пролетел над Сырдарьей на маленьком «кукурузнике». Летели низко, чётко виднелись пылящие на дорогах машины, саманные кибитки и редкие фигуры людей. Несказанно удивился, когда в низовьях реки увидел глухую земляную плотину, перечёркивающую русло. Оказывается, Сырдарья вообще не впадала в Арал. Печатавшиеся тогда карты, атласы, мягко говоря, вводили нас в заблуждение. Плотину насыпали в 1974 г.

Оставшиеся 50 километров до моря петляло пустое, совершенно сухое русло. Берег Арала обрамляла белая кайма осевшей соли. Для земли это знак траура. Дальше объясню, почему.

Приземлились мы на острове Барсакельмес, запомнившимся ещё по школьным урокам географии мрачным переводом с казахского: «Пойдёшь – не вернёшься». Тогда там был заповедник. На сравнительно небольшой площади суши длиной 28 километров и шириной 10 жили 230 куланов, 120 джейранов, 210 сайгаков. Особенно тут гордились редкими куланами, уже тогда занесёнными в международную Красную книгу.

У жителей Азии эти маленькие лошадки имели громкую славу. Скотоводы-кочевники, обожествлявшие быстроногих коней, поражались ревностью куланов. Ни один скакун не мог их догнать. Да и немудрено. Как показали современные исследования, куланы могут развивать скорость до 70 километров в час. Почитание животных сочеталось с практическим интересом. Мясо полагали целебным, придающим мужчинам силу, а из шкуры выделявали очень ценимую шагреневую кожу. Мягкая, шероховатая, с оригинальным рисунком, она притягивает взгляд, её приятно трогать и держать в руках. Та самая шагреневая кожа, получившая всемирную известность благодаря одноимённому произведению О. Бальзака. Волшебная кожа была выделана из шкуры онагра. Так европейцы называли неведомого им мифического кулана.

Очень неприхотливые, куланы пили воду прямо из моря. По мере высыхания Арала концентрация соли повышалась, и у куланов, в первую очередь среди молодняка, начался падёж. Пришлось срочно бурить скважину. Пригодная вода встретилась на глубине 760 метров. Однако положение скважина не спасла – воды давала мало. Оставалось переселять животных на материк, чем и заняты были работники заповедника.

Повышение солёности моря пагубно отразилось на всей ихтиофауне. Рыба в необычных для неё условиях перестала размножаться. Остатки быстренько дочер-

пали, и Арал опустел. Тысячи рыбаков, переработчиков, ремонтников судов и многих других, причастных к рыбной промышленности, остались без работы и, соответственно, без средств к существованию. Общество не спохватилось, вообще никак не отреагировало. А ведь в 1921 г. аральские рыбаки прониклись бедственным положением голодающих Поволжья, Урала и вагонами отправляли им рыбу. Слали не мойву и кильку, а первосортного леща, жереха, знаменитого аральского усача. Скольким людям спасла жизнь бескорыстная помощь!

Теперь на нелепом многокилометровом удалении от воды ржавели брошенные рыбаки сейнеры. Кто-то на ржавом борту крупными белыми буквами вывел: «Прости нас, Арал!» Что толку от пафосных извинений? Они никак не уменьшают бедствие.

Осыпшую по берегам соль поднимает ветер, несёт на сотни километров, губит и без того скучную растительность местных полупустынь и степей. После солёных ветров остаётся уже голая пустыня. Повышение солёности почвы культурных угодий всего на один процент снижает урожайность на 30 процентов. После трёх процентов угодья возделывать уже не имеет смысла. Тут соль сыпется тоннами. Вот почему белая кайма вокруг Арала – знак траура для земли.

Арал от нас далеко. Мы живём в зелёном, благодатном Черноземье. Живём уверенными в стабильной бесконечности своего благополучия и старательно закрываем глаза на очевидное оскудение нашей земли. Плодородие чернозёма давно иссякло. Воронежская область не в состоянии обеспечить себя продовольственной пшеницей. Выращенная на наших полях идёт по классу фуражной. Продовольственную вынуждены закупать. И всё-таки продолжаем упиваться гимнами чернозёму, считаем свою область житницей страны.

А уж как сладкоголосы воспевающие мощь воронежских дубрав! И первый аргумент – из нашего дуба построен Российский флот, хотя и было то три века назад. Дубравы вырублены, остатки исчезают на глазах. Суровейшинность дуба наблюдается практически повсе-

местно. Без каких-либо видимых причин дерево начинает сохнуть с вершины, через несколько лет погибает, и первый порывистый ветер его валит. На самом деле мистики нет. Дубы губят кислотные дожди, чрезмерная загазованность воздуха. Налицо антропогенное воздействие, созданное человеком.

Насаженные нашими отцами вокруг Воронежа сняшки нещадно вырубают под строительство коттеджей и просто выжигают. Многочисленные лесные пожары совсем не случайны. Люди убаюкивают себя, когда говорят про неосторожное обращение с огнём, детские шалости, стеченье обстоятельств.

Нет никаких обстоятельств. Взрослые дяденьки напrimают мальчишек поджигать лес. Если подростка и поймают, то какой с него спрос – шалун. Горельник вырубают на законных основаниях и превращают в пиловочник. Считалось, что горелый лес годится только на дрова. Времена изменились. В пригородные сёла приведён газ, необходимость в дровах отпала, зато дерево как строительный материал поднялось в цене, пользуется неограниченным спросом. Не случайно поблизости от горелого леса обязательно есть лесопилка.

Нещадно рубят деревья в самом Воронеже. Вернее, пилят мощными механическими пилами «Хуксварна». За несколько часов на чурбаки разделяют целый сквер. Город теряет свой некогда роскошный зелёный наряд, сокращается поступление в атмосферу живительного кислорода, на загазованных улицах нечем дышать.

Так стоит ли ждать, когда процесс деградации, как с Аралом, станет необратимым, и наша зелёная земля превратится в пустыню? Любушься лягушкой на хосте, и ответ представляется совершенно очевидным.

ЧЕЛЮСТИ

Встретив собаку внушительных размеров, мы прежде всего обращаем внимание на её челюсти. Кривые острые клыки, мощные мышцы моментально включают сигнал опасности. Даже себе не признаемся, что боимся, но страх, живущий в нас с пещерных времён перед клыкастыми, зубастыми, проявляется сухостью во рту и дрожью в коленках. Закономерно, ибо первыми врагами первобытного человека были обладатели мощных челюстей – медведи, тигры, львы, крокодилы. Практически сразу в сознании нашего предка отложилась самая реальная, а потому и самая страшная опасность – быть съеденным.

Как известно, первое впечатление самое сильное, а если ещё часто повторяется и подкрепляется практикой из поколения в поколение, то закрепляется в генной памяти и передаётся по наследству потомкам. Страх быть съеденным так давил на человека, что даже трупы со-племенников закапывали в землю, заваливали камнями, поднимали высоко на деревья, всячески прятали.

Чтобы избавиться от страха, черепа хищников с их устрашающими зубами приносили в жилище, считали тотемами, оберегами, делали объектами ритуальных культов. Как символ власти вожди носили львиные, тигриные, медвежьи шкуры; шаманы, жрецы, колдуны щеголяли ожерельями из клыков. В наше время индейцы бассейна Амазонки, имитируя усы леопарда, втыкают в нос, верхнюю губу жёсткие стебли. Попросту говоря, люди как можно чаще проводили психологический аутотренинг на спокойное восприятие хищников и исходящей от них опасности. Известно ведь: если ты предупреждён – значит вооружён.

Нам, цивилизованным людям, живущим размеренно, безопасно и скучно, не хватает острых ощущений,

и мы готовы платить немалые деньги, чтобы пощекотать нервы, испытать страх, при этом оставаясь в полной безопасности. Потребность в дополнительном адреналине рынок развлекательных услуг готов удовлетворять круглые сутки. Самая благодатная тема – челюсти, эксплуатация первобытного страха продолжается.

Нет числа литературным поделкам, где льются потоки крови, а жуткие чудовища рвут людей на части и пожирают живьём. Есть и серьёзные литературные произведения. Они написаны с профессиональным знанием и потому убедительны. Первым в их списке можно считать роман американского писателя Германа Мелвилла «Моби Дик», вышедший в свет ещё в 1851 г. Главный герой, капитан китобойного судна, с параноидальным упорством преследует белого кашалота. Кит для него – средоточие зла, смертоносное чудовище, потому что животное не хочет покорно расстаться с жизнью, отдать человеку жир, мясо. Хуже того, когда в него всаживают гарпуны, отчаянно защищается, опрокидывает шлюпки, упавших в воду людей перекусывает ужасными челюстями пополам, разрывает на части. Капитан корабля уже побывал в зубах белого кашалота, потерял ногу.

Челюсти кашалота действительно впечатляют. Они усажены огромными кривыми зубами. Однажды старый товарищ, вернувшись из дальних странствий, подарил зуб кашалота. Его длина – 18 сантиметров, весит 250 грамм, на мужской ладони не помещается. Ещё не самый крупный. Вообще-то зубы кашалота достигают веса полутора килограммов. Не надо никакой фантастики и надуманных сценариев, достаточно описать или показать такой зуб, проникающий человеческое тело, и ужас до спазм в кишечнике обеспечен.

Роман изобилует правдоподобными натуралистическими подробностями, что делает его убедительным. Ведь Г. Мелвилл простым матросом плавал на китобойных судах и знал промысел до мельчайших подробностей. Впечатляет финал повествования, когда израненный кашалот разделяется и с капитаном, и с гребцами на вельботе, даже таранит и топит китобой-

ное судно вместе со всем экипажем. Скоро океанская гладь опять пустынна и безмятежна.

К чести автора, он предоставляет читателю возможность самому сделать вывод и определиться, на чьей стороне его симпатии. После недолгих размышлений задаёшься вопросом: разве кит виноват в случившейся трагедии? Он плавал себе в океанских глубинах, охотился на кальмаров, никак не мешал человеку и даже внимания на него не обращал. Человек определил животное как сырьевой источник и отнял у него право на жизнь. Не в единичном случае, а в массовом порядке. Китов истребляли тысячами и скоро поставили на грань вымирания.

Если говорить о расплате за бездумное вторжение в природу, то во времена Г. Мелвилла об экологическом равновесии не задумывались, человеческий ум всецело поглощало потребительство. Прошло полтора столетия, а оно никуда не делось, в сознании общества остаётся преобладающим.

Уже в наши дни опять же американский писатель Питер Бенчли издал литературное произведение «Челюсти» – о большой белой акуле, начавшей охоту на людей. Повествование имело бешеный успех, а экранизация побила рекорды кассовых сборов. Натурные съёмки нападающих акул, распахнутые пасти с рядами острых треугольных зубов, рвущих человеческую плоть, не просто щекотали нервы, но лупили по ним палками. Публика цепенела от ужаса. Теперь средоточием зла, смертоносным чудовищем представляла акула. Всего за два дня она разорвала в клочья и проглотила женщину, двух мужчин, мальчика.

Кошмарные события происходят вдоль пляжей как раз накануне купального сезона. Жители ближнего курортного городка с десятитысячным населением оказались под угрозой разорения. Весь их бизнес построен на обслуживании отдыхающих, а кто же теперь сюда поедет, если у берега бесчинствует акула? Проклятая тварь! По-другому эту рыбу теперь не называют.

Соседство с акулами действительно опасно и никому удовольствия не доставляет. Но опять же надо чётко представлять себе, что причина, а что следствие. Беда,

рухнувшая на жителей курортного городка, это следствие, а причина – бездумное отношение человека к природе. Выбирая место для пляжа, строительства города, морского порта, автомобильной или железной дороги, не принято задумываться об ограничении, а то и вообще лишении животных, птиц, рыб, насекомых их жизненного пространства. На суше ещё могут обойти, обогнать, создать зоны покоя, а в океане ловят рыбу, бурят скважины, проводят испытания ракетного оружия, нимало не заботясь о кормовой базе, местах размножения, путях миграции тех же акул. Дескать, ничего им не сделается, приспособятся. Вот они и приспособливаются, делая человека продуктом питания.

Обратимся к примеру уже в пределах нашего отечества. У нас самым серьёзным и опасным хищником считается медведь. Только не зимой, когда он спит в берлоге и никому не мешает. Вдруг именно зимой 1974–1975 гг. Иркутскую область взбудоражили сообщения о нападении медведей на людей. И не просто нападения, а людоедства. Трагедии следовали одна за другой. Зримый облик оскаленной медвежьей морды с огромными жёлтыми клыками замаячил перед всеми, кому по каким-то причинам предстоял выход в тайгу. Испытать, как на твоей шее смыкаются медвежьи челюсти, никому не хотелось.

Власти распорядились отрядить в тайгу для поиска и уничтожения хищников мобильные бригады. В их состав входил профессиональный охотник-следопыт и милиционер с автоматом. С хищниками справились. Вскоре выяснились и причины «озверения» медведей. Снова виновным оказался человек. В 1974 г. началось строительство Байкало-Амурской магистрали. Тракторными поездами по замёрзшим рекам и болотам первопроходцев забрасывали в глухую тайгу. Грохотали взрывы, гудела техника, визжали бензопилы. Потревоженные медведи покидали берлоги и оказывались в прокалённой морозом и засыпанной снегом тайге. Реальных шансов найти пропитание они не имели. Привлечённые сытным духом двинулись к редким заемкам, деревням. Безоружный человек для медведя – лёгкая добыча.

Таёжные трагедии разыгрались опять же из-за незнания и неуважения природы. Что стоило осенью пониже полетать над трассой на вертолётах, распугать медведей? Они бы покинули беспокойную зону и перезимовали где-то подальше.

Самым страшным хищником на планете уже давно стал человек. Звери от него бегут и даже защищаются только доведённые до отчаяния. Феноменальный случай описывает известный канадский натуралист и писатель Фарли Моэт. Любители комфорта стреляли волков с самолёта. Преследуя подранка, увлеклись, снизились ниже предельной высоты, чтобы бить наверняка. На какое-то мгновение опередив выстрел, волк обернулся, прыгнул и вцепился клыками в дюралевую лыжу. Мгновенно нарушилась балансировка, и самолёт врезался в землю. Общественности происшествие представили как несомненное доказательство жуткой коварности и лютой злобности волка.

Однажды мне представилась возможность рассмотреть и сфотографировать хорошо препарированный череп волка. Вот он на снимке. Впечатляет, пугает, но не более, чем кухонный нож в руках пьяного дебошира.

БЕШЕНЫЙ ЛИС

Уже чувствуется холодное дыхание осени, пышные травы на лесной опушке поникли и больше не прячут тех, кто легко скрывался в них летом. Как вот этот лис, что с безрассудной храбростью смотрит в объектив фотоаппарата, видит человека и не делает ни малейшей попытки убежать.

Случайный фотолюбитель обрадовался бы редкой воз-

можности сделать снимок рыжего хищника на воле. Но фотографировал специалист-зоолог Дмитрий Валерьевич Транквилевский и восторгов не ощущал, потому что видел перед собой животное, поражённое вирусом бешенства. Потеря инстинкта самосохранения, а внешне так восхищающая нас смелость, есть первый и убедительный симптом болезни. На опасное сближение, тем более контакт с лисом он бы не пошёл, но сделать снимок его обязывал долг. Дмитрий Валерьевич заведует зоогруппой эпидемиологического отдела в Федеральном государственном учреждении здравоохранения «Центр гигиены и эпидемиологии в Воронежской области». Он профессионально занимается опасными для людей заболеваниями, которые распространяют насекомые, птицы, млекопитающие. Дальнейший рассказ о бешенстве, представляющем для наших мест в настоящее время нешуточную угрозу, подготовлен на основе его наблюдений, исследований, выводов.

И всё-таки начну с собственных впечатлений. Как-то летом меня укусила собака. Травма по тяжести ниже средней, но след от зубов остался, рана кровоточила, и мои многочисленные родственники (среди них были и медики) немедленно отправили меня в больницу. Там даже не выясняли, здоровая собака была или больная, сразу прописали 56 очень болезненных уколов от бешенства. Делали их в живот. То лето у меня безнадёжно пропало, зато на всю жизнь усвоил правило: никогда и никому не позволяй себя кусать, держись подальше от всяких зубастых, лучше обойтись без репутации смельчака, чем терпеть бесконечное ширянье шприцем в живот. Наверное, в очередной раз подтвердилась известная пословица: пуганая ворона куста боится.

Правда, для нашего менталитета больше подходит другая: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Похоже, теперь она отстает, потому что гром давно гремит, а воронежский мужик ещё не крестится. Количество пострадавших от бешенства имеет очевидную тенденцию к росту.

Развивались драматические события по единому сценарию. Во двор забежала лиса, её поймали, убили, но она успела кого-то укусить. Охотничья страсть глушил благоразумие, никто не задумывается, с какой стати умная, хитрая, всегда осторожная лиса вдруг заявила во двор, никого не испугалась и позволила себя прикончить. В больницу не обращаются, в лучшем случае укушенное место помажут йодом.

В среднем инкубационный период бешенства у человека продолжается от 1 до 3 месяцев, возможны колебания от 10 дней до года и более. На завершающем этапе начинаются судороги, появляется водобоязнь, после чего вмешательство медицины не имеет смысла. Врачи лишь могут облегчить страдания обречённого. Определённое влияние на течение болезни имеют привходящие обстоятельства, вроде того, в какую часть тела нанесён укус, насколько глубокой оказалась рана, много ли попало слюны. Но это всё детали, и не о них речь. Главное, пострадавшему надо срочно принимать грамотные меры. Рану промыть мыльным раствором и срочно, просто немедленно обратиться в больницу. Сейчас от бешенства делают не более 6 уколов в плечо и параллельно осуществляют профилактику от столбняка.

В жизни нас постоянно сопровождают экстремальные ситуации, и трудно быть подготовленным ко всем. Но если уж бешенство стало представлять серьёзную опасность, то общество не может оставаться в стороне. Людей надо защищать – информировать, предупреждать, просвещать. У нас этот процесс, похоже, идёт в обратную сторону. Перед Новым годом местное телевидение в хронике вечерних новостей показывает ролик, как во двор к городским жителям забежала лиса, а сидящий на цепи (!) пёс её поймал и задушил. Поскольку снимали любительской видеокамерой, качество оставляет желать лучшего, но всё-таки видно, как на шее у собаки болтается цепь, а лиса дёргается в агонии. Ведущая аж сомлела от экзотики. Хотя требовалось бить тревогу и в голос кричать об опасности. Ведь представился подходящий случай, и нельзя было его упустить.

Если до последнего времени бешеные лисы забегали на сельские подворья, то теперь добрались до города, где вероятность контакта с людьми многократно увеличивается.

Вирус бешенства и цепочка его распространения изучены достаточно хорошо. Исходный очаг – главным образом лисицы и волки, численность которых зависит от количества доступного корма – в основном мышевидных грызунов. В последние годы грызуны расплодились, что способствовало увеличению поголовья лис, и ситуация обострилась. Лисы заражали друг друга, а также собак, кошек и домашний скот. Вся компания скопом и каждый по отдельности могут наградить человека опасным вирусом.

Пока все звенья цепи находятся в естественном состоянии по численности, катаклизмов в виде вспышки бешенства можно не ждать. Однако масштабное, даже планетарное вмешательство человека в природу лишило нас надежды на равновесие. Ещё 30–40 лет назад распаханность земель под возделывание зерновых достигла абсолютного уровня, то есть распахивать больше нечего. Собирали огромное количество зерна, много теряли на полях, но взрывного увеличения численности мышей не наблюдалось. Сдерживающий фактор известен – их травили целенаправленно и попутно, обрабатывая поля пестицидами, гербицидами. Щедрое внесение в почву минеральных удобрений здоровья мышам тоже не прибавляло. То есть на сельскохозяйственных территориях существовала грамотная, долговременно-го планирования культура земледелия.

Экономические трудности известного периода вынудили тружеников села сократить химизацию, а то и вовсе от неё отказаться. Грызуны скоро почувствовали снижение антропогенного воздействия и взялись размножаться. К тому же изрядные площади заброшенных полей обеспечивали им стабильную кормовую базу. Потерянное зерно весной прорастало, осенью осыпалось, обеспечивая мышей кормом. Грызуны расплодились в неимоверных количествах.

Увеличение белковой пищи не повлекло адекватного увеличения численности первых охотников на мышей – лис и сов. Конечно, их стало больше, но хищники не в состоянии радикально сократить количество грызунов, и те продолжали множиться. Помню, как осенью 2006 г. несметные полчища мышей с окрестных полей ринулись в деревенские дома. Наша кошка, не покладая зубов и когтей, трудилась круглые сутки. Поставленная ей в помощь мышеловка щёлкала, едва я вытряхивал очередную жертву.

В естественных условиях ни один вид не имеет возможности размножаться беспредельно. Природа строго следит за численностью своих подопечных. После достижения критического максимума непременно начинается спад. Биологи достоверно установили – перенаселённость чревата последствиями. Теснота раздражает, провоцирует агрессию, снижает иммунитет. В итоге любая инфекция вызывает эпидемию, в том числе бешенства.

Возникает вечный вопрос: что делать? Ликвидировать поражённых вирусом лисиц невозможно. Тем не менее, принимать меры по сокращению их общей численности нужно. Сейчас с энтузиазмом обсуждают предложение перестрелять бешеных лис. Смысл есть. Только вместе с больными можно извести здоровых. Специалисты проводят вакцинацию лис. Не уколами, конечно, а раскладыванием в местах их обитания пищевых брикетов с компонентом вакцины. Есть одна существенная сложность – такую работу могут выполнить настоящие следопыты из числа охотников или натуралистов, знающих повадки лис, умеющих читать следы.

Вот такая складывается картина. В ближайшее время вряд ли удастся полностью ликвидировать первопричину бешенства, потому заботиться о своём здоровье нам придётся самим.

АНИМАЛИСТИКА

Деревенское детство даёт ребёнку представление о животном мире с ранних лет. Он ещё говорит не умеет, а уже знает собак, кошек, кур, гусей, уток, свиней. Мои познания допол-

няла книжка-раскладушка из толстых листов картона, намертво соединённых коленкором. По причине своей повышенной прочности она без потерь перенесла моё совсем не деликатное с ней обращение и дожила до тех пор, когда я уже сам читал в ней стишкы под яркими, красочными картинками. Некоторые помню до сих пор. Например, под картинкой несуразного, по-тешного верблюжонка были такие: «Бедный, маленький верблюд. Есть ребёнку не дают. Он сегодня съел с утра / только два таких ведра». Появившееся тогда сочувствие к голодающему верблюду осталось на всю жизнь.

Уже будучи журналистом, в очередной поездке по бескрайним казахстанским степям увидел стадо верблюдов. Среди них выделялся неимоверно огромный двугорбый красавец. Такой редкий объект для съёмки пропустить было бы непростительно. Попросил немедленно остановить машину, вышел и направился к верблюду, чтобы сфотографировать крупным планом. Не успел сделать несколько шагов, как из машины раздался хоровой вопль моих попутчиков: «Назад! Назад!» Что-то заставило меня послушаться и вернуться. Ещё не хлопнул дверцей, а водитель вдавил в пол педаль газа. В ту же минуту сзади раздался мощный топот. Оглядываясь – за нами мчится мой объект съёмки. Шея вытянута, огромные жёлтые зубы ощерены, ножища мелькают как паровозные шатуны и лупят в землю. Догонял он нас явно не с добрыми намерениями.

Лишь когда отъехали на изрядное расстояние, и верблюд безнадёжно отстал, обратил внимание, как тяжело дышат мои попутчики, а лица их, смуглые от природы и от жаркого степного солнца, заливает бледность. «Может затоптать, убить. Такие случаи были, – пояснили они. – Гон у него. Дурной делается. Подходить нельзя». Вот вам и бедный, маленький верблюд.

Однако моё отношение к верблюдам не изменилось, осталось таким же уважительным и сочувствующим, каким сложилось в детстве по картинке в книжке-раскладушке. Такова сила изобразительного искусства. О ней люди знали всегда. С первобытных времён животных рисовали на скалах, на стенах пещер, лепили их фигурки из глины. Поклонялись им, просили удачной охоты. Прошли тысячелетия, прежде чем искусство изображать животных сформировалось в самостоятельное направление и получило название «анималистика». Она сочетает в себе естественно-научные и художественные знания, требует до скрупулёзности точного изображения животных.

Хотя в прикладном искусстве свои каноны. У нас всегда были популярны игрушки-фигурки животных из ткани, соломы, дерева, но большей частью из глины. Кого только не лепили – коников, барабанов, петушков, пороссят. Обожжённые, пёстро раскрашенные, они радовали взгляд, просились в руки. А ещё делали фигурки-свиристельки. Детей они приводили в совершенный восторг. Производством глиняных игрушек занимались целыми деревнями, сёлами. Много было предметов бытowego обихода. Кошки и пороссята служили копилками, петухи – сосудами для вина. Мастера-стеклодувы ухитрялись внутрь узкогорлого графинчика посадить цветного петушка. Голову сломаешь и не додумаешься, как они это делали.

Маленьким островком в бескрайнем море мировой анималистики выглядит японская миниатюрная скульптура – нэцкэ. Первоначально маленькие фигурки животных служили японцам чем-то вроде брелков или пуговиц, а со временем превратились в предметы

искусства. Их вырезали из дерева, слоновой кости, нефрита, яшмы. Теперь это уже не вещи утилитарного назначения и не игрушки.

Пантеон японских фигурок довольно широк, но не безграничен, потому что каждая обязательно отражает какой-то миф, предание, наполнена глубоким смыслом. Например, скромная мышка на пальмовом листе рядом с верёвкой из рисовой соломы означает пожелание дому достатка, долговечности, а хозяину – чистоты в помыслах и делах. Смысл в том, что мыши водятся там, где есть зерно, пальмовые листья на крыше сохранят дом сухим, а верёвка из рисовой соломы отгоняет злых духов.

Подспудно ощущаешь смысловые нагрузки нэцкэ, разглядываешь их часами, пытаешься понять послание из далёкой страны. Их притягательная сила несомненна. Вывезенные в Европу, нэцкэ покорили ценителей искусства, стали предметами страстного коллекционирования.

Анималистика не сопряжена с политикой, она беспрепятственно пересекает границы, обогащает культуру народов. Вместе с тем в каждой стране остаются свои пристрастия в выборе животных для изображения. В Индии – слоны, в Испании – быки, в России – медведи и практически повсеместно – лошади. Умные, грациозные, могучие, стремительные, послушные и строптивые, они покоряют нас с первого взгляда. Во все времена были художники, скульпторы, посвятившие свой талант изображению лошадей. Наверное, все знают квадригу с четырёхкой лошадей на фронтоне Большого театра. Кажется, ещё мгновение, и оживут бронзовые кони, унесут колесницу в заоблачное поднебесье. Прекрасны кони на Аничковом мосту в Санкт-Петербурге работы известного скульптора Петра Карловича Клодта. С одного взгляда ощущаешь напряжение противоборства строптивых коней и юношей, их укрощающих.

Нашей северной столице можно позавидовать – далеко не в каждом городе есть монументальные скульптуры П.К. Клодта. Да их просто не могло хватить на всех. Даже на Аничковом мосту установка скульптур-

ных групп растянулась на 15 лет. Первые две на западном берегу поставили в ноябре 1841 г. Они произвели настоящий фурор, слава о русском скульпторе-анималисте разнеслась по Европе. Поступил государственный заказ на две группы для королевского парка в Берлин. Отправили. В третий раз отлили две группы для моста и опять отправили за рубеж. Теперь в Неаполь. Серийный выпуск даже шедевров П.К. Клодта не устраивает, и в четвёртый раз он делает две разные группы. Наконец, в 1856 г. их устанавливают на восточном берегу. В итоге все четыре группы разные. Увидеть их с одной точки невозможно, каждая требует индивидуального созерцания. В итоге серьёзно выигрывает вся композиция.

Пишу о перипетиях скульптурных групп, дабы подчеркнуть, как велико стремление людей созерцать настоящие шедевры анималистики. У жителей Воронежа тоже есть возможность видеть анималистическую скульптуру. У кукольного театра уже несколько лет сидит в ожидании хозяина охотничий пёс Белый Бим Чёрное ухо, герой одноимённой повести Г.Н. Троепольского. Хорошо, что он без пьедестала – к нему подходят, глядят и дети, и взрослые. Незамысловатая скульптурная группа «Котёнок с улицы Лизюкова» тоже привлекает внимание.

Скульптуры лошади в Воронеже нет. Предлагали одну, но город от неё отказался. И правильно сделал. К благородным животным это творение рук человеческих никак не отнесёшь. Скорее, монстр с гипертрофированной фигурой и немыслимой мощью челюстных мышц, ибо держит в зубах выдранный железнодорожный рельс. (Кстати говоря, в скульптуре единственная реальная деталь.) Надо иметь очень устойчивую нервную систему, чтобы без содрогания смотреть на это чудовище.

Не хочу упрекать автора в беспаланности. Нет. Может быть, он создал в своём роде произведение, предупреждающее о возможном апокалипсисе и связанной с ним мутации животного мира, когда выжившие лошади будут способны выдирать с путей и жевать железноз-

дорожные рельсы. Хотя гипербола, но право на жизнь имеет, как любая фантазия художника.

Мне самому природа нравится в первозданном виде. Она прекрасна, бесконечна в познании и в художественном воплощении. Скромные, реалистичные рисунки карандашом дороже бронзовых монстров.

ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

В самой известной христианской молитве «Отче наш» есть просьба к Богу: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». В переводе не нуждается, поскольку известна всем, повторяема годами, столетиями и уже третье тысячелетие. В Библии есть и наказ от Бога: «В поте лица твоего будешь есть хлеб». Иначе говоря, не ленись, работай, не надейся на манну небесную. Под хлебом, наверное, подразумевается вообще пища, включая мясо, молоко, рыбу, овощи, фрукты. Но главной составляющей практически для всех народов земли остаётся хлеб.

Историки часто расходятся в определении истоков производства общественного продукта, но в отношении хлеба единодушны – начало оседлой жизни человека, собирательство. Кто-то мудрый догадался растолочь зёрна диких злаков, муку смешать с водой, комок теста испечь на углях. В итоге родился хлеб, самый щедрый и бесценный дар природы. Уже проще было сообразить высевать собранные зёрна поблизости от жилья, чтобы легче было сторожить, собирать урожай и доставлять к жилью. Землю рыхлили палкой, мотыгой, пахали со хой, плугом.

На древнеегипетских фресках, переживших три тысячелетия, схематично изображены военные подвиги

фараонов, их охотничьи утесы и подробнейшим образом представлен весь процесс возделывания хлеба и хлебопечения. Египтяне знали более тридцати сортов хлеба, но преимущественно пекли узкие, длинные батоны, впоследствии позаимствованные французами и названные ими багетами. Мы переняли их у французов. Поначалу багеты казались чудными, но скоро отменное качество новых хлебобулочных изделий снискало им популярность. Каждый раз, когда покупаю этот длинный батон, с улыбкой думаю, чей же он по национальности – русский, французский или египетский?..

Хлеб давно пересёк границы государств, стал интернациональным продуктом. Мы с удовольствием едим пресный лаваш. Толстый и круглый, как наш блин, грузинский и тонкий, как бумага, армянский. Отдаём должное узбекским лепёшкам. И всё-таки русскому сердцу милее каравай и буханка. Конечно же, самый вкусный хлеб был в детстве. Когда бабуля на капустных листах в жарко натопленной русской печи пекла хлебы (она так и называла хлеб во множественном числе – хлебы), в доме воцарялся торжественный, благолепный дух. Ох, как долго тянулось время! Пока она достанет каравай, отскоблит сгоревшие листья, рядом выложит их на стол, накроет чистым холщовым полотенцем, оставит отдохнуть, не оставалось никакой моченушки ждать. Так хотелось вцепиться и отломить хоть чуток с краешку! Для пущей безопасности караваев меня выпроваживали на улицу.

В будни мы, как все жители нашего райцентра, ели хлеб, полученный по карточкам. После долгого, утомительного стояния в очереди прижимал к груди во-жделенную буханку и шёл домой. Когда перед носом маячит пахучая горбушка, не отщипнуть от неё просто невозможно. К дому буханка оказывалась изрядно ощипанной, за что от бабули полагалась взбучка. После назидательного монолога она отрезала от буханки «травмированное» место, давала мне, и я совершенно счастливый летел на улицу.

Бог миловал, голода я не знал, но в деревнях моей родной Пензенской области люди ели хлеб из лебеды с мякиной. Сегодня я бы сравнил его с зелёным пластилином, – такой же тяжёлый и липкий. Но и он был бы в радость моим родственникам, когда к весне голодного 1933 г. в доме не оставалось ни мякины, ни отрубей, а лебеда ещё не выросла. Ели липовые почки. Дождались первых листочков, нарвали, высушили, истолкли, замесили, налепили лепёшек, посадили в печь. Стали ждать, когда испекутся. Лепёшки на их глазах вспухли, пошли парком и разом вспыхнули маленькими костерками.

В годы изобилия хлеб стоил сущие копейки. В сельских магазинах буханки покупали охапками, кормили домашнюю птицу, скот. Ржаной был дешевле комбикорма. В нашей студенческой столовой хлеб лежал на столах, есть можно было сколько угодно. Правда, в меню под перечнем блюд стояла замысловатая аббревиатура «Ст. хл. вх. в ст. бл.», что значило: «Стоимость хлеба входит в стоимость блюд». Не волновало. На ужин можно было взять винегрет, стакан чаю и плотно поесть.

Сейчас хлеба на любой вкус. Только стоит он очень не дёшево, и потому досадно видеть, когда воспитывают к нему, мягко говоря, неуважительное отношение. Буквально осталбенел, когда по телевизору увидел в каком-то низкопробном шоу, как его участники состязались в меткости и швыряли друг в друга заварные пирожные. Шоу раз показали и угомонились. Зато в назойливой рекламе мужик придуроватого вида по не сколько раз за вечер шмякал торт кремом на пол. Язык не поворачивается пожелать этим циникам пережить голодный 33-й год, но на недельку посадить их на хлеб из лебеды не помешает. Сразу бы научились хлеб уважать.

Самого глубокого уважения достойны хлеборобы. Нелёгкая это работа – выращивать хлеб. Не раз сидел в кабине гусеничного трактора, пытался пахать. Трясёт как на вибростенде, к рычагам требуется прикладывать недюжинные усилия, в кабину прессуются гарь, пыль, дышать нечем. После смены от зари до зари тракторист

не чует ни рук, ни ног и голова идёт кругом. Не многим лучше на комбайне. Солнце жарит, кабина раскалилась, а надо скосить, обмолотить, пока сухо.

В пору моей молодости горожане ездили помогать селянам убирать урожай. Никогда не считал и сейчас не считаю дни работы на полях потерянными. По крайней мере, мы знали, как достаётся хлеб наущный.

Поклонения достойны люди, посвятившие себя выведению новых сортов ржи, пшеницы, ячменя, более урожайных, стойких к капризам погоды. Процесс длится тысячелетия, и конца ему нет, поскольку нет предела совершенству. Некоторые жизнь положили на алтарь селекции. Достаточно вспомнить имя нашего соотечественника академика Николая Ивановича Вавилова. Человек энциклопедических знаний, биолог, генетик, географ, он объездил земной шар в поисках зерновых культур. Был в Афганистане, Ираке, Эфиопии, Китае, Японии, Аргентине, Мексике, собрал уникальную коллекцию семян. Благодаря его вкладу в генетическом банке Всесоюзного института растениеводства хранится 180 тысяч образцов сельскохозяйственных культур и их сородичей. Жизнь Н.И. Вавилова оборвалась в сталинских застенках.

Тысячелетняя селекция – весомое и убедительное подтверждение слов И.В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё – наша задача. Человек может и должен создавать новые формы растений лучше природы».

Стоит на минутку закрыть глаза, представить череду прошедших через века селекционеров, пахарей, хлебопёков, их труды, силы, отданные хлебу, и начинаешь понимать, почему моя бабуля, простая крестьянка называла хлеб во множественном числе, уважительно, на ВЫ.

ДЕЛИКАТЕС

В Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля слова «деликатес», имеющего французское происхождение, нет. Автор, человек культурный,

образованный, французский, конечно, знал, ибо привёл прилагательное «деликатный», существительное «деликатность» и глагол «деликатничать», в смысле «обращаться с кем осторожно, щадя самолюбие его». Вот уж что в России во все времена было редкостью гораздо большей, чем деликатес, в смысле изысканное, тонкое кушанье.

Можно сказать, слово «деликатес» для русского языка не характерно, собственно, как и само кушанье. У нас ведь про каждого второго можно сказать, что он в жизни слаще морковки ничего не видел. Совсем не случайно веками живёт притча-скороговорка.

– Эх, и сладки гусиные лапки.

– А ты едал?

– Я не едал, но мой дед видал, как наш барин едал.

Потому для нас высший гастрономический изыск – чёрная и красная икра. Совсем не случайно слоган, означающий предел материального благополучия, появился на фотографии, где по чёрной икре выложено красной «жизнь удалась». Конечно, совсем не плохо изредка употреблять столь дорогостоящий продукт. Кстати говоря, знатоки не советуют накладывать икру на хлеб с маслом, есть её надо с серебра или морских раковин и малыми порциями, чтобы полностью ощутить вкус. Однако свет клином на икре не сошёлся – всего-то белок. Его почти столько содержится и в дешёвой щучьей.

Лет тридцать тому назад у нас в стране громко объявили о промышленном выпуске искусственной икры, призванной стать полноценным эквивалентом нату-

ральной или даже заменить её. Был на том предприятии, знакомился с технологией, дегустировал продукцию. Исходные компоненты самые простые – постное масло, желатин, соль, пищевой краситель. Внешне сходство искусственной икры с натуральной очевидно, но стоит взять в рот, как сразу чувствуешь – подделка. Шарики очень упругие, пытаешься прихватить их зубами, а они отпрыгивают, выскакивают. Вкус лишь чем-то отдалённым напоминает натуральную. Даже наши не избалованные соотечественники искусственную икру не приняли. Тут ещё слух распустили, что деликатес делают из нефти.

Бог с ней, с икрой. В принципе, легко обойдёмся без неё и при этом нисколечко не будем ощущать себя ущербными. Менталитет у нас особый. Суровый климат и тяжёлые условия жизни приучили довольствоваться малым, обходиться самым необходимым. Нам достаточно иметь мясо, молоко, овощи, фрукты, любимые нами мучные изделия, вроде хлеба, бубликов, блинов и пирогов.

Хотя мы совсем не равнодушны и к лакомствам – мёду, варенью, фруктовой пастиле. Всё это, опять же, просто в изготовлении, не трудоёмко. А мёд вообще получаем от пчёл готовым. Иное дело, например, грузинское лакомство чурчхела. На нитку нанизанные ядра орехов обмакивают в виноградный сок с мукой, уваренный до состояния густого сиропа. Вынимают, дают стечь, подсохнуть и снова опускают. Так несколько раз. Высохшую чурчхелу заворачивают в полотняное полотенце и на 2-3 месяца оставляют дозревать. Получается и вкусно, и полезно.

Но вернёмся к деликатесам. Казахи таковыми считают бараньи мозги. Опалённую голову варят, вскрывают со стороны нёба, мозги выкладывают на блюдце. Пускают по кругу, едят чайными ложечками понемногу. Детям и женщинам деликатес не полагается, только взрослым мужчинам. Демократичнее порядки у народов Севера. Тамошние деликатесные продукты – оленьи языки, губы, глаза – доступны всем. В былые времена

байкальские рыбаки по особо торжественным случаям потчевали гостей малосольными брюшками хариусов, омулей. Рыба сама по себе вкусная, а уж нежные, жирные брюшки, должно быть, объеденье. На Байкале часто бывал, дважды проплыл вокруг «славного моря», но брюшки попробовать не довелось.

У многих европейских народов дорогой деликатес – паштет из гусиной печени. В знаменитой французской кухне он называется «фуа-гра». Перед забоем птиц несколько месяцев держат на специальной диете, вызывающей у них гипертрофированное увеличение печени. В Польше опять же гуси поставляют гурманам другой деликатес. На груди им выщипывают перья и прикладывают пиявок. Когда они насосутся крови и отвалятся, их жарят. Изысканное блюдо готово, извольте кушать.

Все деликатесы мира меркнут перед японским, приготовленным из очень ядовитой рыбы фугу. Вообще-то в океане ядовитых рыб достаточно, но эта самая-самая. В Японии всего несколько ресторанов имеют лицензии на право готовить фугу. Способ держат в строжайшем секрете. Скорее всего, чтоб дилетанты не проznали и не проявили самодеятельность. Профессиональных поваров обучают пять лет, в завершение они ещё сдают экзамены. Надо думать, мера не лишняя, если от их умения зависит жизнь людей. Не исключено, что первыми приготовленную рыбу пробуют сами повара.

Тем не менее, риск остаётся. Несмотря на высокую стоимость блюд из фугу, гурманов, желающих испытать судьбу и божественный вкус рыбы, много. Когда был в Токио и мы с принимавшим меня коллегой выбирали ресторан, где можно попробовать настоящую японскую кухню, он обмолвился о фугу. Я уже знал, что это такое, и наотрез отказался.

Японский деликатес из ядовитой рыбы, по-моему, сродни бессмысленной русской рулетке, когда вслепую крутят револьверный барабан с одним патроном, приставляют ствол к виску и нажимают на спусковой крючок. Нервы щекочут, адреналина получают в избытке, но шанс выжить остаётся. Страсть к деликатесам не-

редко сопрягается с нелепостью и даже извращением. Ещё в дореволюционные времена в Санкт-Петербурге был клуб гурманов. Люди богатые, они перепробовали всевозможные деликатесы и яства из всех доступных по тем временам стран. На заморских устриц, омаров и отечественную икру уже не глядели – приелось, хотелось чего-то из ряда вон выходящего. Заказали мороженое из женского молока. Про таких в народе говорят – с жиру бесятся. Точнее не скажешь.

И всё-таки надо признаться, что интерес к деликатесам присутствует. Хотя бы познания ради хочется узнатъ, что это такое. Тем более если продукт красуется в витрине, и цена на него совсем не запредельная. Так, много раз читал о гастрономической страсти французов к виноградным улиткам. Своих они подчистую съедают и даже завозят из других стран. Почему бы не попробовать, если теперь они есть и у нас?

Улитки в красивых бледно-жёлтых с тёмными полосами раковинах. Они уже приготовлены, нафаршированы, остаётся разогреть в микроволновке, и через две минуты готово. Белый соус булькает, шкворчит. Не без труда извлекаешь вилкой крохотный кусочек тёмного, почти чёрного мяса. Упругое, но жуётся легко, чётко выраженного вкуса не имеет, потому сравнивать не с чем. Соус из сливочного масла и плавленого сыра глотаешь вдогонку.

Как у нас принято, сначала съел, а потом прочитал на упаковке, что это было. Оказывается, улитка пищевая. Разводят и готовят в Приморско-Ахтарске Краснодарского края. В семитомном академическом справочнике «В мире животных» такого моллюска не обнаружил. По внешнему виду раковина с виноградной улиткой ничего общего не имеет. Остаётся гадать, чем накормили предприимчивые краснодарцы. В тех краях морская ракана, прежде не считавшаяся даже съедобной, сейчас включена в список деликатесов.

Очевидно, подходит очередь лягушачьих лапок, обожаемых теми же французами. Помнится, известный персонаж из романа М. Шолохова «Поднятая целина» дед Щукарь очень их хвалил.

ВЕТКА КЕДРА

Под низко опущенными ветвями нашёл местечко посвободнее, протиснулся внутрь кроны и будто дверь за собой захлопнул. Ветер почти не ощущался, зато сразу почувствовался тонкий, едва уловимый аромат кедра, сочетающий запах смолы, хвои и спелых орешков. Описать его невозможно. Знаю одно: кто хоть раз вдохнул аромат кедра, уже никогда его не забудет и не упустит случая подышать им ещё.

Весной в гости к нам приходила дочь наших старинных друзей. Она стояла у кедра, гладила мягкую, пушистую хвою, наслаждалась идущим от неё ароматом, улыбалась каким-то своим тайным мыслям. Осенью снова пришла. Похоже, она была уже на девятом месяце. Опять подошла к кедру, долго от него не отходила. Срезал ей большую пушистую ветку, наказал опустить в воду и держать возле кровати.

В таёжных деревнях Сибири есть поверье: если беременная женщина перед заветным сроком подышит кедровым духом, то роды пройдут благополучно. Через две недели после нашей встречи моя юная знакомая безо всяких осложнений родила крепкую, здоровую девочку. И ещё одно опять же сибирское поверье. Если детей регулярно кормят кедровыми орешками, они часто бывают в кедрачах, то вырастают здоровыми, трудолюбивыми и умными.

Не имел возможности проследить за жизнью хотя бы одного сибиряка с рождения и до зрелого возраста, но знал семью таёжников на Алтае, убедительно подтверждающих поверье. У Фатея Петровича и Татьяны Фоминичны Поповых тринадцать детей. Сыновья – тру-

женики, богатыри, как на подбор, дочери – умницы, красавицы и мастерицы на все руки. Сам Фатей Петрович был бригадиром мараловодческой бригады, а семеро сыновей трудились под его началом. К семидесяти годам отошёл от дел, но ещё мог показать класс верховой езды и на здоровье не жаловался. Что удивительно, не потерял ни одного зуба и ни разу не был у дантиста. На моё восторженное замечание о его здоровье он привёл пример из таёжной жизни. Когда молодые волки меняют молочные зубы на постоянные, усиленно едят кедровые орехи. Оттого зубищи у них вырастают такие, что любые кости грызут как сухари. Вот, дескать, и у него зубы крепкие, потому что всю жизнь ел кедровые орехи.

Ещё раз очень уважительно отозвался Фатей Петрович о кедровых орехах теперь уже по другому поводу. Сказал, что хоть месяц проживёт в тайге без ружья, без провианта, была бы рядом кедра. На мой вопрос, почему в женском роде, он мне как ребёнку-несмышлёнышу доступно объяснил. Яблоня, груша, вишня – она, потому что плоды рожают, а уж коли дерево молоко даёт, то только она. И опять потребовалось объяснение.

Набирает он кедровых шишек (кстати, паданцы спелее, а потому ценнее и питательнее, чем сбитые), шелушит. Орехи давит или толчёт на пне, на лесине или плоском камне, складывает в котелок, заливает горячей водой, даёт настояться, отцеживает скорлупу и пьёт густое, как сливки, молоко. Пол-литровой кружки хватает, чтобы весь день не вспоминать о еде.

Дотошные учёные уже давно и до мельчайших подробностей выяснили химический состав кедровых орешков и узнали, почему они так сытны, почему у детей от них растут здоровые, крепкие зубы, а у кормящих матерей активизируется деятельность молочных желёз. Ещё они пожилым способствуют сохранению потенции и препятствуют образованию в крови холестерина. И что очень актуально по нынешнему времени, выводят из организма радионуклиды.

Целебна хвоя кедра. Приготовленный из неё настой используется как витаминизированный напиток и

средство от цинги. Смола обладает ярко выраженными бактерицидными свойствами. Нанесённая на гнойные раны, трофические язвы, способствует их быстрому заживлению. Потому и называется живица. В войну, когда остро не хватало лекарств, она спасла жизни тысячам раненых бойцов.

Прекрасна розовая, плотная и мягкая древесина кедра. Даже кощунственно говорить о ней, но лесоразработка диктует свои правила. Кедр живёт до 700 лет. Где-то к середине отпущенного срока он теряет способность плодоносить, и тогда на первое место выступает ценность его древесины. Думаю, самое достойное и благородное её применение – карандаши. Столетия Россия училась писать карандашом. Предки наши с детства умели, да и мы успели научиться аккуратно затачивать карандаши до мягкого грифеля, чтобы старательно выводить палочки, крючочки, кружочки. Кстати говоря, проекты первых космических кораблей тоже вычерчивали карандашами. Компьютерная графика пришла много позже.

В Сибири из кедровой древесины делают посуду для хранения муки, крупы и прочих сыпучих продуктов. В ней никогда не заводятся насекомые. Древесина и после жизни сохраняет свою бактерицидность. В старину на кедровых досках писали иконы. Не знаю, может быть, пишут и сейчас. О высоких достоинствах кедровой древесины знал библейский царь Соломон и потому приказывал поставлять ливанские кедры на строительство храмов. С тех пор кедровые леса в Ливане изводили так старательно, что на всю страну остались единицы. Из них самый красивый кедр с характерно горизонтально вытянутыми ветвями помещён на государственный флаг Ливана.

Вообще кедров на земном шаре растёт довольно много. Есть сибирский, европейский, корейский, гималайский, атласский. Самый причудливый из них – кедровый стланик. Видел его на севере Иркутской, Читинской областей, на продуваемых всеми ветрами горных склонах. Ствол у него не столько высокий, сколько длинный, потому что лежит. Ветви зимой прижимаются

к земле, и снег защищает стланик от суровых морозов. Шишки у него с детский кулачок, орешки – с подсолнечное семя, но съедобны.

Когда заходит разговор о каких-то экзотических растениях, то оказывается, что растут они где угодно, но только не у нас. Кедр – исключение. В нашем благодатном Черноземье энтузиасты выращивают кедры в садах, на приусадебных участках. Под Воронежем есть настоящая кедровая роща взрослых тридцатилетних деревьев. Они уже плодоносят. Роща посажена и выращена трудами известного в нашей стране лесовода, профессора Воронежской государственной лесотехнической академии Евгения Васильевича Титова. Он и по сей день её опекает. С середины декабря и до Нового года со своими студентами круглые сутки охраняет. Рощу не афиширует и ни в одном из средств массовой информации ни разу не проговорился о месте её нахождения.

Недавно Евгений Васильевич издал замечательную книгу о кедре, его эстетических и практических достоинствах. Он рассказывает, как грамотно посадить кедр в зависимости от почвы, климата, залегания грунтовых вод и ещё множества всяческих факторов, способных в будущем повлиять на рост и плодоношение деревьев. В силу физиологической специфики кедра настоятельно рекомендует сажать его только весной.

Даёт профессор рецепт замечательного кедрового бальзама. Не стал бы его рекомендовать, если сам в силу наших с ним дружеских отношений не единожды имел возможность его дегустировать.

Итак. Берут килограмм чистых спелых орехов, килограмм мёда, литр водки, всё соединяют, хорошо погружают и оставляют на трое суток в тёмном месте. Например, в буфете или серванте. Сливают. В осадок вливают ещё литр водки и опять оставляют на трое суток. Аналогично в третий раз. Полученные три порции бальзама, слитые в одну ёмкость, перемешивают, наливают в маленькие рюмочки и пробуют. Вкус бесподобный, впечатление ослепительное – салют, фейерверк и звездопад одновременно.

КОСТЁР РЯБИНЫ КРАСНОЙ

Гляжу на опустевший осенний сад, на пылающую огненными гроздьями рябину, и на память сами

приходят певучие есенинские строки:

*В саду горит костёр рябины красной,
Но никого не может он согреть.*

Наверное, так оно и есть, но отчего же тогда так быстро тает первый снег на ягодах и падает хрустальной капелью? Ягоды пылают горячими углами. Кажется, дотронешься и обожжёшься. Сознание не принимает очевидного потепления, как в детстве, хочется волшебства и тайны. Откройся, рябина. Почему так щемяще трогательна твоя красота, почему хочется смотреть и смотреть на тебя, чувствуя, как сердце переполняется жалостью к тебе, к себе и ко всему белому свету.

Скорее всего, потому что люди особенно остро жалеют всё последнее – последнюю горсть муки, последнюю щепоть соли, последнюю спичку, последние дни догорающей жизни, а на рябине – последние ягоды совсем ещё недавнего летнего изобилия. Сад опустел, больше ничего нет и не будет до следующего года. Будто только вчера сливы ломились от урожая медовой сладости, по ночам с глухим стуком падали в траву переспевшие яблоки, абрикосы от удара о землю лопались, исходили соком. А сколько было смородины, крыжовника, земляники. Хозяева в лёгкой панике метались по саду, сами ели, вёдрами раздавали соседям, сушили, варили. Казалось, изобилию не будет конца. Однако однажды утром проснулись, а уже ничего нет, как-то внезапно всё кончилось. Да и лето прошло, и тепла больше нет, первые

заморозки белили траву инеем. В печали о былом летнем великолепии роскошный багрянец рябины бросается в глаза, будит в душе прощальные осенние мотивы.

Удивительное дерево рябина. Окружено суевериями и повериями, домыслами и легендами. Считается, что рябина у дома не пустит ни в дверь, ни в окно нечистую силу, хозяев убережёт от порчи и сглаза. Если за спинами стоящих в толпе взмахнуть рябиновым прутиком, то откроются ведьмы и колдуны. В России любима и почитаема не только потому, что песенна и красива, но полезна от макушки до корней. Весной с цветов пчёлы собирают обильный нектар, ягоды приятны на вкус и обладают лечебными свойствами. Даже листья целебны. У мастеровых людей рябиновая древесина пользуется особой любовью. Она прочная, вязкая, легко поддаётся полировке. Из неё делают посуду, рукояти для стамесок, напильников, рашпилей и других инструментов. В то же время рябина по-женски нежное дерево – плохо переносит загрязнение воздуха дымом и газом.

Многие думают, что рябина делается сладкой лишь после первых морозов. Правильно, но сейчас так много культурных сортов, что ягоды уже можно есть в конце августа, едва они успеют покраснеть. Пожалуй, самый популярный у нас в стране сорт – невежинская рябина. Название получила по названию села во Владимирской области, где и была выведена. Задлые садоводы считают делом чести иметь у себя именно невежинскую рябину – и патриотично, и практично. Взрослое дерево даёт до 100 кг ягод. О черноплодной рябине речь не ведём. Хотя живёт у нас давно и распространена широко, но всё равно чужестранка – завезена из Северной Америки.

Готовят из рябины множество вкусных, экзотических сладостей. Некоторые настаивают рябину на коньяке. Недурно получается, по собственному опыту знаю. На мой взгляд, лучшее применение рябине – варенье. Ароматное, терпкое, с эдакой благородной горчинкой.

По достоинству оценивают рябину птицы – снегири, свиристели, дрозды-рябинники. Так приятно смотреть,

когда они пируют! Только уж очень расточительны. Плюхнется снегирь-толстячок на гроздь, и половина ягод осыпается. Начинает клевать, и опять падают. Одну возьмёт, три стряхнёт. Под деревом уже ковёр багряный, но с земли никто ни единой ягодки не подберёт. Тем паче, если снегом запорошит. Запоздавшие свиристели довольствуются остатками. А ещё наведываются дрозды-рябинники. Они тоже любят багряные ягоды. Многих выручает добрая рябина в голодную и холодную пору.

*Когда пробьёт последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зрячее опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них.*

Фёдор Тютчев

КРЫЛЬЯ СВОБОДЫ

О взаимоотношениях человека с дикими животными написано множество интересных книг. Каждая удивляет, восхищает, но всё-таки самые яркие впечатления оставляет собственный опыт.

За годы жизни и работы в Казахстане не раз приходилось слышать рассказы об охотниках, промышляющих с помощью прирученных беркутов. Им не надо ни ружей, ни патронов, был бы конь под седлом, ясная погода, и всегда они с добычей. Беркуты берут зайцев, лис и даже волков.

Беркутчи – так называют охотников с беркутами, окутывает туман таинственности. Они, дескать, не от мира сего, замкнуты, нелюдимы, имеют редкий дар приручать орлов. Постепенно туман, вообще характерный для азиатского менталитета, рассеялся, и открылась неведомая страница в общении человека с дикой природой.

Сначала ловят молодого беркута. Старые не приручаются, а птенца выкормить очень сложно, практически невозможно. Дрессируют беркута простым и жестоким

способом. Ему надевают на голову колпачок, закрывающий глаза, сажают на верёвку, натянутую в сарае или в юрте. С этого момента его не кормят и не дают ни минуты покоя. Верёвка сама по себе зыбкая опора, а если её непрерывно дёргать, то и удержаться стоит усилий.

Члены семьи меняют друг друга и круглые сутки тревожат беркута. Всем строго наказано не произносить ни слова – беркут не должен слышать человеческого голоса. Проходит день за днём. Скоро голод и непрерывное беспокойство превращаются в пытку. Ярости беркута нет предела. Он растерзал бы любого, кто оказался поблизости от его стального клюва и кинжалной остроты когтей. Но кругом никого, только немая пустота и зыбкая верёвка в лапах.

Постепенно силы оставляют беркута. Он всё чаще падает и повисает вниз головой на путцах, кожаных ремешках, которыми за лапы привязан к верёвке. Его возвращают в вертикальное положение, и пытка продолжается.

Птицу мучают до последней, едва уловимой грани между жизнью и смертью. Опытный беркутчи точно улавливает момент готовности, сажает пленника на руку, срывает с головы колпачок и протягивает кусок мяса. Инстинкт самосохранения взрывается жаждой жизни, и больше нет злости, ярости, всего, что веками отделяло беркута от человека. Отныне покой для него только на этой руке в рукавице из бычьей кожи, а пища от скуластого благодетеля в лисьем малахе. Рукавица, лицо, голос, явившиеся ему вдруг из тьмы мучений, сливаются в единственный символ жизни. От царственно-го властелина неба не осталось ничего. Есть существо в перьях, готовое ради куска мяса служить хозяину.

Если же беркут не сломлен, отказывается принимать пищу и норовит поквитаться с мучителем, то пытку продолжают, пока он не покорится или не погибнет от истощения. Тогда ловят другого.

Жестокая дрессура оказывается столь эффективной, что даже во время охоты, когда беркут абсолютно свободен, для человека недосыгаем, он всё равно

возвращается за жалким куском мяса. О преданности не может быть речи, о дружбе говорить стыдно. Тем более рассказывают, был случай, когда беркут, посланный за лисой, с высоты пал на хозяина, когтистой лапой схватил за шею, а стальным клювом в несколько ударов раскроил ему череп. Может быть, ошибся, принял лисий малахай на скачущем всаднике за бегущую лису. А может быть, безошибочно отомстил. Не случайно ведь беркутчи строго соблюдают правила безопасности. Едва беркут садится на руку, как хозяин тут же зажимает путцы в кулак, тем самым связывает его и, нахлобучив клубок на голову, ослепляет. Значит, не доверяет, опасается.

Совсем иные отношения человека с хищной птицей однажды довелось наблюдать в маленькой деревеньке на берегу Волги. Проходя по улице, заметил на крыше сарай белобрысого мальчионку в тельняшке, изрядно поблекшей от жгучего солнца. Приставив ладошку ко лбу, он пристально всматривался в небесную синь, пытаясь что-то или чего-то там разглядеть. Вдруг встрепенулся, вложил в рот два пальца и лихо, по-разбойничьи засвистел. В ту же минуту кубарем скатился с крыши, побежал на открытое место.

Ожидая увидеть голубей, я оглянулся вокруг, но ни одного не увидел. Каково же было моё удивление, когда крохотная точка в небе вдруг превратилась в пикирующего прямо на мальчишку огромного чёрного коршуна. Казалось, ещё мгновение, и хищник сшибёт парнишку. Надо бежать, а он пошире расставил ноги, поднял согнутую в локте руку, готовясь принять птицу. На подлёте коршун спарашютировал крыльями, выставил вперед когтистые лапы и опустился на детскую руку.

Мальчишка обернулся ко мне и очень серьёзно предупредил:

– Вы не подходите к нам близко. Стальной может испугаться. Он не любит чужих.

Эти двое явно были свои, как писал Р. Киплинг, одной крови. Коршун старался видеть и меня, и мальчишку, но почему-то только правым глазом, для чего пово-

рачивался боком. Как потом выяснилось, на то имелась серьёзная причина.

Коршуна птенцом подобрал отец и привёз показать сыну диковинную птицу, а тот загорелся желанием вырастить его и приручить. Детство наивно. Ум ребёнка, не обременённый специальными знаниями, не признаёт правил, ограничений и часто принимает решения, не совместимые с опытом взрослых. Родители уговаривали Серёжу, так звали мальчишку, отказаться от птенца. Дескать, выкормить его не просто, а ты не умеешь, не знаешь, он всё равно погибнет. Только напрасно потеряешь время и будешь расстраиваться. Займись лучше полезным делом – огород поливай и книжки читай.

Серёжа исправно поливал огород, а до книжек не доходили руки. С утра до позднего вечера он собирал корм для своего питомца. Птенец был форменной обжорой, постоянно хотел есть и требовал корма. Серёжа ловил ему крупных мух, оводов, кузнечиков, стрекоз, в навозной куче выкапывал червяков, белых толстых личинок жуков-бронзовок. Скармливал горстями, а птенцу всё было мало. Как-то принёс с рыбалки ведёрко мелких карасиков. Птенец глотал их одного за другим и за день съел всех. Кошка поймала мышь, но есть не стала, а он не отказался. Вообще птенец не привередничал, ел всё – сырое и варёное мясо, хлеб, котлеты, колбасу.

Как и все мальчишки, Серёжа любил настыривать, и птенец связал кормление со свистом. Стоило посвистеть, как птенец начинал хлопать крыльями, разевать клюв и громко требовать корма.

Питомец рос на глазах, покрывался красивым тёмно-коричневым оперением. Серёжа уже знал, какие у него острые когти и крепкий клюв, прямо железные. На себе испытал, когда сажал коршуна на руку, носил по двору, понуждая летать. Тельняшка была слабой защитой, но Серёжа терпел. Зато кличку Стальной дал коршуну с глубоким смыслом.

Вскоре Стальной начал летать. Легко поднимался на крышу, на ближние деревья, кружил над усадьбой. Он уже был не отличим от взрослой птицы. Едва на-

чавшаяся самостоятельная жизнь чуть не закончилась трагедией. Своей добычей коршун выбрал цыплят с соседнего двора. Хозяин подкараулил и пальнул в него из мелкашки. Коршун кувыркнулся, беспомощно захлопал крыльями, но всё-таки поднялся и улетел. Серёжа всё видел, в сердцах запустил соседу камнем в окно, за что по неписанным деревенским правилам был выпорот.

Коршун пропал. Серёжа на велосипеде объездил окрестности, звал, свистел, но безуспешно.

Удивительно, но коршун вернулся. Серёжа заметил его, когда он выписывал широкие круги над домом. Отчаянно засвистел, стал звать, и коршун откликнулся, спланировал на поднятую руку. У Стального на месте левого глаза теперь был рубец, затянутый тонкой кожей. Ах, как хотелось тогда Серёже перебить соседу окна! Удержанялся.

Давно уже Серёжа не кормит своего питомца, но тот всё равно откликается на зов, прилетает. Недолго сидит на руке, заглядывает единственным глазом мальчишке в лицо, будто запоминает и возвращается в небо. Серёжа даже не делает попытку его удержать. Зачем? Стальному нужна свобода.

В деревне умение Серёжи приманивать коршуна считают чудом. Но чуда нет, просто у мальчишки доброе сердце.

СОКОЛ МОЙ ЯСНЫЙ

Некогда бытовавшее на Руси такое обращение к любимому мужчине теперь редко услышишь. То ли нет достойных, то ли забыли соколов, и многим за всю жизнь не выпадает случай увидеть эту редкую и удивительно красивую птицу.

Сокол действительно ясный. Спокойный, открытый взгляд больших круглых глаз сразу вызывает симпатию, располагает к доверию. С ним всё чётко, понятно. Сокол не может быть непредсказуемым, от него не надо ждать коварства, хитрости. Он живёт по однозначному правилу: голоден – будет охотиться, сыт – не обратит внимания на самую лёгкую добычу. В отличие, например, от совы, – спящую или сидящую на гнезде птицу не тронет, бьёт только в полёте, словно предлагает потягаться в скорости, ловкости, смекалке.

Пишу эти строки, вовсе не повторяя известных натуралистов, но по собственным впечатлениям после соколиной охоты, увиденной в заповеднике «Галичья гора». Есть такой в Липецкой области.

Вроде бы охота с заповедником не совместима, но «Галичья гора» – исключение. Здесь в специальных вольерах выращивают соколов – балобанов, чтобы потом выпускать их на волю, то есть возвращать в естественную среду обитания. К самостоятельной жизни птиц надо готовить, в том числе обучать искусству охоты.

Просто сохранять уже некого. Соколы, некогда обычные на территории России, вывелись. Не сами, конечно, а в результате неразумного хозяйствования и жестокости человека. Каждый охотник-недотёпа считал вредной любую птицу с крючковатым клювом и убивал, чтоб «не таскала курей с моего двора».

Главной причиной, приводящей к массовой гибели хищных птиц, была безмерная химизация сельского хозяйства. Земля, отравленная ядохимикатами и ударными дозами минеральных удобрений, рожала отравленные овощи и злаки. Ими постепенно травились грызуны и птицы. Токсины имеют способность откладываться в жировой клетчатке и накапливаться. Со временем концентрация их может достигнуть критического уровня. Так, во время перелётов идёт активное сжигание жира, птицы травятся токсинами собственного организма и гибнут. Но то, что птица накапливает длительное время, склёвывая по зёрнышку, сбивший её сокол, как и любой другой хищник, получает сразу.

Ударные дозы отравы, следуя одна за одной, прежде всего отключали механизм размножения. Самки бе-зспешно высиживали мёртвые, неоплодотворённые яйца или вообще их не откладывали. Резко сокращалась продолжительность жизни взрослых птиц. Отравленный организм не выдерживал интенсивных нагрузок, и птицы гибли.

Орнитологи знают великое множество соколиных – пустельга, дербник, кобчик, чеглок, балобан, кречет, сапсан. И всех постигла печальная участь. Они оказались конечными в пищевой цепочке потребителей, приняли на себя сокрушающий удар химизации. Нынче соколы, как и многие хищные птицы, повсеместно большая редкость. Сотрудники заповедника «Галичья гора» задались благородной целью вернуть на просторы Черноземья обитавших здесь соколов – балобанов. На свободу выпущены десятки птиц. Несколько обученных охоте проданы. Всё-таки какая-то поддержка заповеднику.

Всерьёз принимать материальную сторону от реализации соколов не стоит. У нас соколиная охота не распространена, потому ловчие птицы спросом не пользуются. Уж очень эта охота не добычлива. Собьёт сокол одну, две куропатки, и всё на том. Иное дело – многозарядное, скорострельное ружьё, нарезной карабин с оптическим прицелом. С их помощью горы мяса можно накрошить, дайте только свободу.

Соколиная охота для поэтов, истинных ценителей прекрасного. Для них сокол на руке – гордость, краса, счастье от приобщения к природе, сознание собственного достоинства. Занятия более увлекательного, волнующего и азартного придумать трудно. Сокол без напряжения готов к атаке в любой момент. Разумеется, если голоден. Сытый он не охотится. Сидя на руке, сокол постоянно держит в поле внимания всю сферу поднебесья над собой.

На той охоте в заповеднике глаз не спускал с крыла-того охотника, старался не упустить ни малейшей подробности. Уж очень быстро всё происходит. Едва сокол

увидел тёмную точку пролетающего голубя, как круто, почти вертикально взмыл и с высоты спикировал на добычу. Голубь заметил опасность, пал к самой земле, круто отвернулся к спасительному лесу. Там, в гуще ветвей и кустарников, он был бы недосыгаем. Но сокол не отступил, снова взлетел и, упреждая голубя, ринулся на него. Даже на приличном расстоянии был слышен свист от его крыльев, рассекающих воздух с немыслимой скоростью.

Ударил голубя в двух метрах от кустов. Над поляной метнулся и погас короткий птичий вскрик, на траву полетели сизые пёрышки. В мгновение ока всё было кончено. Сокол не мучает жертву, одним ударом мощного клюва он переламывает ей шею. В поощрение получает кусочек мяса и занимает место на хозяйской руке в толстой кожаной перчатке.

Увидеть охоту сокола на воле сложнее, если не сказать, вообще невозможно. Работники заповедника не обнаружили в окрестностях ни одного гнезда, ни разу не встречались со своими питомцами. Дальнейшая их судьба им не известна. Единственная возможность опознания наших соколов – алюминиевое колечко на лапе с номером и адресом заповедника. Орнитологи Европы, Америки используют для этих целей радиодатчики и наблюдают за перемещением птиц с помощью космических станций слежения. Наши учёные о подобных достижениях можно только мечтать. Всё упирается в деньги, вернее, в отсутствие таковых. Остаётся взывать к сознательности соотечественников:

– Не обижайте соколов. Любуйтесь ими, гордитесь. Попробуйте хоть изредка кому-то говорить «сокол мой ясный», и сами почувствуете за спиной крылья.

ПТИЧИЙ РАЗУМ

Егерь Иван Павлов из курса школьных наук лучше всего усвоил учение своего тёзки, академика Ивана Павлова об условных и безусловных рефлексах.

С учением егерь не согласен принципиально и при каждом удобном случае опровергает его. Погожим весенним днем мы сидим на поваленном молнией осокоре, слушаем пересвист скворцов, наблюдаем, как они энергично инспектируют огород – хорошо ли вскопали, разбороноvalи. Пожива для них, вроде червяков, личинок, как бы второстепенна.

– Умная птица, – начинает Иван. – Одними рефлексами поведение не объяснишь. Не хуже человека всё понимает, радуется, обижается и даже мстит.

Уловив в моём взгляде иронию, Иван заводится, прохаживается по заезжим натуралистам, которые не могут отличить воробья от овсянки, а туда же ещё насмешничают. Камешки летят в мой огород. Собеседник мой не злопамятен, скоро отходит и возвращается к теме.

– Вон Зозуля, баба непутёвая, свалила по глупости шест со скворечником, обездолила пару. Помешали – громко поют, рано будят. Скворцы посидели, потужили над порушенным гнездом и улетели. Может, в дупле устроились или другой скворечник облюбовали. Но обиду затаили, нашли способ Зозуле отомстить – рассаду помидорную у неё с грядок повыдергали. Росточки слабенькие, ещё не укоренились. Скворец дёрг – и понёс. Отлетит подальше, чтоб Зозуля не нашла, и бросит. Вот теперь думай, что тут – рефлексы или разум.

О выдергивании рассады скворцами я уже слышал от знакомых огородников и знал, для чего она им нужна – дезинфицировать скворечник. Ничего особенного, срабатывает инстинкт самосохранения. Таким образом птицы избавляются от паразитов в гнезде. Вся загадка. Сомнительно, чтобы одна пара со всего огорода рассаду подёргала. Сажают ведь не по одной сотне. Скорее всего, «погордились» скворцы со всей округи. Предпочтение грядкам Зозули отдали, может быть, потому что рассада у неё удалась очень пахучая.

Научное объяснение поведения скворцов Ивана не устраивает. Он пистолетом наставляет мне в грудь толстенный тёмный палец.

– Инстинкт, говоришь? Разума, значит, у них нет? А что скажешь на такой случай? Прошлой весной рыбачил я на Стрелецкой яме. Заметил, скворец возле дуба вертится. Оттуда залетит, отсюда. Чего-то ему надо, а не даётся. Оказывается, дупло приглядел. По всем статьям подходит – высоко, глядит на восход, сбоку веточка для посадки. Одно неладно – дырка мала. Голова лежит, плечи не пускают. Покрутился-покрутился, улетел. Минут через несколько вернулся. Не один, с дятлом. Тот ему дырку в два счёта раздолбил. Скворец примерился – теперь в самый раз. Уж он вокруг дятла порхал, свистал, щёлкал. Благодарил, значит. По-твоему тоже инстинкт, или рефлексы сработали?

Ничего подобного никогда не читал, не слышал и уже собрался показать Ивану согнутый палец. Жест, принятый у охотников и рыбаков, когда рассказчик изрядно преувеличивает. Собеседник мой на этот счёт не безгрешен, частенько загибает, а у самого чёртики в глазах прыгают. Однако в этот раз глаза у Ивана серьёзные, без смешливых огоньков. Он даже сердит.

Настраиваюсь порассуждать о случайному совпадении птичьих маршрутов, пересечении интересов на одном дупле. По теории вероятности такое вполне возможно. Потом подумал: а зачем, собственно, мудрствовать, почему не поверить человеку? Ивану по доброте душевной жалко скворцов. Он наделяет их разумом, чтобы защитить от людской жестокости. Ведь разумное существо имеет право на уважительное отношение, с ним нельзя обращаться дурно.

Теперь рассказы своего знакомого егеря слушаю без улыбки. Может, он и прав – не могла природа-мать не наделить хоть частицей разума братьев наших меньших.

ЛЕШЕВА ДУДКА

Кто не слушал соловьёв короткими июньскими нотами и не обмирал от их колдовского пения! Как от первой любви сжималось сердце, исходило сладкой болью, до слёз жалко было самого себя, ушедшей молодости, и страх закрадывался в душу: вдруг больше не услышу звучного праздника ночи?

Но приходила весна, и снова пел соловушка в черёмуховых кустах на краю сада. Не берусь оценивать его мастерство, хотя знающие люди умеют это делать и само пение разделяют на колена. Говорят, особо умельные соловьи способны воспроизвести до 20 колен. Есть среди них перещёлк, гусачок, кукушкин перелёт, дробь и наиболее ценимая знатоками лешева дудка.

Много раз читал заметки натуралистов, где соловьиное пение пытаются передать человеческим языком. Сравнивал эти потом выписанные междометия, слоги, гласные, согласные с соловьиным пением, но ничего общего не находил. Может быть, воображения не хватало. Тем не менее, однажды сделал для себя вывод: человеческим языком передать пение соловья невозможно. Петушиное кукареканье воспроизводится весьма условно, а уж куда до соловьиной трели?

Иное дело, если бы постигать тонкости соловьиного искусства вместе со знающим человеком. Сидел бы он рядом, разделял песню на колена и каждое называл. Да где ж такого взять? Сейчас, как говорит один знакомый егерь, легче американского шпиона поймать, чем встретить истинного знатока птиц.

Самообразование значительно продвинулось, когда на книжном развале купил набор из пяти пластинок «Голоса птиц в природе». На трёх было записано 55 птиц средней полосы, ещё на двух – 40 птиц Сибири и Дальнего Востока. Прослушал все. При полном отсутствии квасного патриотизма должен заметить, что в азиатской части нашего Отечества птицы поют проще, как бы пересвистываются, перекликаются и не более. Запомнилась обитающая в Сибири мухоловка-муги-

маки. Да и то вычурным имечком, чем песней. Не иначе, как «крестил» её заезжий японский орнитолог.

Заучить голоса оказалось делом сложным, практически невыполнимым даже после многократного прослушивания. Пришлось ограничиться первой пластинкой с голосами самых популярных в нашей местности птиц. Их названия – зяблик, славка, иволга, коростель, пеночка, погоныш – всплывали из глубины памяти, будто всегда их знал и никогда не забывал.

Многие поют, оказывается, очень похоже. Скажем, пеночку-весничку не вдруг отличишь от зяблика. Хотя зяблик перед дождём звучит по-особому, как говорят знатоки, рюмит. Красивый глагол обозначает короткую, унылую трель. Наверное, зяблик не любит сырости.

Легко запоминается (довольно раз услышать) крик коростеля. Водится он в сырых, пойменных лугах, кричит, словно по расчёске ногтем водят. Однажды так удалось подманить его к самым ногам. Примитивная песенка, а сколько в ней прелести, как украшает покой ночного луга! Это ведь про коростеля говорят, что он к нам пешком из Африки приходит. Красивая и полезная байка, потому что воспитывает уважение к птице.

Вообще у нас часто поэтизируют птиц, наделяют человеческими качествами. Взять кукушку. Печальное кукованье принимают за грусть непутёвой головушки – подбросила яичко в чужое гнездо и теперь лишена возможности видеть птенчика ненаглядного. И Ярославна у нас по князю Игорю кукушкой кукует, и у Сергея Есенина «не кукушки загрустили – плачет Танина родня». В самом деле кукует самец, самка отзыается резким, отрывистым криком, даже приблизительно не окрашенным печалью.

Громким «ку-ку» самец «столбит» участок, чтобы не вторглась чужая пара и не отложила, чего доброго, ещё одно яичко в гнездо каких-нибудь горихвосток. Двоих прожорливых подкидышей маленькие птички не выкормят. Вот и летит над лесом предупредительное «ку-ку», пока не пройдёт время откладывания яиц. В ту

пору рожь начинает колоситься, и у нас говорят: «Ку-
кушка колосом подавилась».

Соловей своим пением тоже заявляет права на тер-
риторию. Чем громче поёт, тем дальше слышно, и тем
большим будет кормовой участок для его семьи. Может
быть, совсем не случайно умение соловья подражать
скворцам, дроздам, иволгам. Тем самым он создаёт
впечатление присутствия целой компании пернатых и
не оставляет никакой надежды конкурентам поселить-
ся поблизости. Практичность нашего любимого певца
никак не умаляет его достоинств. Природа как раз пре-
красна естественной простотой и целесообразностью.

На тех пластинках есть записи соловьёв, но выделен-
ий колен вообще и лешевой дудки в частности нет. По-
тому так и не знаю, владеет наш соловушка тем дивным
инструментом или нет. Однако авторитет его от того
ничуть не страдает, а восхищение им также безмерно.

ЗВЕЗДА НА ПЛЕЧО

Дороды-рябинники для Воронежа – совсем не ред-
кость. Зимой они прилетают к нам большими
стаями и пируют на рябинах. Ни осенние дожди, ни
ветры, ни метели не сбили рубиновые гроздья, деревья
словно специально сберегли их для зимних гостей.

Снег под рябинами густо испещрён оранжевыми
«звездами». Однажды такую сам получил от дрозда.
Точно на плечо. Дома, отстирывая пятно, обратил вни-
мание, как много в нём крошечных семян рябины. Вот
вам и ответ, откуда появляются деревца рябины, где их
никто не сажал. Дрозды делают благое дело.

Вообще расселение деревьев, кустарников во мно-
гом обязано птицам. Истина на уровне школьного учеб-
ника ботаники, но когда её познаёшь самостоятельно,
то воспринимаешь как открытие.

В первые послевоенные годы для нас, ребятни, един-
ственным лакомством были ягоды. Потому на всю
жизнь запомнился куст ирги у калитки родительского

дома. Как щедро наделяла она нас сладкими сизыми ягодами! Ирга нравилась птицам. Ягоды клевали дрозды, скворцы, иволги, воробы. Семена в плотной оболочке птицы разносили далеко окрест. Ирга волнами расселялась во все стороны от нашего дома.

Давно покинул родительский кров, и навестить его удалось лишь через много лет. С вокзала пошёл лесом, и каково же было моё удивление, когда километра за три до дома начали встречаться отдельные кусты ирги! На глазах они становились гуще и скоро превратились в настоящие заросли. Теперь лесным птицам нет необходимости летать в наш сад – ягод кругом вволю.

Поразительна способность птиц адаптироваться к меняющимся условиям, осваивать новые виды корма, тем самым распространять семена новых видов деревьев и кустарников.

В Сибири расселением кедра занимается кедровка, пёстрая, крикливая птица, размером с голубя. На пути к кладовкам она теряет орешки, а то и забывает про свои запасы. Кедровок в тайге много, и расселение кедра идёт активно.

Способность птиц распространять семена люди используют в своих целях. Например, для рекультивации земель. В Белгородской области возле горно-обогатительных комбинатов накопились горы отработанного грунта. Самым рациональным способом восстановления естественного облика земли считают высаживание на склонах деревьев, кустарников. Однако сделать это непросто. Склоны крутые, на иной с пустыми руками не заберёшься, не то что с саженцами и лопатой. Экологи предложили сажать у подножия отвалов облепиху, на склонах ставить шесты с перекладинами. Птицы после кормёжки на облепихе отдохнуть полетят на шесты и будут распространять семена по склонам. Опыт удался. Унылые отвалы одеваются в зелёный наряд.

Из той поездки в родительский дом привёз кустик ирги. Также посадил его у калитки своего дома под Воронежем. Куст вырос высоким, мощным, каждый год плодоносит. Ягод хватает и людям, и птицам. Значит, не

за горами время, когда в окрестных сосняках поднимутся заросли ирги, и немногие догадаются, что сладкие сизые ягоды – это подарок с неба.

ЗОВИТЕ ИХ ПО ИМЕНИ

Летним, жарким днём на берегу озера прохладная зелёная благодать. Узкий засыпанный песочком сход в воду тесно сжимают с одной стороны стена рогоза, с другой – сплошной покров из листьев рдеста и кувшинок. На середине озера плавает отец семейства, с берега ему делает заявку девочка лет десяти:

– Папа, сорви мне лилию.

Объясняю ей, что лилия – луговое и лесное растение, в воде не растёт. В наших местах её можно встретить в садах, у цветоводов. Просит она кувшинку, царицу вод, цветок, которому поклонялись наши предки. Девочка удивлённо слушает, соглашаться не торопится, ссылается на авторитет отца. Дескать, папа сказал – лилия, значит, лилия.

Входящий в жизнь человек только начинает копить знания, и вольные или невольные ошибки ему простительны. Грустно, когда люди на склоне лет остаются равнодушны и неграмотны по отношению к окружающему нас зелёному миру. Ту же кувшинку наши предки-язычники, поклонявшиеся духам земли, воды, деревьев и трав, называли одолень-трава, считали её волшебной. Высушенный кусочек её корня матери зашивали в ладанку и вешали на грудь сыновьям, уходившим на битву или в дальние странствия. Одолень-трава давала силы одолеть в битве врага, грела сердце в чужой стороне, не позволяла забыть родную землю.

Сотни растений у нас под ногами, и ни одного нет безымянного, у всех есть имена, не известные, к сожалению, многим из нас. Даже сельский житель не все из растущих на ближнем лугу или в лесу назовёт, а уж горожанин больше десятка растений не определит. Разве что крапиву, лопух, подорожник да одуванчик узнает без колебаний. Если же встретит внушительных размеров шар из тех же семян – парашютиков, удивлённо выдохнет: «Вот это одуванище!» – и ни за что не признает в нём козлобородника. Название растения не из-за цветов или семян, а, скорее, из-за узких, длинных листьев, похожих на козлину бороду.

Вообще многие растения носят имена, сопряжённые с животным миром. Например, медвежье ушко, волчье лыко, кошачья лапка, заячья капуста, мышиный горошек. Специально спрашивал у зоологов, натуралистов, охотников о гастрономических пристрастиях животных к этим растениям, но ничего определённого не услышал. В детстве мы ели мучнистые корешки заячьей капусты. Нам нравилось, думали, и зайцам нравится. А есть воробьиный щавель, куриное просо, кукушин лён, вороний глаз. Не единожды видел в лесу сизую, почти чёрную ягоду вороньего глаза и всегда казалось, что кто-то суровый и строгий смотрит на меня из зелёной мглы. Только вот почему-то всегда одним глазом.

Знакомство с растениями доступно всем и каждому. Достаточно иметь определитель и чуточку любопытства. Если даже на своём огороде, пропалывая грядку с морковкой, надёрганный пучок сорняков разложить по стебельку, то в нём может оказаться паслён, пастушья сумка, ярутка, лебеда, амброзия. Почти наверняка вездесущий пырей. От знания трав количество сорняков, конечно, не уменьшится, но уже не сердишься, а прополка обретает форму диалога.

Если немного прижать свою хозяйственность и оставить некопаным клочок земли только потому, что там растёт кустик чабреца, то у вас будет собственный заповедник. Размеры его не так уж и важны, главное, чтоб отвечал заповедной сути. По собственному опыту знаю,

как приятно иметь заповедную землю. Вскоре там появится зверобой, тысячелистник, взметнётся стрелочка гусиного лука, и каждое лето новосёлов будет прибавляться. Остаётся удивляться, откуда взялись – ведь не сеяны.

Однажды любопытства ради вам захочется провести «инвентаризацию» участка, выяснить, какие растения у вас живут. У себя на 15 сотках насчитал 98 видов. Не поверил, пересчитал – точно. Из них 10 древесных, начиная с дуба и кончая яблоней, 16 кустарниковых, включая смородину и жасмин, 30 культурных растений, в списке которых прозаический огурец и экзотический кориандр. Но больше всех дикорастущих – их 38. Правда, названия двух травок определить не удалось. Ещё есть три вида грибов и мох на северной стороне сарая. Специально сажал только подснежники, остальные выросли сами. Многие, такие как пырей, бодяк, выюнок, амброзия растут вопреки титаническим усилиям хозяев расстаться с ними.

Постигая названия трав, узнаёшь их свойства и тогда поражаешься полезности буквально каждой травинки. Даже ядовитый сок болиголовы при умелом применении становится лекарством, а корни пырея – съедобным блюдом. В природе всё разумно, взаимно полезно, нет ни лишнего, ни вредного. Осмыслив эту нехитрую истину, проникаешься почтением ко всему сущему на земле, стремишься узнать название каждой травинки, чтобы обращаться к ней уважительно, по имени.

ЧЕРНИЛЬНЫЕ ОРЕШКИ

«Мы ленивы и не любопытны», – сказал наш великий и любимый поэт. Однако хочется думать, что это не про нас, конкретных, а про некоторых абстрактных, среди нас даже не живущих. Мы все энергичны, трудолюбивы, любопытны, нам до всего есть дело, всё непонятное хотим понять, загадки разгадать, нас часто греют честолюбивые мысли о возможных открытиях.

Вот осенью в глаза бросалось обилие разноцветных шариков на дубовых листьях. Под их тяжестью листья срывались с веток и падали на землю отвесно, без козырняй из стороны в сторону. Немудрено: на иных уместились до пяти штук размером от горошины до яблочка-ранетки и цветом от белого с жизнерадостно румяными бочками до кремового и фисташкового. Листья уже побурели, покоробились, но шарики держались прочно, будто пришитые, произвольно не отваливались. Требовалось некоторое усилие, чтобы их оторвать. При этом на месте крепления к листу никаких корешков не обнаруживалось. Зато практически сразу выявлялась одна закономерность – шарики образуются на крупных жилках, способных доставить к ним максимум питательных веществ.

Загадкой оставалось происхождение шариков. Зачем они тут? Что вызывает их рост? Почему появляются именно на дубах? Ведь природа не знает ни случайностей, ни ошибок. Она всегда права, в ней всё целесообразно.

Конечно, за разъяснениями можно было обратиться к специалистам. Они бы и рассказали, и литературу порекомендовали, но ведь гораздо интереснее познать суть явления самому. Вон сколько этих объектов исследований под ногами – собирай и действуй.

Так и поступил. Прямо с листьями набрал полсотни шариков, принёс домой, разложил на письменном столе. Внимательный осмотр под лампой выявил на самых крупных аккуратные отверстия явно искусственного происхождения. Кто-то их просверлил то ли для входа, то ли для выхода. Отложил продырявленные, остальные разложил по размерам. Обследование решил начать с малых.

Взял бритву и первый разрезал точно посередине. Под плотной, словно пергаментной оболочкой открылась пористая кремовая мякоть, в центре сферическая капсула, а в ней стекловидное, полупрозрачное яичко с маковое зёрнышко. Аналогичным оказалось содержимое и других маленьких шариков. Отодвинул их в сторону, взялся за средние. Только резал теперь, чуть смешая бритву от центра, чтобы не задеть внутреннюю капсулу. В ней могла оказаться личинка. И точно, свету являлись живые личинки-крохотулечки длиной от одного до двух миллиметров. Разные возрасты обитателей позволили предположить, что в самых больших шариках могут быть куколки или уже сформировавшиеся насекомые. Становился очевидным ещё один вывод: обитатели растут, развиваются, одновременно растёт и их пористый дом.

Теперь шарики вскрывал с ещё большей осторожностью. К вящей радости предположение подтверждалось самым конкретным образом – капсулы занимали готовые к выходу насекомые. В ярком свете электрической лампы их чёрные хитиновые одеяния сверкали драгоценными камешками. Они были так малы, что рассмотреть подробности не удавалось даже в лупу. Момент выхода ни в одном из шариков не застал. Насекомые или дремали в своих колыбельках, или успели покинуть их, о чём красноречиво говорили пробуравленные отверстия.

Теперь, зная, что появление шариков на дубовых листьях вызывают насекомые, можно было адресно искать их описание в литературе. Поиски не затянулись. Вот она – обыкновенная дубовая орехотворка. Внешне

совсем не эффектна, всего лишь маленькая чёрненькая мушка. Отряд орехотворок многочислен. Размножаются они и на других растениях, также вызывая различные нарости, общее название которых – галлы. Образующиеся на дубах называют чернильными орешками. В стародавние времена из них готовили очень стойкие, не выгорающие на солнце чернила. Рецепт простой: орешки измельчить, прокипятить, добавить железный купорос, и готово.

Вот и вся история с осенними шариками на дубовых листьях. Хотя научное открытие не состоялось, орехотворки давно и подробнейшим образом изучены, просто само исследование, как и всякое прикосновение к природе, доставило ни с чем не сравнимое удовольствие, позволило открыть для себя новую страничку в жизни насекомых. Вместе с тем озадачило потрясающей способностью крохотного насекомого влиять на огромное дерево. Откладывая яичко на жилки листа, орехотворка приклеивает его каким-то веществом. Иначе бы оно не удержалось. И этих микроскопических частиц клеящего вещества оказывается достаточно, чтобы заставить дуб формировать вокруг яичка геометрически правильный пористый шар с прочной капсулой внутри и надёжной оболочкой снаружи.

– Как это происходит? Почему? Какие вещества вызывают у растений рост совершенно не свойственных им образований? Нет ли здесь аналогий с появлением опухолей у теплокровных?

Вопросов множество, ответов нет. По крайней мере, найти не удалось. Потому орешки на дубовых листах предстают ещё более загадочными, чем прежде.

ПТИЧЬИ ПРАВА

Если у вас на всю округу единственный скворечник, то заселение желанными постояльцами обеспечено. На собственном опыте убедился. Вечером поднял на высоком шесте сколоченный по всем канонам дощатый домик, а ранним утром пожаловали жильцы. Претендентов оказалось двое. После короткой энергичной «разборки» победитель вспорхнул на ветку и запел.

Ах, как пел скворец в ту весну! Душу грело сознание, что под мой кров прилетели птицы, моими трудами им создано жильё. Впечатления хватило на всю осень-зиму, и нынешней весной ждал своих постояльцев, считая дни. Прилетели они в начале апреля. Деловито обследовали скворечник, сидели тихонько, без песен, отдыхали после дальней дороги.

Трудно сказать, какая пожаловала пара, прошлогодняя или другая. Птиц никто не кольцевал, особых примет прежние жильцы не имели. Оставалось гадать. Орнитологи определяют век мелких перелётных птиц всего в 13 месяцев. За время изнурительных перелётов скворцы тысячами гибнут от голода, болезней, становятся добычей хищников, а в некоторых странах даже добычей охотников. У тамошних гурманов они считаются деликатесом.

Так или иначе, но, к моей великой радости, скворцы прилетели и заняли скворечник. Кстати говоря, на нашей улице уже не единственный. Хозяева двух соседних домов, очарованные жизнерадостными голосами моих постояльцев, тоже поставили по скворечнику. Теперь мы слушали пение скворцов в хоровом исполнении.

Надо же было такому случиться, что в один ветреный день из щели между досок скворечника вывалился

пеньковый шнур, специально проложенный для уплотнения. Под порывами ветра шнур мотался как раз перед летком и мог помешать скворцам или испугать их. Требовались срочные ремонтные работы. Сооружаю шаткую конструкцию из строительных козел, досок, наспех сколоченной лестницы и с изрядным риском свернуть себе шею лезу к скворечнику. Скворцы как раз улетели, и надо управиться до их возвращения, чтобы не испугать вторжением. Чего доброго, усомнятся в недосыгаемости жилья и покинут его.

Всем известно, как осторожны, пугливы птицы, но немногие знают, что некоторые из пернатых могут бросить кладку, если обнаружены, тем паче, если человек дотронулся до гнезда или яиц. Даже безобидное фотографирование птиц на гнезде чревато трагическими последствиями.

Правда, бывают исключения. Сова отчаянно налетает на незваного гостя и может изрядно поранить мощными, острыми когтями. На себе испытал, когда фотографировал совят. Утка сидит плотно, до последнего надеясь остаться незамеченной. Однажды в сырьем местечке, под плотным пологом ольховой рощи буквально в пяти шагах от себя заметил сидящую на гнезде крякву. Она меня, конечно, увидела давно, а я нечаянно наткнулся на неё. Мог бы и мимо пройти, если бы не обратил внимание на причудливо изогнутый обломок ствола. Под ним-то утка и сделала гнездо. Через рощу гоняли на водопой коров. Острые копыта выбили на влажной почве сеть тропинок, но гнездо под прикрытием ствола оставалось в полной безопасности, потому что ни одной корове в голову не придёт перелезать через него. Сами коровы птицам не страшны.

Утка сидела не шелохнувшись, только изредка помаргивала глазками-бусинками. Может, она надеялась остаться незамеченной. Правда, и я старался не плятиться на неё, демонстративно глядел в сторону. Следовало бы потихоньку уйти, но уж очень хотелось её сфотографировать. Нечасто выпадает случай сделать интересный кадр. Потихоньку поднял аппарат, навёл

на резкость и нажал на спуск. Щелчок затвора показался громовым раскатом. Однако утка продолжала сидеть, лишь чуть повернула головку в мою сторону. Больше её терпение испытывать не стал и потихоньку удалился.

С скворцами всё оказалось сложнее. Едва поднялся на верхнюю ступеньку своей хлипкой лестницы, как за спиной раздалось возмущённое стрекотание – неожиданно скоро вернулись скворцы. Что делать? Бросать работу и спускаться не имело смысла – меня всё равно застали, а запихнуть шнур – дело одной минуты. Хотя для скворцов и минута может оказаться слишком большим временем – потеряют терпение и улетят. Решаю продолжать. Левой рукой держусь за шест, правой орудую ножом и запихиваю паклю в щель.

Скворцы продолжают возмущаться, что меня радует. Значит, ещё терпят. Наконец, заканчиваю, спускаюсь, быстро разбираю сооружение и тороплюсь в дом с их глаз долой. Скворечник мне хорошо виден из окна. И всё-таки скворцы улетели. На следующий день ни разу их не видел. Не могу сказать, что наблюдал непрерывно и глаз не отрывал от скворечника. Весной работы в саду много, времени на созерцание нет. Изредка на скворечник поглядывал, но скворцов так и не видел.

Оказывается, я их просто не успевал замечать. И не мудрено. Скворец чёрной молнией проносился над садом и без промежуточных посадок пулей попадал в леток. Даже казалось, что на такой скорости птица неизменно ушибётся о заднюю стенку скворечника. Но нет, всё обходилось. Через какое-то время скворец выстреливал собой из летка и также стремительно уносился прочь.

Только фотоаппарат, оснащённый скоростным затвором, позволил остановить мгновение и разглядеть, как скворец тормозит перед летком. Он парашютиком распахивает крыльшки, до предела раздвигает маховые перья и моментально гасит скорость. Происходящее всё так скоротечно, что без техники разглядеть невозможно.

Прилетали и улетали скворцы без малейшего звука, будто онемели. За всю весну не услышал ни единой трели, ни одной песни с восторженным трепыханием крылышками. Видел их так редко, что не удавалось окончательно заключить, живут они тут постоянно или просто оставили за собой скворечник.

Так и был бы в неведении, если бы однажды ранним утром не нашёл под скворечником тоненькие нежно-голубые яичные скорлупки. Всё ясно – у моих постоянцев вывелись птенцы. Теперь соблюдать конспирацию скворцам стало труднее. Птенцы требовали корма, и заботливые родители каждые 3-4 минуты прилетали с пучком насекомых в клюве.

Хорошо, что скворцы всё-таки остались, вывели птенцов. Но весна прошла без песен, в молчании. Сам виноват. Заботливый хозяин заранее бы привёл скворечник в порядок и не пугал птиц вторжением. Птичьи права надо уважать, как бы малы они не были.

СИНИЧНЫЙ ДЕНЬ

Наши предки удивительно тонко и глубоко понимали природу, ценили и уважали окружающий их животный, растительный мир. Истоки, наверное,

надо искать в языческом прошлом, когда природа обожествлялась, рекам, горам, лесам и даже отдельным деревьям поклонялись. Принятое православие впитало языческие обряды, праздники, слегка видоизменило и совместило с христианскими. Так, Благовещение соединилось с обычаем славян ранней весной выпускать на волю птиц. На день памяти Севастийских мучеников пекут жаворонков, дети бегают с ними по улице, призывают весну. К сожалению, забыт когда-то почитавшийся

у славян Синичный день. Он тоже совмещается с днём священномученика Зиновия, который, по преданию, имел дар исцелять прикосновением руки. В народе он считается покровителем зимующих птиц, на некоторых иконах изображается с горстью зёрен на протянутой ладони.

У популярного журналиста В.М. Пескова есть прекрасные фотографии синичек на ладонях разных, но неизменно добрых людей. Вот и в Синичный день, единственный в году, по поверьям, добрым людям дано понять, о чём щебечут синицы.

Поверье милое и доброе, как детская сказка. Ведь понять птиц может каждый и в любой день, тем более в Синичный. Приходится он всегда на 12 ноября. Это уже глубокая осень, не за горами зима, были морозы, падал снег, остыла земля, надвигается голод, беспощадный и вездесущий. Только глухой сердцем не услышит мольбу синичек о помощи. Горсты подсолнечных семечек хватит целой стайке на весь день. Да к ним присоединятся растрёпанные горлопаны-воробышки, получится шумная компания, и пойдёт пир на весь мир.

Именно с Синичного дня птицы нуждаются в подкормке. Для того он и отмечен в народном календаре. Кормушку можно поставить на балконе, на подоконнике, выставить в форточку. Да где угодно, только бы ветер не сильно трепал и не вытряхивал из неё семечки. Однажды видел коряwyй сучок, прибитый к оконной раме, на нём кусочек сала. Угощение синичкам нравилось, кружили над ним всей стаей, по очереди садились, клевали.

Надо сказать, разведка у синиц поставлена великолепно. Сию минуту в округе ни одной, но стоит насыпать в кормушку семечек, как через 10-15 минут прилетает первая, за ней и все. Похоже, стая ведёт непрерывный поиск, и как только одна находит корм, немедленно извещает остальных. Этоизм синичкам неведом, одна втихомолку насыщаться не будет. Если подсыпать корм постоянно, то синички быстро запомнят и кормушку, и вас. Стоит задержаться с утренней порцией семечек,

как они подлетают именно к вашему окну и напоминают о себе звонкой дробью в стекло. Их дружеская бесцеремонность приятна, не обратить на неё внимания просто невозможно.

Если синичек регулярно подкармливать зимой, то они и на лето поселятся неподалёку. Будут наведываться, обследовать сад, заглядывать в кормушку. Просто так, по старой памяти. Они уже ничего не просят – летом живётся сытно. Иногда разыгрывают уморительные сценки. Однажды на подоконнике сидела кошка и наблюдала за синичками из-за плотной, синтетической сетки от комаров. Глаза у неё горели однозначным гастроэкономическим интересом. Синички кошку заметили, было оробели, но быстро осознали свою недосягаемость и взялись ненавистную охотницу изводить. Сначала дразнили на расстоянии, потом слетели всей стайкой на подоконник, порхали перед кошачьей мордой, через сетку клевали её в нос, в лапы, отчего Мурку била нервная дрожь, по телу волнами прокатывались судороги. Натешившись вволю, синички улетели, а бедная кошка едва отышалась. Похоже, они отбили у неё желание охотиться, потому что, едва завидев синичек, кошка торопилась от греха подальше в дом.

Не буду заканчивать выводом о практической пользе синиц в саду. Дескать, они избавляют плодовые деревья от вредителей. Избавляют, конечно, но не так уж эффективно, как бы хотелось. Всяческих плодожорок остаётся более, чем достаточно. Однако совсем не материальный интерес преследует подкормка птиц. Суть в незамысловатом четверостишии хорошего поэта Александра Яшина.

*Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.*

ДИВЕРСАНТЫ И ВОРЫ

Самое пекло – солнце в зените, жара, духота. Пассажиры междугороднего автобуса утомились в ожидании, а отъезд всё откладывают и откладывают. Как водится в таких случаях, никто ничего толком не объясняет. Водитель в разговоры вступать не склонен. Он зол, расстроен – никак не может определить, почему отказала автоматика управления дверью. Час назад всё было в порядке, и вдруг нате вам. Приходится снимать приборную панель.

Вдруг автостанцию оглашает злорадный вопль водителя:

– Попалась!

В то же мгновение из открытой двери автобуса пулей вылетает здоровенная серая крыса. За ней изрядный кусок сала и крепкие выражения из водительского лексикона.

Оказывается, крыса в поисках укромного местечка прбралась по кабельному тоннелю под полом автобуса вперёд и тут расположилась. Мешавшие провода перекусила. Сало наверняка оставили пассажиры, чем и спровоцировали визит. Крыса пробегала мимо, учуяла соблазнительный аромат и забралась в салон. В диверсии она, конечно, виновата, но в большей степени вина лежит на людях. Действительная причина – в нашей неряшливости. Крыса просто приспосабливалась к конкретным условиям.

Серьёзные ситуации из-за крыс могут сложиться на самолётах, подводных лодках, и потому там их присутствие абсолютно исключено. Брошенная на пол корка хлеба расщепивается как ЧП. Про сало говорить нечего. Коли нет пищи, то крысы воздушный и подводный транспорт не жалуют. Они чрезвычайно сообразительны, умеют копить опыт и делать выводы.

Крысы охотно селятся и привольно себя чувствуют в свинарниках, как общественных, так и частных. С одной существенной оговоркой: где много пищи и никто не беспокоит. Такие условия бывают у нерадивых хозяев. Если кормушки сделаны по уму, кормление по

часам, полы перебирают, норы заделывают, то крысы такие свинарники скоро покидают, а то и вообще не жалуют. Они ведь смекалистые, сразу понимают, где пищи вволю, а где крошки не найдёшь.

О смекалке длиннохвостых грызунов рассказывают множество любопытных случаев, особенно в сельской местности. Например, не раз видели, как крысы воруют куриные яйца. Одна ложится на спину, всеми четырьмя лапами обхватывает подкаченное ей товарками яйцо, те хватают «тару» за хвост и волокут в нору. Таким образом могут перетаскать все яйца из гнезда.

Говорят, они умеют воровать постное масло из бутылки. Не опрокидывая и не разбивая её. Одна забирается повыше, опускает хвост в горлышко, потом слизывает масло сама и даёт лизать другим. Эдаким маканием бутылку могут ополовинить.

В обоих случаях виноваты нерадивые хозяева. Если куры несутся на земле, им не сделали гнезда повыше, наконец, не каждый день собирают яйца, то чего бы их не перетаскать? Так и с маслом. Совсем ничего не мешает заткнуть бутылку и убрать в шкаф.

В животном мире всё чётко связано с условиями обитания. Есть корм – остаются, нет – уходят и даже перестают размножаться. Под влиянием условий меняют образ жизни, манеру поведения. Однажды в пригородном автобусе был свидетелем маленького переполоха с женским визгом и мужским хохотом. Одна из пассажирок, женщина весьма приличных лет, везла за пазухой ручную крысу. Что-то ей вздумалось показать свою любимицу соседке и дать в руки. Та перепугалась до смерти, вскочила и немедленно пересела на другое место.

Крыса никак не отреагировала на учинённый переполох, спокойно разгуливала по рукам, по плечам своей хозяйки, знакомилась с обстановкой. Она выросла в условиях безопасности, привыкла доверять человеку и ничуть его не опасается. Стала домашним животным, в определённой степени даже полезным, поскольку доставляет удовольствие своей хозяйке. Произошло превращение противного грызуна в забавную зверушку.

Всё в наших руках. Вспомнилась сказка о Золушке, где добрая волшебница превращает крыс в шестёрку прекрасных белых лошадей. В другой сказке мальчик игрой на свирели заворожил крыс целого города и вывел их за собой в пруд. Хотя сказки, но они говорят о безграничных возможностях человека в отношении к животным.

ХИТРОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА

Добытые от земли плоды трудов своих человек всегда старался приукрасить и повыгоднее продать. Ещё в XVI веке садоводы меняли вкус и цвет яблок по своему усмотрению. Для этого под ветками сверлили отверстия и вводили в них настой шафрана, корицы, раствор суртика.

Что касается пряностей, то тут всё понятно – стремление заинтриговать покупателя оригинальным ароматом. Но сурик-то к чему? Он ядовит, им и отравиться недолго. Никаких загадок. Как и в наши времена цель – привлечь внимание покупателя, поскорей и подороже сбыть товар. Яблоко, окрашенное суриком, горит рубином, к нему невольно тянется рука.

В принципе можно иметь яблони с плодами самой различной расцветки. И в древности замечательных сортов имелось более чем достаточно. Как-никак яблоня культивируется тысячи лет. Однако корысть толкает человека на путь наименьшего сопротивления. Теперь на вооружение берут достижения науки, техники и давно не следуют добруму правилу: всякому овощу свой срок. Например, арбузы могут появиться на рынке уже в июне, когда они ещё в диковинку, и покупатели за ценой не стоят.

Есть такой сорт арбуза – Огонёк. Вкусовые достоинства весьма скромные, зато очень отзывчив на азотные удобрения. Если не скучиться на аммиачную селитру, то растёт буквально на глазах. Особенно в тёплом климате. Вчера был с куриное яйцо, сегодня с кулак, через

неделю имеет вполне товарный диаметр, но мякоть у него белая, как и полагается неспелому арбузу. Тогда для имитации спелости под корешок ему шприцем вводят раствор марганцовки. Пройдёт дня три, семечки покрекут, а мякоть станет ярко-красной.

Без химического анализа, только по внешнему виду, как говорят специалисты, органолептически распознать арбузный обман трудно. Можно заметить странный железный вкус и не более. Самостоятельное распознавание начинает желудочно-кишечный тракт после того, как арбуз съеден. У одних открывается рвота, у других расстраивается кишечник, недомогание испытывают все. Больше других страдают дети. Нитраты из арбуза, попадая в желудок залпом, вызывают отравление, при хроническом приёме провоцируют онкологические заболевания. Так что хитрость с ранними арбузами далеко не безобидна, а вмешательство в естественную вегетацию чревато осложнениями, о которых мы в полной мере даже не подозреваем.

Когда человек в погоне за прибылью без меры накачивает землю минеральными удобрениями, то резко снижаются вкусовые, питательные качества овощей. У них сокращается срок хранения, их нельзя запасать впрок. Картофель с избытком нитратов уже к середине зимы чернеет, становится не съедобен, свёкла и морковь гниют.

Однако хитрецу от земледелия неймётся. Ему не интересно выводить новые сорта овощей и фруктов мичуринскими методами – долго и хлопотно. Теперь он изменяет растение на хромосомном уровне. Достаточно изменить один ген в хромосомной цепочке, чтобы получить помидоры или арбузы кубической формы. Преследуется опять же экономический интерес – тара загружается полнее и сокращаются расходы на упаковку.

Из благих побуждений генетики творят бананы с вакциной против полиомиелита, картофель, активизирующий иммунитет организма и защищающий от гепатита, фрукты с повышенным содержанием витаминов и микроэлементов. Не обойдены вниманием домашние животные. Широкая гамма гормонов, стероидов вво-

дится в корм телятам, отчего у них стремительно наращивается мышечная масса, и они в рекордно короткие сроки достигают забойного веса.

Фруктово-овощное и мясо-молочное изобилие тешит доступностью массового покупателя и одновременно вызывает тревогу общественности возможным воздействием на здоровье человека генетически модифицированных продуктов. Чтобы иметь ясность, надо наблюдать за жизнью нескольких поколений подопытных в сравнении с контрольными. Такой возможности нет. Потому реакция учёных-экологов на достижения хищников от земледелия сдержанная, а то и скептическая.

Разум подсказывает человеку отдавать предпочтение продуктам естественного происхождения. Совсем не случайно возник и постоянно растёт спрос на экологически чистые овощи, фрукты, молоко, мясо, яйца. Они дороже массовых, но зато безвредны, потому что выращены в условиях, максимально приближенных к природным, то есть без избытка нитратов, ядохимикатов и без перекраивания хромосомной структуры растения. Одним словом, без хитростей.

ХВАТАТЕЛЬНЫЙ РЕФЛЕКС

Умение совы поворачивать голову чуть ли не на 360 градусов общеизвестно. В лесу очень удобно, затаившись в укромном местечке, бесшумно озирать окрестности.

Однако в тот раз талант ночной красавицы сослужил ей дурную службу. Молодая сова неясыть наверняка меня заметила первой. Вместо того, чтобы благоразумно лететь от

человека подальше, она решила понаблюдать за мной. Любопытство пересилило осторожность. Я её заметил, когда между нами оставалось два шага. Какое-то время заворожено смотрел в черносмородиновые глаза птицы, потом осторожно, боясь сделать резкое движение, зашуршать листвой, медленно пошёл вокруг неё.

Также медленно сова провожала меня взглядом, плавно поворачивая голову. Сделал почти полный круг, а она продолжала на меня смотреть и поворачивать голову. Но всему бывает предел, наступил он и у совы. Не в силах больше вращать шею, она на мгновение замерла, моргнула, отвела колдовской взгляд, чтобы развернуться и с другой стороны смотреть на пришельца.

Изменение, вызванное первобытным рефлексом хватать, было так велико, что я не удержался и схватил сову. Напрасно она раздирила мне кожу маленьким крепким клювом, царапалась. Я не чувствовал боли.

Дома поселил сову в ванной комнате. Маленькое окно завесил махровым полотенцем. По вечерам оставлял пленнице кусочки сырого мяса. Вначале они оставались нетронутыми, потом стали исчезать. Сова уже не дичилась, изредка позволяла гладить себя. Я начал мнить себя владельцем ручной совы, хотя совершенно не представлял, зачем она мне нужна.

Однажды ночью проснулся от шума и какого-то тонкого, тоскливого свиста. Быстро поднялся, пошёл в ванную. Занавеска с маленького окошка слетела, и в него через кухню и большое окно глядели зелёные ночные звёзды. У окошка, запутавшись в бельевых верёвках, на распяленных крыльях висела сова. Высвободил её, завесил окно, снова улёгся, но так и не уснул – перед глазами маячила распяленная сова.

К счастью, для нас обоих начинавшееся утро было воскресным. Едва рассвело, взял сову и вышел из дома. Пока тянулись улицы городской окраины, птица проявляла полнейшее безучастие. Но вот дома кончились, начался лес. Сова встрепенулась, сжалась в тугой комок, раз, другой заглянула мне в лицо, будто спросила: «Человек, ты не шутишь?»

Какие могут быть шутки, если перед самим собой стыдно? Ведь принятая птицей пища и позволение до- тронуться до неё вовсе не были выражением дружбы со мной. Какая дружба? Ей просто деваться некуда, она в неволе, вынуждена терпеть меня, мясо берёт, чтоб не умереть с голоду. Нехитрое открытие. Можно было до- думаться сразу и не мучить птицу. Уж лучше поздно, чем никогда.

Мы вошли в лес, сова скользнула с рук, мелькнула над кустом бересклета, плавно обогнула берёзы и скрылась в густом ельнике. Вот уж, наверное, рада была! Теперь и детям, и внукам накажет за версту от человека скрываться.

У самого гора с плеч свалилась. С тех пор подавляю в себе хватательный рефлекс и никого не беру в дом. Пусть все живут там, где отведено природой. Минутное сожаление от упущеной добычи быстро проходит, зато надолго остаётся удовлетворение от своего великодушия.

ЛОШАДНИКИ

Летим над Саянами. Чёрная тень вертолёта хищно стрижёт горную тайгу. Неотличимые сверху лиственницы, сосны, кедры сливаются с альпийскими лугами в сизо-зелёный ковёр, местами прорванный на-громождением голых скал.

Лётчик ведёт машину серединой долины, повторяя причудливое петляние бегущей внизу реки. Надёжный ориентир и карта не нужна. За нами и впереди катится громовой рык вспоротого лопастями воздуха. Под его железной тяжестью пригибаются деревья, шарахается в стороны и бежит прочь всё живое.

С зелени альпийского луга рванулся через каменистый склон табун. В панике лошади угодили на осыпь. Мгновенно склон тронулся и вместе с табуном потёк вниз. Чубарые, гнедые, вороные рвались по текучим

камням к вершине, к спасительной тверди. Хвосты наотлёт, гривы трепещут флагами жизни, вступающей в единоборство со слепой стихией. Только бы они успели, не дали ожившим камням смять, затереть себя. Никто им не поможет, не спасёт. Даже табунщик бессилен. В ярости потрясает он плетью вслед улетающему вертолёту.

Через мгновение табун исчез из виду. Прижимаюсь виском к холодному иллюминатору, стараюсь разглядеть, что там на склоне, чем кончилось. Нет, всё скрылось за очередным поворотом. Сосед мой, пожилой геолог (в его экспедицию мы летим) с заметным усилием отлипается от иллюминатора, кричит мне в ухо:

– Упустили табун. Лошадники.

Остаётся гадать, по чьему адресу возмущение. Наверное, хозяев табуна, что дали одичать лошадям на воле. Теперь, отвыкшие от грохота цивилизации, они испугались, угодили на осыпь, где многие могут покалечиться, погибнуть. Тяжелее всех придётся жеребятам.

Может быть, в грохоте я не рассыпал геолога, а он кричал:

– Вспугнули табун. Лошадники.

Тогда упрёк лётчикам. Летим низко, на земле зайца можно разглядеть, не только табун. Пилот издалека увидел пасущихся лошадей, мог бы чуть наклонить рычаг управления, пролететь стороной, не беспокоить их. Нет, скользнул равнодушным взглядом, сердце не дрогнуло, не стукнуло спасительным толчком в руку.

С того полёта слово «лошадники» запомнилось. В академическом словаре русского языка оно толкуется как любители лошадей. Всерьёз, без иронии. Но что удивительно: где бы ни доводилось слышать это слово, его неизменно произносили в сердцах, с болью. Лошадниками называют даже тех изуверов, что угояют лошадей, истязают их ночными скачками до кровавого пота, до смерти.

Есть иного рода лошадники. В крепких хозяйствах создают конноспортивные секции. Где по уму, основательно, со знанием дела, а где на скорую руку. Вот и

новоявленные владельцы земли из города решили обзавестись верховыми лошадьми. Не пожалели денег на породистого жеребца. Брали в надежде на хорошее от него потомство, чтобы самим стать заводчиками. За неимением конюшни его поместили в обнесённый жердями загон с примитивным навесом. Жил жеребец как на витрине – его все видели. И он всех. Бывало, сам не упускал случая полюбоваться на вороного.

Конь-огонь, типичный дончак, он, похоже, имел в жилах немало арабской крови. Сухие, длинные ноги, маленькая головка, лебединая шея. Глаза горят, каждая жилочка натянута струной, весь в огне, в движении, ни минуты в покое. Мечется вдоль городьбы, просит простора. Ему бы на волю и мчаться быстрее ветра, сшибаться в жаркой схватке с соперниками, отбивать кобылиц, насмерть топтать копытами волков и снова лететь звенящим намётом по сухой, горячей, немереной и неогороженной степи.

Сколько же силы, энергии вложила природа в это благородное животное, если изо дня в день на таком подъёме живёт. Помню, с восхищением думал тогда. Хочешь – завидуй, хочешь – восторгайся.

Напрасно восторгался, по неграмотности. Вскоре пал жеребец. Вскрытие показало – разрыв сердца. Оказывается, рядом держали кобылиц, он их постоянно видел, от возбуждения метался, выходил из себя. От жажды продолжения рода у него закипала кровь. Сердце не выдержало бесконечного напряжения. Будь хозяева хоть чуточку внимательнее, они поселили бы дончака в спокойное место. Никому в голову (гостям в том числе) не пришла простая мысль – не может живое существо бесконечно жить в огне, сгорит. И правда, сгорел жеребец.

– Сгубили коня, – тяжело обронил после вскрытия пожилой ветеринар. – Лошадники.

НАШЕСТВИЯ

Внимательные горожане, наверное, заметили множество появившихся в городе где-то в середине января больших красивых птиц. Не очень уж больших, примерно с голубя. Казалось бы, чего им, вольным жителям воздушного океана, делать в каменных теснинах города? Однако дело имелось и очень важное. Держались они стаями по 30–40 особей, повышенный интерес проявляли к рябине. С характерным квохтаньем птицы клевали прихваченные морозом ягоды, производили впечатление вполне довольных жизнью.

Люди, мало-мальски знающие родную природу, легко узнавали в пернатых гостях дроздов-рябинников. Зимой птицы кочуют с севера на юг, останавливаются в местах, богатых рябиной. За несколько дней дрозды подобрали ягоды и улетели, а у людей осталось чувство удовлетворения, гордости собой за то, что когда-то не поленились, посадили в городе рябину.

Другое интересное нашествие почти в то же время наблюдали в районном центре на территории элеватора. Однажды утром работники элеватора увидели снег на территории своего предприятия, густо усеянный крохотными чёрными точками, будто кто посыпал угольной пылью. Любопытные не поленились приглядеться повнимательнее и были вознаграждены открытием – точки оказались живыми насекомыми.

Специалисты узнали в них ногохвосток. Живут в поверхностном слое почвы, безобидны, опасности не представляют ни для людей, ни для зерна. Питаются растительными остатками, насыщают почву гумусом, чем приносят почве немалую пользу. Но почему насекомые оказались на снегу среди зимы – осталось загадкой. В семитомном издании «Жизнь животных» ответа на вопрос найти не удалось. Может, просто поднялись подышать свежим воздухом.

Вообще в нашествиях много странного. Например, в Волгоградской области вдруг появились шакалы. Сроду их там не было. Ареал распространения азиатских

шакалов всегда ограничивался Северным Кавказом. Теперь пожаловали в Поволжье, чего доброго доберутся до центральных районов России. Хитрый, нахальный хищник может нанести серьёзный урон нашей и без того небогатой фауне. Интересно бы узнать, что заставило зверя покинуть тёплые обжитые места и двинуться на север.

Это всё нашествия, определённые природой, не всегда для нас ясные и понятные, но в основе своей всегда естественные и продиктованные объективным стечением обстоятельств – бескорыстной, переменой климатических условий, фактором беспокойства. Иное дело – нашествия искусственные, вызванные человеком. Все мы стали свидетелями, а некоторые и жертвами нашествия звероподобных псов на наши города.

Первыми появились бультерьеры. Внешне они похожи на упитанных туповатых пороссят. Только вместо мягкого безобидного пятака у них мощная пасть с набором режущего инструмента. Им ничего не стоит в мгновение ока отхватить, расплосовать, придушить. Породу вывели скрещиванием бульдогов с терьерами. От первых им достались челюсти и мёртвая хватка, от вторых – напор и агрессивность. Голыми руками с бультерьером не справиться. Впрочем, и с оружием не вдруг. Говорят, лобную кость ему даже из пистолета не прошибёшь.

Эти ещё цветочки, ягодками оказались питбультерьеры и стаффордширские терьеры. Они выше ростом, массивнее и ещё агрессивнее. Очень напоминают удава. Та же сплюснутая, клиновидная голова, свирепый немигающий взгляд и полное отсутствие жалости. Живой механизм, запрограммированный на убийство. Их специально выводили для собачьих боёв. Многолетним отбором добились желаемого. Они совершенно не выносят собак. Слабых моментально душат, с сильными дерутся, пока не обгрызут с них всё, что поддаётся, и те не истекут кровью. Сами к боли не чувствительны, драться продолжают с выпущенными кишками. Друг друга могут исшинковать в лапшу.

Стоят звероподобные собаки больших денег, приобретают их состоятельные люди. Одни исключительно из снобистского желания быть замеченными. Им доставляет удовольствие гулять с эдакой барракудой на поводке, видеть, как шарахается от них всё живое, ощущать сладость от наведённого на окружающих страха. Другие обзаводятся собаками ради наживы. Они их разводят, продают снобам и поставляют на собачьи бои. Формально бои у нас запрещены, а фактически процветают. Проводят их в укромных местах и, как говорится, в узком кругу ограниченных лиц. Действующий там тотализатор приносит приличный доход.

Держат звероподобных псов в основном в престижных домах, построенных близ скверов, парков. Раньше там гуляли бабушки с внучатами, мчали влюблённые парочки, да пенсионеры шуршали газетами. Теперь слышится звериный рык и гильотинное клацанье пастей. Стар и млад обходят выгульные места стороной. Увещевать хозяев булей и стафов бесполезно – могут как бы нечаянно спустить зверя с поводка.

Кинологи (специалисты, которые занимаются собаками) заметили интересную закономерность: чем свирее собаки, тем они плодовитее. Питы и були как раз из их числа. Они уже сейчас заполонили города, и какого-то сокращения пока не наблюдается. За разведение взялись частные питомники. Рекламные издания буквально пестрят объявлениями о продаже питов, булей, стафов.

Рано или поздно всякие нашествия кончаются. Кончится и звериное. У нас в характере нет жестокости. Со зерцать истерзанных, истекающих кровью животных не по душе русскому человеку. Да, у нас масса всяческих недостатков, но мы не кровожадны. Снобы со временем тоже образумятся. Уже достаточно примеров, когда псы калечили, а то и убивали своих хозяев.

Всё объяснимо. Агрессивность им закрепили на генном уровне. Заводчики вернули собак к первобытному состоянию, в котором не было места ни любви, ни уважения к человеку.

Печально сознавать, сколько людей ещё пострадают, пока придёт понимание, что звероподобная собака – это мина с часовым механизмом. Никто не знает, когда она сработает, но сработает обязательно.

УБИТАЯ ПАШНЯ

После многих лет жизни и работы между Аралом и Каспием, на Нижней Волге, где солнце ещё в начале лета выжигает растительность до унылой пустоты, воронежское Черноземье показалось чудом. Долины, холмы, за столетия оглаженные земледельцем до ласкового уюта, тучные нивы, зелёные рощи радовали как праздник, наполняли душу тихим ликованием. Везде, куда падал взгляд, хотелось остановиться, сродниться с благословленной землёй или хоть недолго побывать там.

Часто оставлял машину на обочине, шёл через дубраву и орешник к ближнему полю. Натыкался на свежие кротовины, брал в руки ещё влажную, не успевшую подсохнуть землю, разглядывал и глазам своим не верил. Неужели такая может быть? Рассыпчатая, крупнитчатая, словно гречневая каша, сваренная умелой хозяйкой, насквозь пронизанная бесчисленными корешками и чёрная, как южная ночь. Буквально кожей чувствовал её могучую животворящую силу. Какие же богатые урожаи может она родить! Не земля, подарок судьбы, цены ей нет.

Интересно было узнать, какая земля на поле. Под лирический настрой хотелось, чтобы поднималась там золотая нива, непременно по грудь и колосья в ладонь. В действительности оказалась викоовсяная смесь. Однако не прозаичность культуры охладила восторги (корня нужны не меньше хлеба), а невзрачный вид посевов. Сизые стебли овса едва поднимались над жиidenьким переплетением вики. На бледно-каштановых почвах Нижнего Поволжья и получше можно увидеть.

Окончательно сразили пустые, безжизненные пятна по всему полю. На них вообще не было ни стебелька.

Хоть бы осот взошёл. Мертвое. Какая же злая сила убила землю?

Шедший рядом председатель местного колхоза, человек пожилой, изрядно помятый жизнью, феномен объяснил прозаично.

— Обрабатывали посевы ядохимикатами. Механизатор агрегат остановил, форсунки не перекрыл, вот отрава и хлестала. Теперь тут лет пять ничего расти не будет.

Гербицид повышенной активности покупали в Германии. Педантичные немцы используют его предельно аккуратно, с выверенной дозировкой, чтобы никак не навредить ни земле, ни посевам. У нас дозировка делается вёдрами, отмеряется на глазок и полагаются на авось. Могут специально ливануть побольше, чтобы уж травить, так травить. Ничего не стоит остатки из бочки вылить прямо на поле.

Пролитые, просыпанные ядохимикаты всерьёз не принимают, за грех не считают. На товарных дворах райсельхозхимии земля отравлена на сажень, а может и глубже. Разгружают вагоны — сыпят, нагружают машины — сыпят. Сыплятся из рваных мешков, щелястых кузовов, сыплятся зимой и летом, сыплятся на снег и на голую землю. Ядохимикаты не сметут, не уберут, всё вомнут, втопчут. Дождевые, талые воды понесут отраву вглубь и окрест. С годами сама земля становится ядом.

Знаю предприятие райсельхозхимии, где на территории живут слепые собаки. Их приютили, прикормили, они остались и ослепли. Девять бродяжек некуда, а выгнать жалко. Щенки рождаются зрячими, но скоро слепнут. Секрета нет. Собаки день и ночь на отравленной земле. С земли берут пищу, на земле играют, спят, отыкают, несут свою караульную службу. После благодатных летних дождичков, когда парит, ядовитые испарения обволакивают собак. Деваться собакам некуда, они даже за ворота не выходят.

На том поле провожатый мой рассказал, как медленно оживает отравленная земля.

– Проплешины остаются надолго. Первым взойдёт просо, если раньше сеяли, во время уборки натеряли. Чудно получается – нигде ни метёлочки, а на отравленных местах целыми кулижками. Удивительная культура это просо. До пяти лет лежат в земле семена, не прорастают, не теряют всхожести, ждут, пока обезвредится яд. Приспособливается природа.

Явление известное. Семена сорняков могут сохраняться в почве до 40 лет. Агрономы знают способность сурепки «возвращаться». Казалось бы, многократной культивацией освободили поле от сорняка. Чисто год, два, а на третий она опять тут, будто специально сеяли. Вместе с оборотом пласта семена поднялись на поверхность, дождались благоприятных условий и взошли.

Потом ещё не раз приходилось встречать на чернозёмных полях пустые, безжизненные пятна. Где больше, где меньше. В иных местах словно пулемётной очередью пробивают поле из конца в конец. Не дай Бог, думаю, сольются когда-нибудь в сплошной массив. Посеют пшеницу, но убитое поле не даст всходов. Вся надежда останется на просо. Только чего есть будем долгие пять лет в ожидании, пока отрава потеряет силу?

ГУСЬ ОДИНОКИЙ

В автомобильном чаду и грохоте, в теснинах из кирпича и бетона горожанин редко вспоминает о природе и её обитателях, живущих на свободе. Телевизионные передачи о жизни дикой природы воспринимаются как нечто красивое и фантастическое из далёкого и почти нереального мира. В самом деле, где эта Антарктида с её забавными пингвинами или Африка со слонами и носорогами? Возле себя горожанин всю жизнь видит лишь воробьёв, ворон да бродячих собак, и мало кто знает, что сырьими весенними ночами над городом пролетают гуси. Летят они низко, потому что слышно, как тихонько гогочут, подавая друг другу сигналы, чтобы в темноте никто не отстал, не

сбылся с пути и не заблудился над чуждым им морем городских огней.

С городского балкона услышишь гусиный гогот, и сердце встрепенётся, будто от обещания большой и скорой радости. А уж днём увидеть гусиный клин – настоящее событие, о котором хочется рассказывать и делиться впечатлениями. Только для этого надо ехать далеко за город, где редкие селения теряются среди бескрайних полей и лесов, и гуси безбоязненно летят на малой высоте. Днём над городом гуси почему-то не пролетают. По крайней мере, видеть ни разу не приходилось. Над своей деревенской усадьбой вижу их каждый год. Видел и минувшой весной.

Гуси летели с юго-запада на северо-восток. Курс держали на верховье Воронежского водохранилища. Место для птиц привлекательное. Там мелкая вода, заросли рогоза дают обильный корм и надёжное укрытие. Хотя клин летел быстро, всё-таки удалось разглядеть серебристо-серое оперение птиц, вытянутые вдоль живота лапы. Как обрадовалась и взволновалась душа – на нашу землю возвращаются гуси. Значит, есть ещё у нас чистые, нетронутые места, где гнездятся и выводят потомство эти красивые, осторожные птицы.

Вечером того же дня по местному телевидению шла передача об открытии охоты на водоплавающую дичь. Сначала перечисляли, сколько можно подстрелить уток, гусей, а потом восторгались ружьями, лодками, сапогами, самими охотниками и их умением метко стрелять. В завершение показали вечернюю зорьку, исхлестанную ружейной пальбой.

С того памятного дня прошла неделя. Стоял серый мглистый, насыщенный тёплой влагой весенний денёк. То и дело принимался моросить мелкий дождичек. Окрест разливались покой и благодать, земля мела в ожидании скорого расцвета всего живого.

Вдруг с небес упал тосклиwy трубный крик. В низких тучах не сразу заметил одинокого гуся. Он летел и непрерывно трубил, словно просил подождать, откликнуться пролетевших неделю назад сородичей, помочь

ему, не дать заблудиться в небесных просторах, затянутых низкими серыми тучами.

Почему гусь летел один? Почему отстал от сородичей? Единственным вариантом ответа вспомнился вечер с телевизионной передачей об открытии охоты на водоплавающую дичь. Наверное, гуся подрали, он забился с глаз охотников в камышовые крепи, отсиживался, копил силы для продолжения полёта. И вот превозмогая боль, поднялся на крыло, догоняет сородичей и трубит, трубит в надежде не потеряться, выжить.

МАКОВОЕ ПОЛЕ

Каких только вредителей нет в наших садах, полях и огородах! На пшенице жук-кузька, на картофеле – колорадский жук, на яблоне – плодожорка.

Кроме них долгоносик, огнёвка, щитовка, капустница, луговой мотылёк. Да всех не перечислишь. Ладно ещё саранча из южных краёв не долетает. И никакая отрава их не берёт. Прыскают на них, льют, посыпают с земли, с воздуха, а они знай себе размножаются. После очередного сверх ядовитого препарата поутихнут, а через пару лет появляется новое поколение с более стойким иммунитетом, и опять они принимаются за своё.

У всех сельскохозяйственных культур есть свои прожорливые паразиты. У всех, кроме мака. Про него в прежние времена говорили: семя лет не родит, и голоду нет. Тем самым ему отводилось более чем скромное место в жизни человека. Однако мак был широко популярен и ценим за яркие цветы, украшение сельских палисадников и крохотные семена, непременный компонент пышек, бубликов, кренделей и рулетов.

У многих народов мак в числе лекарственных растений. Из его млечного сока получают морфий, эффективное болеутоляющее средство. В знаменитой медико-биологической поэме французского врача и учёного Одо из Мена «О свойствах трав» маку уделено должное внимание.

*И когда млеком исходят головки подобного мака,
Варят их в чистой воде; полагается мёда добавить
Треть от веса воды и варить до того, как сгустится.
Этот отвар, словно мёд, а затем сохранять
как лекарство:*

*Принятый, кашель он гонит,
снотворен и вяжет желудок,
Жилы, что голос даёт, истеченья простудные сушит.*

Поэма написана в одиннадцатом веке. Сколько воды с тех пор утекло, как переменились нравы и представления о назначении растения! Теперь мак – вожделенное зелье наркоманов. В ход идёт всё – сок, коробочки, даже стебли, именуемые на их жаргоне соломкой. В прежние времена стебли использовали для утепления потолков в сельских домах. В них мыши не заводились.

Так вот, на маковом поле, как утверждают знающие люди, вредителей не бывает. Ни жучков, ни паучков, ни гусениц, ни бабочек. Даже птицы облетают маковые поля стороной. Ни один из представителей бесчисленного мира насекомых не живёт на маке.

Утверждение, надо думать, не лишённое некоторого преувеличения. В природе не может быть растения, абсолютно неуязвимого. Есть бактерии, которые пытаются лаками, красками, нефтепродуктами. Уж на что горчица горька, но и у неё есть свои вредители. Правда, семена горчицы грызуны не трогают. В сусеках, где хранилась горчица, долго не заводятся мыши.

И всё-таки, несмотря на идеализацию, утверждение о неприятии мака насекомыми имеет право на жизнь. Ведь не случайно мак сеяли между грядок, чтобы отпугивать вредителей. В многовековом опыте земледелия ничего нет случайного.

Всесильная природа за тысячелетнюю эволюцию не вложила в живой организм потребности в дурмане. Зато подарила иммунитет на случай вынужденного потребления. Скажем, олени, лоси едят мухоморы, но при этом не «балдеют», а освобождают кишечник от паразитов. Живой мир чётко запрограммирован на игнорирование наркотических веществ. Только разумный человек протянул руку к маку с противоестественной целью отключать разум.

Вроде бы логично сказать, уподобляя себя тем самым животному, но ведь нельзя. Никто из животного мира не тяготеет к дурману. Невольно задумашься, кто же разумнее – царь природы, как без лишней скромности именует себя человек, или крохотный членистоногий, которого без лупы часто и не разглядишь.

КРУГИ РАВНОДУШИЯ

Пустыня лежит заснувшими волнами штормового океана. Только подует ветер, песок просыпается, течёт змеистыми струйками, и барханы, разобранные на песчинки, отправляются в бесконечное кочевье, вечно меняя и обновляя ландшафт. Исконные обитатели пустыни к движению песков приспособились, принимают за норму своего сурового бытия. В противоречие со стихией вступает цивилизованный человек. Песок представляет серьёзную угрозу для дорог и линий электропередач. Как сокращённо их называют, ЛЭП. Если дороги достаточно освобождать от заносов и они продолжают служить, то ЛЭП постоянно под угрозой аварий. Ветер выдувает из-под бетонной опоры песок, она теряет устойчивость, кренится, падает. Рвутся провода, и моментально замирает жизнь на нефтяных, газовых скважинах, перекачивающих станциях. В вахтовых посёлках выключаются кондиционеры и холодильники. Человек сразу ощущает свою малость перед величием пустыни.

Каждая минута простоя оборачивается колоссальными убытками. Для предотвращения аварий люди гото-

вы на любые расходы. Тем не менее выбирают варианты попроще и подешевле. Так, под опоры льют битум. Постоянно расплавленная под жарким солнцем клейкая масса постепенно просачивается в глубину, схватывает под опорой песок в круге диаметром полтора-два метра.

Не ведая о коварстве битума, целеустремлённо движутся по своим маршрутам черепахи и попадают в липкую ловушку. Сил им хватает пересечь опасный круг едва до половины. Опускаются отдохнуть, панцирь прилипает всей плоскостью, и черепаха обречена. Под нещадным солнцем за несколько часов панцирь раскаляется так, что черепаха сваривается. К поживе со всех сторон торопятся жуки-трупоеды и влипают на первых сантиметрах битума.

Число жертв в битумном круге день ото дня будет множиться, пока ветер не заметёт гиблое место спасительным песком. Смотришь на эти пятна человеческого равнодушия, и делается обидно за *homo sapience*. Уж коли разумный, мог бы напрячь извилины и вместо битума лить под опоры, например, жидкий цементный раствор. Высохнет, схватится, хоть сто лет пролежит твёрдой коркой. Эффект тот же, а для обитателей пустыни совершенно безопасно.

Линии электропередач на подступах к пустыне пересекают степи. По ним тоже гуляет буйный ветер, но опорам он не грозит. Травяной покров, хотя довольно скучный, защищает землю от выдувания. Здесь сами ЛЭП представляют серьёзную опасность для птиц. Почти вокруг каждой опоры лежат останки ястребов, орлов.

В безлесной местности, где нет ни деревца, ни кустика, птицы садятся на опоры, не подозревая о грозящей им опасности. В момент взлёта расправляют крылья, делают взмах и задевают провода. Они даже не успевают услышать хлёсткого, как пистолетный выстрел, электрического разряда. Гибнут крупные птицы с широким размахом крыльев. Бесконечные ЛЭП гигантскими гребёнками вычёсывают и без того редких степных птиц.

Каждая опора в степи тоже в круге человеческого равнодушия. Если бы создававший опору специалист хоть чуть озабочился участью птиц, то без особого труда додумался бы, как обезопасить своё творение. Скажем, поставить на вершину опоры треугольник, препятствующий посадке крупных птиц. Или Т-образную перекладину, поднятую достаточно высоко над проводами и гарантирующую безопасный взлёт. Ни тот, ни другой вариант технической сложности не представляет. Для массового производства устройств можно использовать дешёвую пластмассу. Да многое чего можно, если человек избавится от равнодушия к природе.

Недаром древние наставляли вступающих в жизнь: бойся равнодушия в себе и в других.

ПРОВОКАЦИЯ

Давние знакомые заимели садовый участок в живописном и покойном местечке. С одной стороны подступала дубовая роща, с другой открывался чарующий вид на пойму и покатые холмы правобережья. Оба любители цветов, супруги больше восторгались не выращенными розами, пионами всевозможных расцветок и форм, а чистым и живым миром окружающей их природы.

На участке у них частыми гостями были ежи, в куче камней жили юркие ящерицы. Над головами пели зяблики, скворцы, из дубравы доносилась гулкая песня иволги. Весной в лесу разливалось море подснежников, ландышей. Летом на светлых полянах красными огоньками светились ягоды земляники необыкновенного вкуса и аромата. О доставшейся им земной благодати знакомые рассказывали часто, с удовольствием показывали гостям.

У них и в самом деле было хорошо, как бывает, когда естественную красоту природы дополняет созданный человеческими руками уют. Однако оказалось доста-

точно десяти шагов от калитки в зелёную тень дубравы, чтобы благостный восторг сменился разочарованием. На склоне оврага вольготно раскинулась помойка. Рваные ботинки, ржавые вёдра перемежались с рыбьими головами, куриными костями, картофельными очистками и прочими отбросами. С недовольным карканьем взлетели вороны, уселись на дуб и продолжали возмущаться незваным пришельцем.

Разговор о неустроенности помойки и её неуместности в столь уютном местечке знакомые мои не поддержали. Оба очень популярно объяснили неизбежность отходов человеческой жизнедеятельности и способности природы к самоочищению. С помощью тех же ворон. Дескать, эти удивительные птицы способны поглощать любую гниль, падаль и перерабатывать всё до стерильной чистоты. Помёт их уже абсолютно безвреден и служит прекрасным удобрением.

Всё правильно. Вороны – великолепные санитары, а желудочно-кишечный тракт у них действует не хуже автоклава. При всех своих достоинствах вороны отличаются редкой способностью к разбою и грабежам. Птичьи гнёзда они разоряют с хитростью необыкновенной. Пока одна затевает скандал и отвлекает хозяев, другая ворует яйца, птенцов. Умудряются даже из скворечников вытаскивать птенцов. Там, где поселились вороны, другим птицам житья уже не будет. Если не пугнуть их хорошенько, то им ничего не стоит перетаскать цыплят со двора прямо из-под клушки.

Вот и та дубрава скоро опустела. Теперь там с утра до вечера слышно только воронье карканье.

И всё-таки вороны не виноваты. На разбой их спровоцировал человек своей помойкой. Требовалось-то всего-навсего выкопать яму, по мере заполнения мусором засыпать. Чего-нибудь вороны успевали бы перехватить, но без постоянного источника пищи селиться тут им не имело смысла.

Банальная лень со ссылками на уважительные обстоятельства способна спровоцировать необратимые явления природы. Опустевшая дубрава возле садового

кооператива – событие местного значения. Бывают гораздо масштабнее.

В наших лесах очень незаметно и достаточно давно появились новые хищники. Зоологи называют их волко-собаками. Сочетают в себе качества тех и других. По-волчьи живут стаями, по-собачьи охотятся гоном. Волки преследуют добычу короткое время. Если животное здорово, бежит легко, они быстро прекращают погоню. Их не случайно зовут санитарами леса, поскольку действительно выбраковывают слабых. Волко-собаки гоняются, пока не настигнут и не разорвут. Погоня до конца у них в крови, вбита человеком селекцией многих поколений охотничьих собак. Функции санитаров им чужды.

Волко-собаки легко уходят из любой облавы. Красные флаги на верёвочках, которых смертельно боятся волки, ими воспринимаются безобидными тряпицами. Потому традиционные способы охоты на них не годятся. Человека без ружья не боятся, в лучшем случае не обращают на него внимания, иногда ведут себя угрожающе. На домашний скот нападают средь бела дня и на виду у людей. Охотники, встретив их в лесу, принимают за собак и не стреляют.

Волко-собаки сложились в устойчивый вид, насчитывают много поколений. Появление их спровоцировано человеком.

О бродячих собаках говорили и писали много, но не задумывались, чем они кормятся. Если в городах находят себе пропитание у мусорных баков, на свалках, то в сельской местности, вытесненные в лес, казалось бы, обречены на голодную смерть. Ах нет. Возле свиноферм, откормочных комплексов есть могильники, куда сбрасывают павший скот. По правилам это должны быть закрытые траншеи, обязательно с крышками, полностью исключающими доступ к трупам и возможность распространения заразы. Это теоретически.

Практически ограничиваются узкой ямой на ширину экскаваторного ковша. Когда яма заполнится, подгоняют бульдозер и заваливают. Зимой дорогу к могильникам часто переметают сугробы, трупы не довозят, сбрасы-

сывают в лесополосы. На всю зиму волки, лисы, собаки обеспечены кормом. Весной в такие же могильники возле птицефабрик кучами сваливают выбракованных цыплят. Это уже свежатинка, деликатес.

Экологическую нишу, занимаемую когда-то волками, заполнили волко-собаки и одичавшие собаки. Хищники, более приспособленные к соседству с человеком, беспощадные и наглые. Прямо на выгоне стая может разорвать привязанную козу, телёнка и не отойдёт, пока не насытится. Истошные крики, размахивание руками их не пугают.

Сегодня на зверей нет никакой управы. Состоятельные охотники с дальнобойными карабинами считают ниже своего достоинства стрелять каких-то собак. Им подавай лося, кабана, косулю. Обладатели скромных двустволок в силу скромного материального достатка не имеют возможности тратиться на стрельбу по хищникам, от которых ни шкуры, ни премии, как в былье времена за волков.

Природа ответила на провокацию человека. Теперь за ним ответный ход должной мудрости.

ЧУЖАЯ НАПАСТЬ

В больнице, как в поезде, люди сходятся легко. Достаточно посочувствовать, и слово за слово завязывается разговор. Вот и моя соседка в скверике онкологического диспансера охотно рассказала о себе. Родилась и выросла в селе. Всегда считала сельскую жизнь, в отличие от городской, простой и здоровой. Проработала дояркой 22 года. Дело своё знала хорошо, даже сама лечила коров с помощью «коровьей» мази. Когда у себя в груди почувствовала опухоль, стала ей же мазаться. Шло время, опухоль росла, испытанное на коровах средство не помогало. Поехала в областной онкологический диспансер. Срочно положили на операцию. Грудь удалили полностью, вырезали лимфатические

узлы под мышкой, отчего правое плечо у неё опустилось, вся она скособочилась, стала похожей на птицу с подбитым крылом.

Свою историю она рассказывала отстранённо, будто речь шла не о ней, а о ком-то постороннем. Очень опасалась, как бы её болезнь не передалась домашним. Несколько раз повторила давно мучающий её вопрос.

– С чего чужая напасть? Баня-то у нас своя.

В родном селе новой знакомой мне приходилось бывать, и я его отлично помню. Расположено в низине, среди покатых холмов, с курчавыми дубравами по склонам. Живописное местечко. Вдоль улицы тянется большой пруд. Всё лето в нём вместе с гусиными стаями полощется детвора. Раньше была рыба, водились раки. Воду из пруда берут на полив огородов. За околицей начинаются поля. Когда их засевают подсолнечником, к середине лета цветущее море подкатывает жёлтыми волнами к самым домам. Красота! Жить бы да радоваться. Однако рассказ женщины о её страшной болезни словно удар молнии обрушил красоту, и я отчёлово увидел ядовитый туман, окутывающий село на протяжении многих лет.

Пруд вдоль улицы давно отравлен ручьями, сбегающими по склону от склада ядохимикатов и удобрений. Какая-то «умная» голова догадалась построить его повыше, чтоб не заливало. Порадели за общественное добро. Площадка у ворот здесь сплошь усыпана и утрамбована мочевиной, карбофосом, пестицидами, гербицидами. Густо поблескивают размятые пробки от водочных бутылок. Пол-литрами берут за отпущеные налево удобрения и ядохимикаты. Просыпанное внутри склада выметают и выгребают наружу. Адская смесь растворяется дождевыми, талыми водами, просачивается в глубину, а большей частью стекает в пруд, живописно обрамлённый зарослями тростника, рогоза.

Местное начальство рекомендует водные растения как свидетельство экологической чистоты. Увы, заражаются. Природа наделила рогоз и тростник способностью выживать в ядовитой среде. Более того, они

усваивают из воды токсические вещества и тем самым очищают её. На Астраханском целлюлозно-бумажном комбинате пытались использовать искусственные плантации тростника и рогоза для очистки промышленных стоков. Ничего не получилось – слишком велика нагрузка. Растильность не в состоянии очистить даже сельский пруд.

Отравленной водой поливают огороды. Добавляют нитратов, обильно посыпая грядки минеральными удобрениями. С навозом труднее – надо развести, раскидать, перекопать. А тут за бутылку взял мешок аммиачной селитры, и урожай обеспечен. Свёкла, морковь, картофель, капуста растут как на дрожжах. Напичканые нитратами овощи везут в город продавать, сами едят и травятся плодами рук своих.

При недомогании у сельского жителя в виде рвоты, поноса никто и не подумает о возможном отравлении нитратами. Первым делом скажут, объелся или перепил. Ничего, мол, с ним не сделается, пройдёт. Проходит, но не бесследно. Нитраты в желудке теплокровных трансформируются в нитриты. Эти уже на порядок токичнее и выступают канцерогенными провокаторами.

Реакция элементарная, вполне может быть расписана в школьном учебнике химии. Увы, там подробно излагается производство азотной кислоты, минеральных удобрений, всё то, что может понадобиться исключительно работникам химической промышленности. А вот овощи едят все, и всем надо знать о влиянии нитратов на организм, уметь заботиться о своём здоровье, но все остаются в полном неведении.

Многие из жителей того живописного села даже не догадываются, какие бедствия для них несёт подсолнечник за окопицей. Осенью, чтобы подготовить культуру к уборке комбайном, поле обрабатывали дефолиантом. Подсолнечник на глазах засыхал, листья отваливались, оставались голые стебли с поникшими корзинками. Всё лето посевы опыляли пестицидами, гербицидами. Частенько ветром отраву сносило на огороды. Нередко лётчики промахивались и пылили над усадьбами. Дур-

ной запах, конечно, замечали, ругали лётчиков, агрономов, а на другой день о происшествии забывали.

Уместно совершить небольшой экскурс в недавнее прошлое. Во время войны во Вьетнаме американцы обрабатывали джунгли дефолиантом, чтобы сделать их сквозными, просматривать с воздуха. Варварская акция. Наша общественность пылала праведным гневом, газеты сообщали, какие заболевания получили лётчики, выполнявшие распыление, какие ужасные последствия претерпели флора, фауна, сами вьетнамцы. О том, как оказывается массовая обработка дефолиантом подсолнечника в нашей стране, никто не говорил, не писал и вообще не интересовался.

Интересовались онкологи. Они анализировали статистику и делали весьма впечатляющие выводы. Оказывается, увеличение площадей опрыскивания всего на 10% вызывает повышение заболеваемости раком сельского населения на 75-100 дополнительных случаев на каждые 100 тысяч человек. Так, заболевание раком лёгких здесь встречается в полтора раза чаще, чем в городе.

В былые времена все присутственные места в сёлах были оклеены хотя и примитивными, но довольно яркими плакатами, призывающими бороться за мир, повышать производительность труда, крепить единство партии с народом. Если бы всю эту полиграфическую мощь направили на пропаганду элементарных знаний о причинах раковых заболеваний, сколько бы жизней удалось сохранить! Сегодня от бессилия болит сердце. Нет сил слышать, как молит о помощи ещё совсем не старая женщина.

– С чего чужая напасть? Баня-то у нас своя.

ГОРЕЛЬНИК

ВЧерноземье лесные пожары никогда не были бедствием. Во-первых, в силу отсутствия лесов, а во-вторых, по причине почтительного отношения к зелёному другу. Теперь лесов прибавилось. За последние

полвека вокруг Воронежа поднялись сосняки. Их откровенная прямолинейность несколько сбивает с лирического настроя, но зато однозначно говорит о рукотворном происхождении, вызывает глубокое уважение к людям, способным озабочиться благополучием потомков.

Сосняки закрепили пески, положили конец пыльным бурям. Проблему решали кардинально, посадки располагали на дальних подступах к городу. Наиболее впечатляющие леса вокруг сёл Ямное, Новоподклетное. Заняли ими бросовые, бесплодные пески. Стройные, как свечи сосны выросли до двенадцати-пятнадцатиметровой высоты. Поднимался естественный подрост, под пухлым слоем опавшей хвои, во влажном покойном мире селились колонии бесчисленных насекомых, размножались грибницы. Здесь собирали маслята, зеленушки, сыроечки. Местные знали, где растут лучшие грибы сосновых лесов – рыжики.

Именно эти леса постигла тяжёлая участь. Буквально гектары вырубили под строительство роскошных особняков. Ладно, тут ещё скрепя сердце можно согласиться – всё-таки жильё возводят. Но гектары выжжёных лесов нельзя ни объяснить, ни оправдать. Понимание ниже логики здравого смысла.

Летом редкий день обходится без пожаров. Горят леса под Воронежем, близ людных поселений и в заповедных местах. Будто злая сила с цепи сорвалась и творит свои чёрные дела – там костёр разведёт, там окурок бросит, а то и нарочно подожжёт. Не суть важно, по какой причине начинается пожар, потому что итог всегда один – от леса остаётся горельник.

Стоишь на краю горелого сосняка и боишься в него войти. Собственно, входить-то некуда. Теперь это не лес, а торчком стоящие ряды головешек. Пожар погубил сосняк. Огонь полыхал от земли до вершины. Многолетняя сухая хвоя горела как порох, огонь уходил по корням в глубину. Пеньки выгорали дотла, от них в земле остались круглые дыры, от муравейников – конусы пепла. Сосны обуглились от комля до вершины, уцелели стволы и толстые сучья. Всё убито, выжжено,

простерилизовано огнём. Кругом зола и сажа, к лицу патиной липнет горький запах гари. Жуть берёт.

В подобных случаях обычно спрашивают, куда смотрят лесники, почему не хватают поджигателей за шиворот, не судят, не штрафуют, не сажают в тюрьму и не гонят из леса. С горькой печалью глянул в ответ знакомый лесник и повторил, похоже, не раз сказанное:

– Что я могу против оравы пьяных мужиков? Подходишь, стыдишь, а тебе велят «мотать отсюда, пока на куски не порвали». Против них ОМОН нужен в полной боевой.

Прискорбно, но прав лесник, для защиты лесов действительно нужна сила. Тут ни увещевания, ни призывы не помогают. Плакаты необъятных размеров, вроде «Берегите лес от огня», – пустая затея. Они ещё ни одного поджигателя не остановили и никого не вразумили.

Часты пожары в лесных массивах, через которые проходит железная дорога. Как промчится пассажирский, так можно выезжать на тушение. Жарко, курят у открытых окон, окурки швыряют наружу, нимало не заботясь о возможных последствиях, а они-то не заставляют себя ждать. Мощным вихрем от вагонов огонёк подхватывается, забрасывает в лес, и пошло полыхать.

Слово «пожар», прочитанное на газетной странице, действует не более, чем всякое другое. Оно не слепит и не душит горячим дымом, не оглушает треском заживо горящих деревьев, не колет лицо, руки тысячами иголок нестерпимого жара. Не даёт представления о коварстве огня, норовящего зайти со спины, взять в кольцо и сжечь. Избави Бог от испытаний, из которых люди выходят без ресниц, без бровей, с багровыми волдырями. Бывает, и вовсе не выходят. Потому уж лучше верить очевидцам и отказывать себе в маленьких прихотях, вызывающих большую беду.

Поджигателей водить бы в горелый лес, привязывать к чёрным сосновам и оставлять хотя бы на сутки. Наверняка этого времени хватит прочувствовать всю глубину совершённого зла, потому что каждая минута в горельнике невыносима.

КОГДА БЕССИЛЬНЫ ИНСТИНКТЫ

Широко известны способности животных, растений тоньше человека чувствовать загрязнение окружающей среды. Например, раки, перламутровицы не живут в водоёмах, отравленных промышленными стоками, ядохимикатами с полей. Лишайники не растут в загазованном воздухе.

Сам человек давно потерял полученную от природы чувствительность. Он болеет, хиреет и редко догадывается об истинных причинах своих недомоганий. Образ жизни, далёкий от естественного, притупил инстинкт самосохранения, он перестал подавать сигналы опасности. Что характерно, также атрофируются инстинкты у животных, приручённых человеком, ставших домашними.

В одном южном районе, на базе райсельхозхимии обратила на себя внимание странным поведением цепкая свора собак. Только растаял снег, земля ещё парила в благодатной весенней истоме. Собаки кучковались на сухом бугорке, грелись на солнышке, однако чутко слушали обстановку около ворот. На грохот самосвалов не реагировали, но шаги чужого человека фиксировали моментально, тут же вскакивали и с лаем бежали на встречу. Испуганный посетитель замирал, разномастная свора проскакивала мимо, останавливалась у ворот и облавала пустоту.

– Слепые они, – пояснил местный рабочий. – Рождаются зрячими, а потом слепнут. Земля у нас отравлена ядохимикатами. Сыплется из мешков, грузовиков, выметают из вагонов, и всё на землю. С дождевыми, талыми водами уходит отрава в глубину. Сейчас земля парит, выдыхает яд. Собаки близко к земле, потому травятся. Мы тоже травимся. Только с перерывами. Отработали 8 часов, ушли, а они тут пожизненно. Дальше ворот ни одна не уходит.

Стало понятно подспудно толкавшее желание скорее уйти отсюда. Тяжёлый воздух, оказывается, был не брезгливым капризом, а действительностью. Казалось бы,

по зову инстинкта самосохранения собаки должны бежать с опасного места, пока здоровы, зрячи, а они остаются. Виноват человек – злоупотребил привязанностью животных, разрушил здоровые инстинкты кормёжкой. Таких баз по стране множество.

Однажды на такой же базе случился пожар. Залитые водой, оплавленные удобрения, ядохимикаты сгребли бульдозером в яму и завалили. О происшествии забыли, территорию вместе с производственными помещениями передали сельхозтехнике. Теперь здесь ремонтировали автомобили, комбайны, тракторы.

Привязанностью ремонтников стали голуби. Им крошили оставшиеся после обеда куски, манили «гули-гули», благостно наблюдали, как доверчивые сизари начинают брать корм с рук. Под высоким потолком корпуса птицы гнездились, выводили птенцов. Тяжёлый дух в мастерской им вроде бы не мешал.

Как-то на долгие праздничные дни ворота корпуса наглухо закрыли, даже захлопнули всегда открытые фрамуги, чтобы ветром не побило стёкла. Оставшимся взаперти голубям заботливые ремонтники насыпали корма, налили воды.

Через неделю пришли, распахнули ворота и остолбенели – на полу, на станках, на разобранных двигателях лежали мёртвые голуби. Ни одного живого не осталось. Воздух в корпусе до осязаемой плотности был насыщен ядовитым смрадом, и люди благоразумно решили не входить. Вызвали специалистов санэпидемстанции, сделали анализы воздуха, земли. Оказалось, всё пропитано и насыщено сверх всякой меры парами ртути. Вспомнили, что здесь было раньше, как хранили ядохимикаты, куда выбрасывали, где закапывали остатки после пожара.

Наконец, догадались о причинах своих недомоганий. Многие страдали от головных болей, а им советовали меньше пить.

Загадкой осталось поведение голубей. Почему остались, не улетели? Ведь ворота весь день нараспашку. Увы, сытый желудок глушит инстинкт самосохранения.

Животные уже не предупреждают человека о грозящей ему опасности. Они травятся вместе с ним. Только погибают первыми.

МУТАЦИЯ

Иностранное словечко вольготно расположилось в нашем словаре, применяется к месту и без места. Всё, что в животном, растительном мире обнаруживает отклонение от нормы, уже мутация. Будь то сросшиеся яблоки, кривое дерево или двухжелтковое яйцо.

Часто вспоминается сцена из недавнего прошлого. Стоим на свекольном поле, запущенном до безобразия. Свёкла явно не прореживалась, загущена, заросла сорняками, во многих местах выбросила высокие стебли цветоносов. Здесь урожая не жди, копать будет нечего. Местный начальник, сам, кстати, упитанный, ухоженный, теребит одеревеневший стебель цветухи, многозначительно роняет: «Мутация...»

Интересуюсь, при чём тут мудрёная мутация, если перед нами во всём великолепии заурядная бесхозяйственность? Размахивая руками по странам света, он показывает, где действует Курская атомная электростанция, где Нововоронежская. Мы, дескать, между ними, радиация жмёт со всех сторон, и потому свёкла не удалась. В подтверждение вспоминает шестиногого телёнка, родившегося то ли в прошлом, то ли впозапрошлом году в каком-то районе. Фотографию телёнка лично видел его сват.

Про шестиногого телёнка я тоже слышал. Фотографию не видел. Уродство телёнка многие связывают с аварией на Чернобыльской АЭС и работой соседних станций. Может быть, и так. Но ведь аномалии в животном мире случались и до открытия атомной энергии, химизации сельского хозяйства. Их чем объяснить?

Всяческие диковины, включая младенца с двумя головами, собирал в своей знаменитой кунсткамере Пётр Первый. Потрясающий факт приводит в путевых

заметках «Из пещер и дебрей Индостана» Елена Блаватская.

«...Одетый в довольно приличную светло-жёлтую кисейную рубашку без рукавов, с длинными распущенными волосами, Садду стоял с непокрытой головой, опершись локтем на корову с выросшее у неё из горба «пятою ногой». Это удивительное произведение природы обмахивалось своею пятой ногой, словно рукой, чеша голову копытцем и хлопая им на ней мух. Приняв сперва этот запасной член за фокус, мы очень недоверчиво смотрели как на него, так и на красивого обладателя коровы; но, подойдя ближе, мы убедились, что то действительно была игра шаловливой природы, а не хитрость человека».

Вот так, всего лишь игра шаловливой природы. Люди ещё понятия не имели об атоме, радиации, пестицидах и гербицидах, однако в силу каких-то обстоятельств животное родилось уродливым.

Ещё больше отклонений от нормы встречается в растительном мире. В наших краях часто наблюдается локальное разрастание веток на лиственных и хвойных деревьях. Такой пучок называют «ведьмина метла», тем самым как бы объясняют противоестественность его появления.

До сих пор никто не может сказать, чем вызваны наросты на стволах сосен, берёз, так называемые капы. Волокна в них перепутаны, закручены, завязаны в причудливые узлы, отчего древесина приобретает необычайную прочность, а уж красива – глаз не оторвать. На срезе обнажаются птичьи глаза, бегучая вода, спутанные травы, диковинные цветы.

Одним словом, явление, родственное мутации, существовало всегда. Другое дело, что в связи с антропогенным воздействием на природу оно проявляется чаще. Загрязнение воздуха, воды, земли не проходит бесследно ни для человека, ни для животного и растительного мира.

Но ведь нельзя каждый случай аномалии относить на счёт атомной энергетики, промышленности, беско-

нечно пугать себя и окружающих. А то ещё появилась манера – плоды собственной нерадивости объяснять мутацией. Впрочем, лень в сочетании с пустословием тоже можно признать за разновидность общественной мутации, ибо это есть очевидное отклонение от норм общепризнанной морали и нравственности.

ЁЛКА НА ВЫРОСТ

Любимые нами новогодние праздники гармонично сочетают в себе языческие обряды и христианские традиции, тем самым наиболее полно отвечая нашему духовному естеству. Как христиане радуемся рождению Иисуса Христа, как язычники пляшем под ёлками, повторяя предков наших в их поклонении духам земли и леса, воплощённым в вечнозелёное дерево.

Сознанием понимаем: стыдно рубить сосны, ели ради кратковременного удовольствия, но преодолеть инерцию привычки не можем. Обычай встречать новогоднюю ночь под ёлкой сильнее нас. Поскольку спрос рождает предложение, то под топором ежегодно падают тысячи молодых деревьев.

Люди давно пытаются разрешить противоречие между желанием и здравым смыслом. Такую попытку наблюдал несколько лет тому назад и даже сам принимал в ней посильное участие. Питомник декоративных культур предложил цветочному магазину живые маленькие ёлочки в керамических горшках. Выкопанные с комом земли, они продолжали расти, лишь слегка удивляясь переменившейся обстановке.

В цветочном магазине по соседству с пальмами, олеандрами ёлочки выглядели диковинно, привлекали внимание. Молоденькие продавщицы приняли новый товар скептически. Дескать, кто будет покупать ёлки, они вон какие большие растут, квартиры маленькие, самим тесно, что вопреки своим коммерческим интересам и объясняли покупателям.

Глубокими познаниями ботаники продавщицы явно не блистали. Похоже, они вообразили, что ёлки подобно фикусам возьмутся бурно расти и скоро упрются в потолок. Увы, ёлки в горшках вообще не могли расти, они были обречены. Продержаться могли лишь несколько месяцев. Маленькие ростом, они имели мощную корневую систему, требующую простора.

Знания дал собственный опыт. Одну из тех ёлочек купил и держал дома до весны. Когда пересаживал деревце в открытый грунт, увидел, в какой тесноте развивались корни. Они пронзили и переплели в горшке весь ком, не оставили свободной земли даже с напёрсток, в поисках свободного пространства вышли в дренажное отверстие.

Грамотные люди брали ёлку на перспективу – отпраздновать с ней Новый год в квартире, а весной высадить на садовом участке. С годами деревце вырастет, и хозяева в новогоднюю ночь будут веселиться в своём саду, вокруг живой ёлки, под яркими звёздами.

Другие покупали ели, собираясь выращивать их карликовыми деревцами, чтобы жили они в доме десятилетиями. Эти соблазнились японской методикой бонсай. На первый взгляд простая, в действительности она чрезвычайно сложна, требует грамотности, внимания, многолетнего терпения. Всё начинается с выбора семени, самого маленького, но здорового, жизнеспособного. Очень тщательно готовят почву, деревце много раз пересаживают, обрезают корни, крону, скручивают или сгибают ствол. Даже формы и размеры контейнера для карликовых деревцев должны отвечать определённым канонам. Труд любителя бонсай вознаграждается не скоро. Обычно результаты обнаруживаются лет через 20-30.

Из тех ёлок в горшках большая часть, конечно, погибла. Сохранились лишь своевременно и грамотно высаженные в грунт. Они выросли, стали большими деревьями и круглый год радуют хозяев своим праздничным нарядом. Иная судьба постигла срубленные «под самый корешок». Через две недели они засохли и были выбро-

шены на мусорные кучи. Потому попытку продавать ели на вырост можно считать уникальным актом приобщения человека к природе, воспитания уважительного отношения к живому дереву. К сожалению, попытка продолжения не имела.

С точностью до наоборот опыт повторили городские озеленители, когда высадили ёлочки в жестяные ёмкости, вмонтированные в скамьи на автобусных остановках. С тем же эффектом их можно было рубить пополам и сразу бросать в костёр. До весны не дожила ни одна. Одни выдернули, другие обломали, а все остальные вымерзли. За зиму морозы насквозь прокалили жестяные ёмкости и не оставили ёлочкам ни единого шанса на выживание.

Снова на нашем пороге Новый год. Счастливые и радостные, мы будем покупать ёлки, нимало не печалясь их короткой жизнью.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПОПУГАИ

Бывают в жизни ситуации, когда будущее выходит из категории прогноза и становится реальностью. Так случилось, когда будучи в Японии, побывал в Диснейленд-парке Токио. Там в одном из павильонов посетителей развлекают музыкальными программами в исполнении попугаев и цветов. Люди заходят в полуутёмный зал, рассаживаются в удобных креслах. Едва наступает тишина, гаснет нижняя подсветка, после минутной паузы вспыхивает верхний свет, и перед глазами восторженных зрителей предстаёт диковинный сад.

В цветах неземной красоты узнаёшь орхидеи, лилии, азалии, гибискусы. По ветвям сидят попугаи в оперении, сверкающем подобно блеску драгоценных камней. Включается музыка, попугаи встряхиваются, поворачиваются, наклоняют головы и начинают петь. Естественно, на японском. Однако тема любви очевидна, потому что попарно сидящие птицы склоняются друг к другу

головками, нежно прижимаются щёчками, при этом в такт музыке раскрывают клювы, томно закатывают глазки.

Сложнее изображать любовное томление цветам, но и они трепетно склоняются друг к другу, прижимаются лепестками, тычинками и поют нежными серебристыми голосками. После каждого номера в исполнении попугаев или цветов очаровательная девушка-распорядительница предлагает аплодировать, и зал послушно хлопает в ладоши.

Конечно, механика, электронные схемы птиц, цветов выполнены безукоризненно, работают идеально, отчего достигается эффект реальности. Тем не менее это ведь всего лишь пластмассовые игрушки, потребительская аппаратура. Не более того. Чего ими умиляться? Не аплодируем же мы своим холодильникам, стиральным машинам и далеки от желания их одухотворять.

Собственный рационализм приятно щекотал самолюбие, и уже хотелось поиронизировать над японцами. Мол, образованные, технически грамотные, а наивны как дети. Вовремя остановился. Оказалось достаточно вспомнить, что живут мои соседи по залу в перенаселённом, многомиллионном мегаполисе, до отказа забитом транспортом, техникой, густо оплетённом инженерными коммуникациями. Здесь всё построено на принципе экономической целесообразности. Если квадратный метр земли обещает прибыль, то он немедленно будет занят рекламным щитом, будкой, павильоном или хоть столбом.

Даже по нашим скромным понятиям о коммунальном благополучии японцы живут в крохотных квартирах. Спроектированы они очень продуманно, функционально оборудованы безупречно, но в них, как в космических станциях, нет пяди свободного места, чтобы поставить горшок с фикусом или клетку с канарейкой. Состоятельные люди, имеющие свои дома за городом, и те могут выделить лишь квадратик земли перед входной дверью для плоского контейнера с любимым карликовым деревцем – бонсай.

Нет, тут надо не иронизировать, а размышлять о путях и последствиях технического прогресса. Уже общепризнанный факт, что Япония далеко опережает многие страны мира по уровню развития электронной, автомобильной промышленности. Соответственно стремительно растут индустриальные центры. Чем мощнее промышленность, тем крупнее обслуживающие её города, тем меньше остаётся живой земли, пока она не исчезает совсем под тяжким покровом бетона и асфальта. Вместе с землёй исчезает живая природа, тяга людей к живому остаётся. Только общаться теперь можно с пластмассовыми цветами и механическими птицами. Вместо живой природы предлагается синтетическая. Спрос есть.

Массовой имитацией живых существ стали одно время очень популярные электронные игрушки-тамагочи. Вызванного на дисплей потешного динозаврика требовалось строго по расписанию «поить и кормить». Всего лишь нажиманием кнопок. Опоздания грозили ему гибелью. Зато при пунктуальном уходе он «рос» не по дням, а по часам, чем нескованно радовал обладателей игрушки.

Что делать? Нынче немногие имеют возможность выкармливать настоящих телят, поросят или хотя бы цыплят и испытывать ни с чем не сравнимую радость от общения с живым существом.

Есть собаки-роботы, с максимальной достоверностью имитирующие настоящих. Они могут передвигаться, вилять хвостиком, поворачивать голову, рычать, лаять. Впрочем, со звуковым оформлением проблем нет. На магнитную ленту можно записать всё, что угодно, начиная от собачьего лая и кончая модным шлягером. В принципе электронный Шарик по сигналу таймера может будить хозяина, желать ему доброго утра, спокойной ночи или регулярно признаваться в вечной любви. Наигравшись, электронной собаке отключают питание и убирают в кладовку до очередного приступа ностальгии. Очень удобно, практично.

Да, технический прогресс вездесущ. Он принят мерилом индустриального и даже культурного развития нации. Сомневаться в его целесообразности просто не-прилично.

И всё-таки человек лукавит. Уже давно ясно, что технический прогресс всего лишь способ удовлетворения бесконечных материальных запросов. Например, каждый норовит иметь личный автомобиль. Часто одного мало, покупают второй. Если внимательно приглядеться к транспортному потоку на городских улицах, то можно заметить, что в автомобиле, как правило, едет один, редко – двое. В то же время экологически чистый общественный транспорт – трамвай, троллейбус – с улиц вытесняют. Все задыхаемся от автомобильного чада, жалуемся на загазованность атмосферы, требуем от власти принять меры, а сами из кожи вон лезем, чтобы заиметь свою машину. Чем мощнее, тем лучше. Будто своя не дымит и не отправляет воздух, как чужая.

Спрос рождает предложение, и автомобильная промышленность наращивает производство. Соответственно больше выплавляют чугуна, стали, увеличивают добычу руды, каменного угля, нефти. Всё шире и глубже распарывают тело земли, всё дальше и шире расползается асфальтобетонное пятно. Всё меньше остаётся места для живой природы. И уж не кажется фантастическим время, когда окружать нас будут не живые цветы и птицы, а пластмассовые поделки, вроде электронных попугаев.

ПАКЕТ НА КОЛУ

Год назад журналистские дела привели на один мощный и довольно известный в нашей области молочный завод. Точный адрес не называется по причине, которая станет ясной чуть позже. Руководители с гордостью показывали новейшее оборудование, демонстрировали обширный ассортимент продукции.

С особым восторгом рассказывали о новой плёнке для упаковки молока.

Делают из плёнки кувшинчики. Удобная тара. После отрезания «носика» наливают необходимый объём, сжимают пальцами срез, кувшинчик ставят вертикально без малейшего риска опрокинуть. Но главное, убеждали руководители завода, упаковка экологически чистая, поскольку по своему составу идентична яичной скорлупе, имеет способность произвольно распадаться, не нанося ни малейшего ущерба окружающей среде.

Нельзя было не порадоваться вместе с работниками завода. Новая плёнка – форменная революция в упаковке продуктов питания, можно сказать, осуществлённая мечта человечества. Пластик, сегодня ворохами нас заваливающий со всех сторон, больше не страшен, коли способен распадаться на естественные, а потому безобидные для природы вещества.

Смущали два обстоятельства. Первое – туманно определялось время, необходимое плёнке для распада, второе – идентичность состава яичной скорлупе. Да, скорлупа безобидна, но она годами может лежать в земле, не претерпевая ни малейших изменений. Наверное, не случайно до наших дней сохранились яйца, отложенные ещё динозаврами.

Яичная скорлупа почти на 90% состоит из углекислого кальция. Практически это известняк, потому прежде, чем вносить скорлупу в почву, её надо хорошенько обжечь. Только тогда освободившийся оксид кальция вступает в реакцию с водой, образует щёлочь, которая и нормализует кислотность наших грядок. Выполнив на том благородную миссию, яичная скорлупа окончательно и бесследно распадается.

Условие простое, но к синтетическому материалу абсолютно не применимое. Сейчас уже никому не надо объяснять, какое огромное количество токсинов выделяется при сжигании синтетики. Потому-то её просто заваливают землёй. Надо полагать, на столетия. Точный период распада никому не известен, его смогут опреде-

лить только наши далёкие потомки. По собственному опыту знаю, что полиэтиленовая плёнка после двенадцатилетнего пребывания в земле лишь мутнеет. Тоже признак распада, но малосущественный.

Потому, получив от работников завода в подарок пару пакетов из новой плёнки, решил провести эксперимент и получить достоверную информацию о способности нового материала распадаться. Один положил дома в сухой тёмный шкаф, а другой повесил в саду на кол и привязал пеньковым шпагатом, чтобы не сдуло ветром. Теперь ему предстояло терпеть дожди, снега, морозы и летнее пекло.

Один, два раза в месяц подходил к пакету, внимательно его разглядывал, пытаясь заметить признаки распада, но ничего не замечал. Ровно через год, буквально день в день, развязал пеньковый шпагат, кстати говоря, изрядно сопревший, и снял пакет. Налил в него воды, однако ни малейшей течи нигде не обнаружилось. Правда, теперь он довольно легко рвался по шву. Сама плёнка тоже поддавалась на разрыв, откровенно обнаруживая изнутри тонкий слой полиэтилена. Вот вам и структура яичной скорлупы.

Других, более выразительных признаков распада не обнаружилось. Ничуть не поблёк отпечатанный на пакете рекламный текст следующего содержания: «Изготовленный по особой технологии пакет Lean Pack не причиняет вреда природе, распадаясь под воздействием ультрафиолетовых лучей в течение нескольких месяцев».

Уж чего-чего, а ультрафиолетовых лучей прошлым необычайно знойным летом было достаточно, но экспериментальный пакет не отреагировал. Пролежавший в шкафу контрольный вообще остался без изменений, воду держал как новенький и не рвался даже по шву.

Поскольку эксперимент не обременителен, не требует ни хлопот, ни материальных расходов, решил его продолжить. Снова повесил пакет на кол и покрепче привязал свежим шнурком. Пусть повисит ещё.

Выходит, с заявкой молочников на экологически чистую тару вышел конфуз. Тем не менее не стоит язвить в их адрес. Они поверили поставщикам и сенсацию за что купили, за то и продали. К тому же работники пищевой промышленности психологически подготовлены к сенсациям, они давно мечтают получить в своё распоряжение саморазрушающийся пластик. Для них это престиж отрасли и профессиональный долг перед соотечественниками. Последние несколько десятилетий печать будоражит общество сообщениями об экологически чистых материалах вообще и саморазрушающихся пластиках в частности. Много шума наделала информация об американском пластике, на 60% состоящем из крахмала. Попадая в мусор, он якобы подвергается атаке бактерий, и скоро от него остаётся полиэтиленовая пыль. Конечно, полиэтиленовая пыль для природы тоже не подарок, и для почвы она чужеродна, но всё-таки лучше, чем нынешние горы и завалы.

Как говаривали наши предки, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Та информация была опубликована в 1989 году, но упаковочные материалы произвольно по сей день не распадаются и для той же Америки представляют серьёзную экологическую проблему. Совсем не просто создать искусственный материал, идентичный естественному и не оказывающий антропогенного воздействия на природу. Весьма дорогостоящие и трудоёмкие изыскания продолжаются во всём мире, хотя совершенно очевидно, что проще и эффективнее всего было бы отказаться от пластиков в упаковке продуктов питания или сократить их применение.

По нынешним временам предложение может многих повергнуть в шок. Мы так любим себя, драгоценных, так заботимся о своих удобствах, так стремимся избавить себя от рутинной работы, что помыть бутылку из-под молока или кефира для нас обременительно. Предпочитаем пользоваться одноразовой упаковкой. С ней удобно – съел, выпил, пакет, бутылку, обёртку выкинул в мусор.

Таким образом, мы сами определяем спрос на рынке потребительских товаров. Коли есть спрос, то есть и предложение. В итоге бытовые удобства становятся практикой, забота о природе – теорией для досуга. О последствиях стараемся не задумываться. Ведь мало того, что земля, заваленная пластиком, умирает на глазах, мы сами травимся его токсическими выделениями в продукты питания. Пусть они микроскопичны, но зато многочисленны и постоянны. Совсем не случайно опытные врачи-педиатры рекомендуют покупать детям сок, расфасованный в стеклянные банки. Санитарные врачи категорично утверждают, что минеральную воду можно разливать только в стеклянные бутылки. В пластиковых она быстро теряет свои достоинства и насыщается совсем не лечебными веществами.

И в заключение. Уже несколько лет живу в деревне. За молоком ходил к соседям с полуторалитровой пластиковой бутылкой. Ну очень удобно – налил, пробку закрутил и хоть перед собой кати, не разольётся, не разобьётся. Когда на колу замаячил экспериментальный пакет, от бутылки отказался и перешёл на обыкновенную, стеклянную, тоже полуторалитровую банку. Честно говоря, качество молока на вкус не изменилось, но на душе стало спокойнее.

ОДИН В ПОЛЕ

На юге Воронежской области есть село Коренное. Дивное место. Бескрайняя, чуть всхолмлённая равнина будто нарочно опустилась, чтобы спрятать усадьбы от холодных ветров и чужих глаз. По склонам расстилаются хлебные поля вперемежку с курчавой зеленью кленовых рощ.

И вот эту земную благодать ненасытными змеями пожирают овраги. Рвут склоны, всё выше и выше уползают в поля. В окрестностях их великое множество. Не только в Воронежской, но и соседних Волгоградской, Саратовской. Люди изо дня в день видят бедствие, привыкают и перестают замечать. Может быть, кто-то замечает, переживает, но останавливать эрозию не берётся, поскольку считает делом бессмысленным, ибо один против эрозии бессилен. Не зря же говорят, один в поле не воин.

Ничего подобного, оказывается, один может много. Диву даёшься, как много сделал для спасения земли житель того самого Коренного Николай Фёдорович Гончаров. Больше двадцати лет перегораживает он овраги плотинами. Начинал с простого, ставил поперёк промоин плетни. Не ахти какое инженерное сооружение, однако действовало. Дно оврага замывалось и скоро выходило на уровень с берегами.

Потом взялся строить настоящие плотины. На коротком овраге одну, на длинном – две, три. За год накапливаются дождевые, талые воды, и образуются пруды. Один прямо возле машинного двора. Теперь есть где механизаторам в летний зной освежиться, отдохнуть. Другой подальше, туда гоняют скот на водопой. Есть специально для купания. Вода там особенно чистая, бережок засыпан песком. Всего вокруг села 15 прудов. Да ещё есть на территории Волгоградской области. Везде водится рыба, селятся цапли, утки.

Свои пруды Николай Фёдорович называет с мягким украинским выговором «невельчкі». Они и правда не велики, эти водоёмы, сотворённые руками доброго человека. Незамысловата технология строительства.

– Бульдозером руши землю с боков оврага вниз, потом спускаюсь на дно и толкаю её вперёд, на плотину, – рассказывал Николай Фёдорович. – Вот и всё.

Бульдозер он собрал сам из ржавых останков, что много лет валялись по углам машинного двора. Машина получилась не богатырской силы, отчаянно дымила, лязгала, бренчала, но жизнь самодеятельному мелио-

ратору облегчала здорово. Это уже потом, когда слава о его «невельчиках» и труде подвижника докатилась до областного центра, ему выделили персональный бульдозер.

Подходящее место он выбирает без геодезических изысканий, по интуиции и собственным многолетним наблюдениям. Прекрасно знает, какая балка «держит» воду, а какая нет. Потом прикидывает объём работ и берётся за рычаги. Действует с решимостью и отвагой свободного человека. Ответственность за неудачный проект его не гнетёт, он в себе не сомневается.

Послушать его, так и ничего особенного он не делает. Просто работает по вечерам, по ночам, по выходным и праздникам. Как бы в своё удовольствие. Пруды он строит действительно в удовольствие, а деньги зарабатывает в местном хозяйстве водителем на машине технической помощи. Техника сейчас изношена до предела, то и дело ломается, потому помочь Николая Фёдоровича требуется с утра до позднего вечера.

Сегодня многие мнят себя экологами. Почти у каждого хватает решимости разоблачать, бичевать, призывать к ответу за бездействие или, наоборот, за преступное воздействие на родную природу. А вот взять в руки лопату и посадить дерево, цветок, засыпать промоину, очистить родник охотников мало. Ещё на массовых мероприятиях типа субботников, воскресников совестливые берутся за работу. Если по собственной инициативе, в свободное время, без надежды на оплату, благодарность или хотя бы внимание общества, то таких энтузиастов надо поискать. Тем они заметнее, когда встречаются.

Сам Николай Фёдорович вдаваться в откровенности по поводу своего увлечения не склонен.

– Должен же кто-то этим делом заниматься, – заметил он. – Вот я и занимаюсь.

На том умные разговоры на экологические темы были завершены. Из него вообще слова надо клещами вытягивать. Зато с удовольствием показывает свои «невельчики».

До чего же хороши они среди сизых, прокалённых нещадным солнцем холмов! Над ожившими от воды лощинами воцаряется птичий гомон, берега одеваются в заросли боярышника, калины. Любо смотреть, как плещется в чистой воде рыба. Невидимые где-то перепархивают чибисы и всё спрашивают: «Чьи вы? Чьи вы?»

А правда, чьи мы на земле предков, своей родной земле? Неужели настолько чужие, что не в состоянии сделать ей доброе дело? Или чистоган полонил души, и мы уже не способны на бескорыстие даже ради матери-природы?

Так не хочется быть пессимистом, потому, глядя на Николая Фёдоровича Гончарова, невольно радуешься за себя и всех нас. Значит, не всё растеряли, есть ещё чистые сердцем, способные на светлые помыслы и на подвижнический труд.

ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

Сцены аварий на автомобильных и железных дорогах, можно сказать, не сходят с экранов телевизоров. Мы видим, как из опрокинутых, искорёженных цистерн льют-

ся потоки нефти, мазута, бензина, солярки, жадное пламя пожирает топливо, свивается клубами густого чёрного дыма. После аварий такой же чёрной остаётся земля. Долгие годы она будет пугающе безжизненной, потому что нефтепродукты впитались в глубину, убили всё живое.

Без аварий гибнет земля от пролитого топлива на автозаправочных станциях, на территории нефтехранилищ, автоколонн и бесчисленных гаражей.

Самый простой и распространённый способ рекультивации – срезать мёртвый слой, отвезти подальше и

насыпать новый. На выполнение колоссального объёма земляных работ требуются серьёзные средства. Но это не главное. Тратят силы, средства, время, а земля всё равно остаётся обезображенной, её просто убирают с глаз долой.

Сегодня воронежские учёные предлагают простой и действенный способ реанимации земли. Он подкупает своей аналогией с естественными процессами самоочищения, протекающими в земле. В помощники выбраны бактерии, поглощающие нефтепродукты. Загрязнённый грунт можно вывозить на стационарные площадки и там подвергать обработке, а можно очищать прямо на месте. Оба варианта одинаково эффективны. Используются естественные силы природы, многократно умноженные разумом человека.

Вообще микробиология – сфера деликатная, требует к себе серьёзного отношения, потому методика предусматривает определённую подготовку. Сначала берут грунт на анализ, чтобы определить степень загрязнения и выбрать оптимальную дозировку. Поражённый участок засыпают адсорбентом. Так мудрёно называется заурядный перегной, опилки, стружки или солома. Всё перепахивают плантажным плугом, боронуют и только тогда поливают водным раствором биопрепарата.

Бактерии немедленно начинают действовать. Внешне процесс идёт незаметно, но фактически очень эффективно. Например, в песчаном грунте через два месяца содержание нефтепродуктов уменьшается в 30 раз, а ещё через неделю – в 40. Нарастающая активность очистки объясняется прогрессирующим размножением бактерий. Обстоятельство понятное и одновременно настораживающее. Сразу возникает вопрос: что произойдёт с асфальтом, если на него попадёт биопрепарат? Ведь его связующий компонент – битум тоже нефтепродукт. Не возьмутся ли бактерии с той же интенсивностью «очищать» автомобильные магистрали?

Оказывается, биопрепарат предусмотрительно уже был испытан на асфальтовом покрытии. Бактериям создавали различные условия и неизменно получали

один результат – не живут. Асфальт достаточно плотен, не позволяет бактериям проникать внутрь. Снаружи нет необходимых условий для их жизнедеятельности, и они быстро погибают. Кроме того, наши морозы прекрасно стерилизуют местность, а бактерии при температуре +5° уже не развиваются. Так что за асфальтовые покрытия можно не переживать, им ничто не грозит, а земля останется чистой.

Опыт воронежских учёных может пригодиться даже Кувейту, где остались огромные поля от сожжённой нефти после войны с Ираком. Они до сих пор представляют для людей серьёзную экологическую угрозу. За помощью могут обратиться в Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, на кафедру автомобильных дорог.

УЧАСТОК СВОБОДЫ

В ранних утренних электричках интересно наблюдать, как рассаживаются пассажиры. Все выбирают места на приличном расстоянии один от другого. По мере заполнения вагона расстояния сокращаются. У вошедшего первым может сложиться впечатление, что его избегают, попутчикам он чем-то не симпатичен. Однако и за собой можно заметить, как, входя в вагон, тоже садимся подальше от попутчиков.

Аналогично ведём себя на пляже, да ещё раскладываем вокруг себя вещички, тем самым как бы обозначаем границы занятого участка. Спрашивается, зачем? Ведь дышится в равной степени свободно хоть в одном метре от соседа, хоть в десяти. Тем не менее предпочитаем держать дистанцию, и чем большую, тем более нас устрашающую. Не есть ли это инстинкт участка, свойственный всему живому и сохранившийся у человека на уровне подсознания?

Говорить об инстинктах применительно к людям как-то не принято. У нас распространено твёрдое убеждение, что «человек разумный» руководствует-

ся исключительно сознанием. Вот животные – другое дело. Им действительно свойственны инстинкты, в том числе инстинкт участка. На прогулках со своим любимым пуделем, видя, как он поднимает ногу возле столбов, заборов, деревьев, вы совершенно точно знаете, что таким образом собака метит свой участок. Участок не нужен, ибо живёт пудель на всём готовом, а всё равно метит.

Инстинкт, доставшийся собаке от диких предков, оказывается сильнее воспитания, образа жизни и регулярно срабатывает.

Очевидно, также срабатывает инстинкт участка у человека, когда он непроизвольно, на уровне подсознания стремится застолбить вокруг себя побольше пространства, даже если находится в вагоне электрички. Он огораживает забором садовый участок, деревенскую усадьбу, ориентирами разграничивает промысловый район в тайге, умудряется делить море для рыбной ловли.

В табеле о рангах, определяющем социальную значимость человека, также действует инстинкт участка. Им руководствуются, выделяя руководителю отдельный кабинет. Обладание персональным участком на производственной территории свидетельствует о власти и способностях человека, выделяющих его из общего ряда.

Можно привести ещё десяток примеров проявления инстинкта участка. Удовлетворение его даёт человеку ощущение психологического комфорта. Интересно знать, что происходит, если реализация инстинкта затруднена или вовсе не возможна. Для начала проанализируем ситуацию на примере животных.

Заглянем в зоопарки. Какими жалкими выглядят животные, заключённые в клетки! Особенно удручающее впечатление оставляют передвижные зверинцы, где жизненное пространство ограничено двумя, трёмя квадратными метрами. Каково в этой тесноте медведям, волкам, инстинкт участка которых требует лесных просторов! Естественно, инстинкт у хищников смят, в результате психика деформирована. Постоянная уг-

нетёньность животного сменяется вспышками ярости, повышенной агрессивности. Редкий хищник упустит возможность полоснуть сквозь прутья решётки ненавистное ему двуногое существо. Причём без видимых причин. Учитывая трагический опыт, клетки обтягивают ещё проволочной сеткой.

Даже у первого друга человека, собаки, резко меняется характер, если её постоянно держать на цепи. Она без малейшего повода бросается. Достаточно близко подойти, и пёс моментально взрывается в приступе ярости. Порода значения не имеет. На цепи свирепеет любая, самая смиренная дворняжка. Животное лишено возможности удовлетворить инстинкт участка, что приводит его в ярость.

Не лучшим образом ведёт себя человек, если у него смят инстинкт участка. Достаточно вспомнить, как ощущаем себя в переполненном транспорте, как раздражают окружающие, сколько вспыхивает перебранок с руганью, оскорблениеми. Ведь нет никакой угрозы жизни, здоровью, а люди взвинчены, обстановка накалена. Вокруг исключительно тупицы, недотёпы, эгоисты, не желающие повернуться, отступить, чтобы вам было хоть чуточку свободнее. Примечательно, что так думает каждый обо всех, исключая себя самого.

Встряска у горожанина повторяется изо дня в день, из года в год. Нет возможности расслабиться, отдохнуть в тесной, переполненной малогабаритке где-нибудь на девятом этаже. Дети шумят, жена ворчит, за стеной гремит опостылевшая музыка. К окну подойти страшно – там пустота, птицы летают. Приткнуться некуда.

Раздражение копится, нервная система не выдерживает постоянных нагрузок, в итоге начинает меняться совсем не в лучшую сторону характер. Наступает момент, когда хочется всё бросить и бежать, куда глаза глядят.

А куда бежать? В поле, в лес, в луга, где душа поёт и торжествует инстинкт участка. Там человек может идти в любую сторону, волен стоять, лежать или бежать. Он никому не мешает и ему – никто.

Подспудное стремление следовать инстинкту участка выливается у горожан в массовое увлечение садоводством. На своём клочке земли человек чувствует себя хозяином территории, принадлежащей только ему. К сожалению, это всего лишь компромисс между действительностью и инстинктивным стремлением к свободе, жалкая полумера, принятая только у нас. Во всём мире нормальным жильём считается дом на своей земле.

Можно не делать категоричных выводов, можно по-размышлять. Есть над чем.

ОТРУБЛЕННАЯ МИЛОСТЬ

Во времена действительного уважения печатного слова говорили: что написано пером, то не вырубишь топором. В наши дни вырубают, обтёсывают, ставят наперекосяк и выворачивают наизнанку. Искажённый смысл переписывают из одного в другое, тиражируют и со временем целые поколения повторяют нелепицу, даже не догадываясь о действительном значении слова.

Кто не слышал вложенное в уста великого естествоиспытателя России Ивана Владимировича Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы: взять их у неё – наша задача». Слова употребляли к месту, без места, по поводу, без повода, истрепали в лохмотья, превратили в рогожное знамя, под которым делал карьеру самый одиозный академик в истории отечественной науки Т.Д. Лысенко. Он не признавал хромосомную теорию наследственности и вполне серьёзно доказывал, например, возможность порождения рожью пшеницы, сосновой – ели, превращения растительных клеток в животные и наоборот. Сущая околосица, однако партийные вожди воспринимали «народного» академика всерьёз и считали флагманом отечественной биологии.

Под этими же словами формировали идеологию строительства бесчисленных гидроэлектростанций, затопления пойменных лугов, пашен, лесов, поворота

северных рек вспять для орошения засушливых азиатских степей. Авторитетом И.В. Мичурина спекулировали все, кому не лень.

Сегодня рушат памятники, ниспровергают авторитеты, в намерениях господствовать над природой упрекают И.В. Мичурина. Уже считается неприличным на него ссылаться и лишний раз помянуть добрым словом. Забыты десятки выведенных им сортов яблонь, груш, вишен, поныне радующих людей в разных странах мира. Зато с упоением тычут в известные слова, высеченные на его памятнике в Мичуринске.

Действительно, есть такой памятник, и слова на тёмно-вишнёвом граните есть. Но на том же памятнике, только с другой стороны есть продолжение этих слов: «Человек может и должен создавать новые формы растений лучше природы». Соединённые вместе слова обретают иной смысл, зовут не к покорению природы, а к трудам праведным.

В родном городе Ивана Владимиrowича слова его не раздёргивали и наизнанку не выворачивали. Тут их понимали по логике здравого смысла. Учёные действующей в Мичуринске Центральной генетической лаборатории создали сорта плодовых, не встречающихся в природе. На опытных делянках можно увидеть сливу-абрикос, тёрн-абрикос, яблоню-грушу, сливу-персик. Не саженцы с привитыми веточками, а совершенно новые виды деревьев, полученные с помощью искусственной культуры зародышей. Например, сеянец сливы-абрикоса имел светло-коричневый с крапинками ствол, как у абрикоса, и сизые ветки, как у сливы. Диковинные деревца – не чудаство учёных, а серьёзное намерение вывести сорта, не подверженные болезням, зимостойкие, сочетающие в себе вкусовые и питательные качества родителей.

Землякам И.В. Мичурина, как говорится, сам Бог велел быть его верными последователями. По-настоящему радует приверженность учению Ивана Владимиrowича людей, далёких от науки, академических изысканий, работающих на земле по зову сердца.

По-мичурински понимает преобразование природы в прошлом милиционер, а ныне пенсионер из села Верхний Мамон Воронежской области Анатолий Иванович Гелетюк. С плодотворностью серьёзного научно-исследовательского коллектива он занимается акклиматизацией женьшения. На своём приусадебном участке выращивает, словно заурядный помидор, самое капризное растение Дальнего Востока и самое дорогое на земле. На одной грядке с особым составом почвы, укрытой с боков полиэтиленовой плёнкой, сверху шифером, враз высевает 13,5 тысяч семян. Масштабы почти промышленные.

Не все семена всходят, не все растенница приживаются после пикировки, но когда Анатолий Иванович открывает для обзора одну из грядок, и перед вами предстаёт зелёная полоса шириной 1,5 метра и длиной 15 сплошь из женьшения, то от восторга перехватывает дух. На грядке ни единого сорняка, растения чистенькие, здоровенькие, как детишки в престижном детском саду.

Если бы эту картину увидел верный спутник В.К. Арсеньева в его путешествиях по Уссурийскому краю Дерсу Узала, то потерял бы дар речи или не поверил своим глазам. За всю жизнь он встретил всего несколько растений и перед каждым становился на колени, молился духам тайги, благодарил за счастливую встречу.

Мы считаем себя образованными, цивилизованными, ни перед кем и ни перед чем не встаём на колени. Может, и не нужно. В конце концов, уважение – не всегда молитва с преклонением колен, но всегда безупречно честное отношение к чужому слову и делу.

ЗОЛОТАЯ ВОДА

Иссушённые зноем пустыни достаточно далеко от прохладных районов России. Наши города живут в объятиях полноводных рек, однако постоянно терпят нехватку воды. Горожане томимы жаждой при воде.

Бывая в других странах, всегда обращал внимание, как там относятся к воде, почему не бедствуют, почему у них вода в домах круглый год и в любое время суток. Пришёл к выводу: умеют беречь и научились достаточно давно.

В древнем японском городе Нагойя туристов водят любоваться стариинным императорским замком. Его каскадом сбегающие крыши с изогнутыми вверх углами похожи на стаю взлетающих журавлей. Кажется, ещё мгновение, и птицы унесут замок в небо. Полон очарования сад камней, раскиданных в строго продуманном беспорядке.

И всё-таки самое большое впечатление оставляет подвал замка. Там стоит изрядно обветшавший деревянный чан. Похожие ещё до недавнего времени стояли на улицах русских сёл для запаса воды на пожарный случай. Чан в замке тоже служил для хранения и очистки воды. Применялся поразительный по своей уникальности способ. Использовать его могли только богатые люди.

Специально приставленные служители заполняли чан водой и сыпали на водное зеркало золотую пудру тончайшего помола. Микроскопические частички металла, опускаясь на дно, увлекали за собой взвеси, тем самым фильтровали воду. Дорого, конечно, зато очистка, по сохранившимся письменным свидетельствам, была великолепной.

Поистине достойное и в высшей степени целесообразное применение драгоценному металлу. Обитатели замка понимали толк в жизни, здоровье ценили дороже золота. Тем более металл не пропадал, оставался на дне. Его всегда можно было взять, отмыть, переплавить и снова пустить в дело. Всё равно вода была буквально золотой. Можно представить, как её берегли.

Очистка золотом осталась колоритной этнографической деталью, зато нынешнее умение японцев беречь воду – реальность, достойная уважения и подражания.

В Токио был в квартире у знакомого журналиста. Продуманная функциональность жилья делает его по-

хожим на отсек космического корабля. Ни одного метра гуляющей площади, для всего есть точное, раз и навсегда отведённое место. Оставленные в прихожей туфли бросаются в глаза и просятся на решётчатую металлическую полочку, где остаётся свободной ячейка, предназначенная именно для них. Входная дверь из металла, с секретным замком и щелью внизу для почты. Отопление, подогрев воды местные, включаются по желанию хозяев.

Из всего великолепия больше всего запомнился рукомойник в туалетной комнате. Не раковина с кранами для холодной и горячей воды, а именно рукомойник. Модернизированный, облагороженный техническим прогрессом и всё-таки ближайший родственник нашему, доселе живущему на каждом деревенском подворье. Японский вделан в хромированную сферическую нишу. Наружу выступает лишь наконечник с миниатюрной душевой сеткой. Вымыть под умывальником можно только руки. Для всего остального есть ванна, раковина, биде. Жмёшь на штырёк, и десять секунд в ладони журчит миниатюрный душ. Ровно на пригоршню, ни каплей больше. Намочил, намылил, смыл. Расходуешь воды чуть больше стакана.

Дома ради интереса замерил, сколько воды уходит на утренний туалет. Из дачного умывальника – чуть больше литра, из крана в городской квартире – пятнадцать.

Мы гордимся своей гигиеничностью. Ставяясь почище вымыть руки, открываем горячую воду, потом холодную, делаем тёплую, берём мыло, намыливаем, а вода течёт. Течёт ручьями, реками, днём и ночью, во все времена года. Сколько труда, сил, средств утекает с каждой каплей! Как бы хорошо иметь в квартирах счётчики и умывальники! В местах общественного пользования полностью отказаться от кранов и заменить их педальными, нажимными, магнитными устройствами для дозированной подачи воды.

Простые и надёжные умывальники давно стоят в самолётах, железнодорожных вагонах. Ничего сложного

в пользовании нет, простейшие механизмы пружинного типа. Даже дети осваивают с первого касания. Нажал – вода течёт, отпустил – прекратилась.

Часто вспоминаю японцев. Вот бы нам перенять их бережливость, ибо богаты лишь умеющие беречь. Даже воду.

СНОП ДЛЯ ПЕРЕПЁЛКИ

Куб чернозёма из Воронежской губернии, доставленный в Париж на всемирную промышленную выставку 1905 г., вызвал там форменный фурор, стал для Европы эталоном плодородия. Слух о нём обошёл весь мир и превратился в легенду. На Западе даже бесплодные Чёрные земли Калмыкии по сей день считают благодатным чернозёмом.

Увы, ничто не вечно. При расточительном пользовании любой источник иссякает. Иссякла и мощь чернозёма. Уже в середине прошлого столетия отмечалось падение его плодородия. Вскоре перед Воронежской областью во весь рост всталася проблема с продовольственной пшеницей. Зерно с чернозёмной пашни собирали худосочное, с низким содержанием клейковины. Смолоть его можно, но хороший хлеб не испечь.

Начало оскудению положила техногенная политика развития сельскохозяйственного производства. Тяжёлые машины вкупе с отвальной вспашкой изувечили чернозёмы. Десятилетиями их трамбовали, перелопачивали, перемалывали. В результате разрушили комковатую структуру почвы, превратили её в порошок. Не последнюю роль сыграла химизация. Безмерно насы-

панные, налитые, напылённые минеральные удобрения, ядохимикаты убили в почве всё живое, сделали её мёртвой массой. Чёрное дело довершила ветровая и водная эрозия почвы.

Поддерживать более или менее приличную урожайность удавалось ударными дозами удобрений. Сегодня удобрения дороги и доступны далеко не каждому хозяйству. Резкое сокращение в хозяйствах поголовья крупного рогатого скота, соответственно, уменьшило и возможность внесения органических удобрений. Чтобы восстановиться естественным путём, и чернозёмам, и другим почвам потребуются столетия.

Как выход учёные предлагают биологизацию сельского хозяйства вообще и эколого-ландшафтную систему земледелия в частности. Причём на любых почвах, без исключения. В числе обязательных мер система предусматривает безотвальную вспашку, сидеральные пары, залужение многолетними травами. Ещё должны быть пруды, энтомологические заказники, островные луга, кулисы на полях. Много чего надо, что достигается долгими годами труда. А вот избавляться прямо сегодня можно от чистого пара, отвальной вспашки, тяжёлых почвообрабатывающих машин.

Первыми в Воронежской области освоить эколого-ландшафтную систему земледелия взялись в колхозе «Дружба» Кантемировского района. Если подняться на высокий холм, то здесь её можно увидеть воочию. Она предстаёт естественным состоянием природы.

Лесные полосы привычно видеть ровными, словно прочерченными по линейке, а тут они повторяют контуры холмов, причудливо огибают балки, овраги. Кажется, деревья сами выросли, по прихоти природы, а не по желанию человека. Сбегающие с вершин дождевые, талые воды не успевают набрать разрушительной силы, их перехватывают насаждения. Так усмирили водную эрозию, положили конец образованию оврагов. Даже искусственные пруды в верховьях балок кажутся обычными озёрами, настолько естественно вписываются они в окружающий ландшафт. В тростниковых крепях

гнездятся утки, цапли. Накопившаяся вода сочится по дну балки, даёт жизнь траве, кустарникам, деревьям. Зелень поднимается по склонам вверх, выходит на поверхность.

Со временем деревья, кустарники заполнят балку. Опавшая листва, отжившие свой век стволы, ветки год за годом будут наращивать дно, пока оно не сравняется с берегами. До той поры не одно десятилетие минует, но маховик эрозии остановлен, повёрнут вспять, идёт оздоровление земли. По бесплодному меловому склону холма, на котором сроду ничего не росло, кроме бодяка до осота, теперь поднимается сосновый лесок. По осени в нём собирают маслята.

У подножия холма выросли кусты боярышника, шиповника. Однажды там заметили шмелей. Решили создать полезным насекомым зону покоя: не пасти скот, не косить траву, самим пореже топтаться. Вроде энтомологического заказника.

Шмели заслуживают внимания. В связи со сплошной распаханностью земель и повышенной химизацией сельского хозяйства стали редки, а в наших краях именно они были естественными опылителями люцерны. Другие естественные опылители, пчёлы-листорезы, тоже вывелись, их пришлось покупать в Канаде. Здесь шмели сами расплодились. Оказалось достаточным не беспокоить их и не травить окрестные поля ядохимикатами. Поближе к энтомологическому заказнику сеют люцерну и собирают хороший урожай семян. Люцерна, как корм, пользуется заслуженной популярностью, семена в ходу, цена на них приличная, и скромная забота о шмелях окупилась сторицей.

В колхозе начинают практиковать полосные и смешанные посевы сельскохозяйственных культур. Тем самым устраняют условия массового распространения вредителей. Клоп-черепашка, паразитирующий на зерновых, безвреден для кукурузы или подсолнечника. Ему негде разгуляться, если нет полей по 300-400 гектар. Даже площадью в 40 гектар делят кулисами пополам. Дробление полей приближает возделывание культур к

естественным условиям, освобождает от необходимости применять ядохимикаты.

Похоже, всё великое действительно просто, а всё новое – хорошо забытое старое. Известный агроном А.Н. Энгельгардт аналогичные рекомендации давал крестьянам и реализовывал сам в своём имении ещё в XIX веке. Наконец, о рациональности биологизации говорит сама природа. Разнотравье пойменных лугов поражает нас богатством, красотой. Накошенное там сено – лучший корм для скота. В то же время затрат на его получение никаких, природа отдаёт даром. Вот готовый образец для подражания.

В природе всё разумно, целесообразно и экономно. Например, накопленный в почве от многолетних трав клубеньковый (слово-то какое приятное!) азот в 10 раз дешевле, чем от минеральных удобрений. Освоение безотвальной вспашки сокращает расход горючего на 45 %, повышает производительность труда на 70 %.

Осенью, после уборки зерновых колхозники дают себе короткую передышку. Собираются в ближнем лесочке погулять, повеселиться, отдохнуть от трудов праведных. Взгляд отдохнет на пустых, по-хозяйски убранных полях, а сердце радует последний сноп, оставленный по старой, доброй традиции перепёлке. В знак благодарности птахе за её старания. Всю весну она не уставала звать на поле «подь полоть, подь полоть», а сейчас уговаривает отдохнуть «спать пора, спать пора».

Спать рано, впереди ещё непочатый край работы.

СВЯТИК

Довольно несколько минут постоять на берегу реки, как начинаешь ощущать колдовские чары текущей воды. От неё веет жизнью и вечностью. К быстротекущим струям хочется припасть, взять в ладони, пропускать сквозь пальцы, как расчёсывают волосы любимой женщины.

Счастлив человек, если его детство прошло на берегу реки. Моеей рекой детства

была речка в глухомани пензенских лесов с поэтическим названием Вырган, что в переводе с мордовского означает «Лесное эхо». Быстрая, светлая, она круглый год звенела по камешкам, одаривала удачливого рыболова серебристыми пескариками и прохладой ольхового омута в летнюю пору.

Однажды захотелось узнать, где начинается Вырган, из каких неведомых далей прибегает к нам. Путешествие за открытием оказалось недолгим. На окраине села речку перегораживала плотина, а вода переливалась через затворы из толстых осклизлых досок. За одним прудом разливался другой, ещё больший. Его извилистое зеркало огибало гору и втягивалось в сосновый лес. Уже подростком отважился продолжить путешествие. Нашёл втекающий в пруд ручей, а в его истоке был крошечный родничок под корнями черёмухи. Всё оказалось и просто, и понятно, и дорого.

В исток известного и любимого нами Хопра попал по счастливой случайности. В Каменский район Пензенской области приехал по журналистским делам, а гостеприимные хозяева предложили показать чудо природы. Чудом оказался исток Хопра.

Здесь благодатная степная равнина вдруг опустилась геометрически правильной окружностью, и образовался гигантский амфитеатр, до невероятной плотности заросший ивой, ольхой. Если бы каким-то волшебством удалось приподнять растительность, то взору открылось диво дивное: из-под склона бьют 16 одинаково могучих родников, точно по радиусам сбегаются в центр и сразу образуют Хопёр. Даже в самом истоке его нельзя назвать ни ручьём, ни речушкой. Это настоящая река. Никогда и нигде не доводилось больше видеть такой поток чистейшей родниковой воды. Бежит он по Пензенской, Саратовской, Воронежской и Волгоградской областям.

Когда впервые увидел Дон в Воронежской области, то немало был обескуражен его плачевным видом: в берега плескались непроницаемо мутные волны. Странное явление: ниже по течению, на территории Волгоградской области он гораздо чище. И только спустя какое-то время догадался – ведь там в Дон впадает Хопёр и освещает его своей родниковой водой. В разных источниках информации не раз сообщалось, что Хопёр – самая чистая река в Европе. Вполне возможно. Совсем не случайно по его берегам от верхнего и вплоть до среднего течения живёт выхухоль. Само слово «хопёр» в словаре В. Даля толкуется как пристанище диких гусей.

В истоке Хопра установлена символическая скульптура. Она изображает старца с длинной бородой. С художественной точки зрения скульптура безукоризненна, но по символике здесь был бы более уместен полный сил и отваги юноша, только вступающий в самостоятельную жизнь.

Протяжённость Хопра от истока до устья – 1008 километров, и он пробегает это расстояние, не успев ни со-стариться, ни одряхлеть. В том смысле, что сохраняет свои воды в чистоте. Обстоятельство объяснимое: на берегах Хопра великое множество сёл, деревень, хуторов, станиц, но нет ни одного крупного промышленного центра с неизбежно губительными стоками. Повезло Хопру.

В ином положении великая Волга. На её берегах живёт половина населения России, крупных промышленных центров не счесть, и все свои стоки сливают в Волгу. Как правило, лишь условно чистые. Потому главная река России давно и серьёзно больна. В той же Волгоградской области пить воду из Волги уже не рискуют. Хотя в первые послевоенные годы река была чистой, свободной от плотин. Весной грохотали впечатляющие ледоходы, течение было стремительным, рыбаки свободно продавали стерлядку, а воду для питья черпали прямо с берега. Через 7–8 лет, когда в Поволжье поднялась промышленность и активизировалось судоходство, по Волге поплыли мазутные пятна, и уже нельзя было искупаться, чтоб не перемазаться с ног до головы. Пойманная рыба пахла керосином, и её выбрасывали. Помню, как жалко было расставаться с великолепными килограммовыми лещами. Увы, есть их было нельзя. Наконец, спохватились, начали строить и совершенствовать очистные сооружения, за загрязнения Волги строго взыскивали. Река выздоравливала на глазах.

Конечно, рекой родниковой свежести Волге уже никогда не быть. Такова печальная реальность, однако ни чуть не умаляющая ни любви, ни уважения к великой и славной. Она всегда будет почитаема, любима всеми нами, живущими или жившими на её берегах. Более того, с суеверием язычника, не ведающего географии, её всегда, везде и на всём протяжении представляешь могучей, полноводной. Изображённая на картах тоненькая голубая ниточка в истоке воспринимается абстрактно и даже с недоверием: неужели Волга может быть маленьким ручейком? Не верилось и потому всегда хотелось побывать в верховье Волги, поглядеть на исток. Ведь это святыня моего народа.

Говорят, если мечты сбываются, то это уже не мечты, а планы. Пусть так, ибо моя мечта сбылась. Вернее, я её сам осуществил. Однажды в марте, не дожидаясь летнего тепла, отправился к истоку Волги. Из Воронежа до Москвы поездом, потом на электричке до Твери, и в Осташков, маленький городок на берегу Селигера,

автобусом. До деревни Волговерховье, где и находится исток, оставались последние 30 километров. Пожалуй, самые трудные, поскольку по зимнему времени общественный транспорт туда не ходит. Выручили местные коммунальщики. Они как раз взялись реставрировать часовенку над истоком.

Всю дорогу до истока внимательно разглядывал леса, равнины озёр и редкие деревушки. Радовало, что снега здесь даже на исходе зимы первозданно белы, а воздух кристально чист. По утрам тут в березняках бормочут тетерева. Говорят, ещё водятся медведи. В эту пору, чувствуя весеннюю сырость, они ворочаются в берлогах с боку на бок. Скоро им просыпаться и выходить на волю.

Сама деревня Волговерховье – шесть кособоких, готовых в одночасье рухнуть домишек. Деревянная часовенка над истоком за десятилетия службы в неизбывной сырости истлела. От берега к середине заболоченного озерца плотники забивали здоровенные смолистые сваи, клали на них пешеходный настил, готовили сруб для часовенки. Старую они разобрали, и в кои-то века солнцу открылся кипящий ключ истока.

Сошёл на лёд, снял шапку и опустился на колени перед круглой полынью. Яркое солнце пронизывало толщу воды, и мне было видно, как клубятся в родниковой струе коричневые частички торфа. Черпал ладонью против ожиданья совсем не ледяную воду и пил. Оказалась она чиста и легка, как здешний воздух. Вдруг молнией пронзила мысль: сию минуту я первым прикоснулся к волжской воде. Потом к ней припадут тысячи губ и омоются миллионы рук, но в данный момент она первозданно чиста и в своей чистоте священна. Не зря местные жители исток называют словом СВЯТИК.

Прекрасное, полное глубокого смысла слово. Оно применительно и уместно к истоку знаменитого Хопра и к безвестной речке моего детства с названием Вырган.

ВРЕМЯ ПРОЩАТЬСЯ

ком пара улетучиваются заботы, тревоги, опасения, надежды. Не остаётся ничего, кроме биологической оболочки, сгустка материи с током тёплой крови.

Ощущаю свою ничтожную малость в мироздании, где царствует снегопад, чувствуя обязанность подчинения природе и неотвратимо надвигающееся на меня таинство превращения. Я долго гостил на земле, и теперь настала пора уходить. Мне предстоит остановиться, затихнуть, дать снежинкам остудить мою кровь, и тогда я превращусь в маленького жучка-паучка. Мне придётся пробраться по мокрой листве к дубу, подняться ущельями изрытой коры наверх и забиться в круглое узкое дупло, оставшееся от выпавшего сучка.

Дупло я присмотрел ещё летом. В нём темно и сухо, как раз то, что мне нужно для зимовки. Оно мало, и никому, кроме меня, не может пригодиться. Понадобится законопатить дупло изнутри гнилушками. Их надо тщательно подгонять одна к одной, укладывать плотно, чтобы не осталось ни малейшей щелочки. Тогда мороз не сможет проникнуть в моё убежище, похитить скучный запас тепла, так нужный крохотному тельцу для зимовки.

Уже пора отдаться чарам превращения, но мне так не хочется уходить. Я ещё не налюбовался снегопадом, засыпающим лесом, остывающей землёй.

Снег падает и падает, а земля не белеет. Она ещё не остыла, хранит накопленное за жаркое лето и погожую осень тепло. Лес сожалеет о напрасных усилиях зимы

Не могу спокойно видеть снегопад. Он меня завораживает, околдовывает. Забываю обо всём на свете, из меня лёгким облач-

убаюкать его, накрыть пуховым одеялом. Ах, сколько снежинок истрачено напрасно!

Снег тает, едва коснувшись чёрных, обнажённых ветвей, медных листьев, сосновых иголок. Ярко-зелёные, жизнерадостные, они не собираются опадать, с удовольствием принимают холодный душ, смывают летнюю пыль, жару, усталость. Влага стекает по иглам, копится на самых кончиках крупными каплями. Вся сосна в сверкающих гроздьях. Если налетит ветер, ударит по веткам, то враз сбросит украшения. Случится ночью мороз, всё сохранится, и к утру сосна засверкает горячимиискрами. Мне безумно хочется попробовать капли на вкус. В них должно быть что-то необыкновенное. Если взять капли на руку, они потеряют первозданный вкус. Очень тихо, осторожно трогаю иголки языком – чётко ощущаю вкус смолы и молока. Странно, почему молока? Надо бы узнать, в чём причина, и кого-то расспросить. Кругом ни души, пусто, тихо, только капли шуршат с ветки на ветку, на опавшие листья. Да я просто тяну время. Мне не хочется забираться в тёмное, зимнее убежище. Так приятно видеть мокрый снегопад, слушать шёпот капели.

Увы, моё время вышло, пора. Уже невесомый, я шагаю к дубу, нахожу чернеющее пятнышко выпада. Оно как раз на уровне моих глаз. Мне уже не увидеть, как к ночи остынет земля, снежинки перестанут таять, прильнут одна к одной, сольются в белое покрывало, и наступит зима.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подившаяся вместе со мной страсть к путешествиям с раннего детства ввлекла в новые места – за ближний бугор, за дальний лес, за синий горизонт. Хотелось

знать, кто там живёт, что растёт. Любил путешествовать по картам, читать зовущие в дорогу названия – Камчатка, Сибирь, Урал, Таймыр. Сердце замирало от восторга – это моя Родина, моя страна, и я когда-нибудь проеду её из края в край, вдоволь налюбуюсь полями, лесами, озёрами, горами.

Профессия журналиста позволила осуществить мечту, проехать страну с запада на восток, с севера на юг. Бесчисленные поездки дали возможность понять, как ранима и легко уязвима наша природа. На моих глазах погибали леса, исчезали с лица земли звери и птицы, мутнели озёра и реки. Уже в зрелые годы понял суть гражданской позиции: «Мыслить глобально, действовать локально». Нет пользы от слёзных стенаний, природе каждый должен помогать посильными и конкретными делами: сажать деревья, ставить скворечники, подкармливать зимой птиц... А главное – не жадничать, умерять материальные запросы, довольствоваться малым, чтобы сокращать ущерб, наносимый природе.

На разумное обращение природа ответит нам свежим воздухом, чистой водой, здоровой пищей, радостью общения с животным и растительным миром. Счастьем было принять на руку этого степного орла и сфотографироваться с ним на память.

Мы должны оставить потомкам живую природу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вселенский разум	4
Всё из яйца	11
Жизнь за красоту	15
Феномен ужа и лягушки	19
Долгая дорога домой	22
Куриная геометрия	27
По образцам природы	32
Живые инструменты	35
Память воды	39
Цвет радости	46
Магия огня	49
Аромат	53
Эти глаза напротив	57
Редкий дар	61
Человек на велосипеде	67
Огонь цивилизации	71
Деликатность бульдозера	75
Медвежья охота	79
Перепёлки на ферме	83
Странные слова	87
Знак беды	92
Бои на потеху	96
Лошадиное железо	100

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Петушиное слово	106
Природа по плану	110
Под сенью грецкого ореха	120

Целитель и друг	124
Поклон растению	128
Живая сила	134
Заморочки из травы	137
Дар богов	142
Картошка-объеденье	145
Всходы	149
Тайный цвет	152
Раскрытое дерево	156
Припасть к берёзе	160
Коварство и любовь	163
Переселение с корнями	166
Лягушка на хосте	170
Челюсти	177
Бешеный лис	181
Анималистика	186
Хлеб насущный	190
Деликатес	194
Ветка кедра	198
Костёр рябины красной	202

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Крылья свободы	205
Сокол мой ясный	209
Птичий разум	212
Лешева дудка	215
Звезда на плечо	217
Зовите их по имени	219
Чернильные орешки	222
Птичий права	225
Синичный день	228
Диверсанты и воры	231
Хитрости земледельца	233

Хватательный рефлекс	235
Лошадники	237
Нашествия	240
Убитая пашня	243
Гусь одинокий	245
Маковое поле	247
Круги равнодушия	249
Провокация	251
Чужая напасть	254
Горельник	257
Когда бессильны инстинкты	260
Мутация	262
Ёлка на вырост	264
Электронные попугаи	266
Пакет на колу	269
Один в поле	273
Живая земля	276
Участок свободы	278
Отрубленная милость	281
Золотая вода	283
Сноп для перепёлки	286
Святик	290
Время прощаться	294
Заключение	296

Литературно-художественное издание

Валерий Васильевич Степнов

Петушиное слово

Экологические этюды

Верстка О.И. Сотникова
Корректор Н.А. Белявцева

Подписано в печать 01.08.2025 г.
Формат набора 84x108¹/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,75.
Заказ № 474. Тираж 300 экз.

Изготовлено по заказу ООО «Пресса ИПФ»
394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143
Отпечатано в АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.
www.oblprint.ru
тел.: 8(473)20-20-900